

Анна Ведерникова

ВНЕБР@ЧНЫЕ ИГРЫ

Дневники превратились в блоги, письма - в смс-ки, имена – в ники, а лица - в аватары.

Отношения оцифрованы, чьими-то невидимыми руками разложены по папкам с паролями и ждут своего часа.

Когда пробьет твой час, ты будешь метаться и сходить с ума от страха...

Посвящается Алексею и Людмиле

Взрослые игры, такие прямолинейные – все об одном: раздеть девчонок, заставить мужчин махать меж ног гирькой, привязанной к поясу, а также притираться вторым к первым то в ритме танго, то «ламбады»...

Люба читала сценарий сегодняшней вечеринки и грызла яблоко. Яблоко плевалось соком на распечатку сценария, но последний был достоин отнюдь не яблочного сока. Ее ручка устала маркировать в тексте грамматические ошибки, глаза болели от напряженного чтения плохого текста на газетной бумаге, которую исклевала чья-то допотопная пишущая машинка. Самым забавным в Любином занятии были встречи с очередной «Ё» в тексте. Буква «Е» у автора безбожно заедала, потому он заменял ее этой хорошо забытой русской литерой. Так в сценарии появлялись «двё дёвушки», «вёдушый» и полная иронии отрицательная частица «нё».

Утомившись от авторского маразма, Люба направилась в кабинет Левки. Так и хотелось дописать точки на табличке его кабинета: «Еремёев Лёв Сергеевич».

-Как тебе творение нашего гения? – поинтересовался Левка. За полчаса до Любы он пробежал глазами сценарий.

-Пора закрывать с ним контракт. Мне уже костью в горле этот талантище. Получает по пять тысяч за сценарий, а не может компьютер купить и печатать как все нормальные люди.

-То есть содержание тебя устраивает? – поддел Лева. Он по привычке ерзал в своем крутящемся кресле: 90 по часовой, 90 против часовой...

-Содержание все равно переписывать. Слушай, может, мне самой с нами контракт заключить?

-Я тебе давно говорю, брось бесплатно стараться. Найди подставное лицо, оформи с ним контракт и получай денежки...

-Дёнежки, - задумчиво проговорила Люба.

-Ты здесь сегодня обедаешь? – спросил Левка. («Как всегда», - немо улыбнулась она). – А то поехали, конкурентов промониторим. У меня, если честно, изжога от нашего бизнес-ланча.

-А ты не пробовал вместо второго второго, например, салат заказывать? – съехидничала Люба. Левка съедал за обедом столько же, сколько весь «офисный» девичий коллектив: Люба, Маринка-Седая и Маринка-Мальвинка.

-Салат отдай врагу, - заключил Левка. – И лучше в лицо.

С этими словами на полуповороте кресла он глухо стукнулся коленом о стол, зажмурился, а когда открыл глаза, Любы уже не было в кабинете.

Маринка-Мальвинка была бухгалтером, единственным и потому главным, а бухгалтер в досуговом заведении должен отличаться от прочих бухгалтеров своей экстравагантностью. Поэтому Маринка носила голубые волосы, точнее, фиалковые – с сиреневым отливом. Второй ее особенностью было умение ругаться залиvistым матом. Бывало, подрядчики по телефону выслушивали такие небоскребы, что зависали минут на пять... Когда Люба вошла в Маринкин кабинет (не совсем кабинет – закуток между приемной директора и лестницей), фраза явно была на середине... До ее окончания Люба успела разглядеть себя в зеркало и отметить, как все-таки удачно ее подстригли неделю назад... Почти невидимые морщинки под глазами... еще лет десять – и закончится не только комсомольский возраст, как теперь, - закончится вся молодость с ее взрывами и весной, и тогда начнутся совсем другие проблемы и кабинеты...

-Привет, - закончила телефонный разговор Маринка-Мальвинка и обратилась к Любе. – Ты мне подотчет за март когда сдашь?

-В апреле, видимо, - ответила Люба («Привёт... подотчёт...»)

-В каком апреле, уже двадцать девятое! Брянский блин, тоже мне творческая личность...

Люба поняла, что сейчас не лучшее время для разговора об оформлении контракта.

-Зеркало у тебя красивое, Марина. Ты заходи, если что – чаю попить...

Такого гипнотического отпора Мальвине не давал никто, кроме Любы. На этом строилось их взаимное уважение и возможность пить чай вместе.

-Вы кто? С кем я разговариваю? – проорали в трубке. Чудная манера представляться для начала

телефонного разговора.

-Арт-директор, - ответила Люба с улыбкой. Она предвкушала интересный разговор.

-Вот вы директор, вы и разберитесь, почему у вас не принимают товар, говорят, что накладные завтрашним днем выбиты. Мы вам машину с товаром отправили еще в восемь утра, а она до сих пор не разгружена стоит!

Разговор явно удавался. Люба еле сдерживалась, чтобы не хрюкнуть в телефон.

-Я переключу вас на приемщика, хорошо? Одну минуту...

Люба поймала себя на том, что совершенно не хочет работать. Сценарий дерьмо, переписывать его бесплатно и платить деньги знаменитому чуду было противно, а остальная работа была настолько мелкой, неартистичной и потому запущенной – отчет за апрель, подотчетные, план на май и графики арт-программ на июнь...

Она надела пальто, переобулась и, оставив сумочку на стуле, вышла узкими коридорами и лестницами на улицу – на задворки крупнейшего в городе развлекательного центра с рестораном, кинотеатрами, боулингом и чего там еще только душе захочется...

Резкий, но уже теплый апрельский ветер бросил пыль ей в лицо, и сразу закололо в глазах – контактные линзы не терпят ни пылинки. Слезы, нужны слезы, побольше, как Левка просит побольше обеда... Главное – не допускать настоящих слез, потому что остановить их – она точно знает – не может никто. Почти никто.

Почти Никто позвонил через десять минут. Мелодия его звонка на Любином мобильном иногда снилась ей во сне, - тогда она пыталась выкарабкаться из глубокой дремы и протянуть руку к столику у кровати...

-Салют, как успехи? – как всегда, задушевно спросил он.

-Отлично, вся в работе, вся кипю... - то ли искусственно раскошегаривая свое настроение, то ли наблюдая, как оно само поднимается, ответила Люба.

-Я сейчас подъеду, ага? Ты представляешь, оказывается, человеку, который работает головой, надо всего на 300 калорий больше, чем тому, кто только лежит на диване и ничего не делает!

-Это смотря какой головой работать, - отозвалась Люба. – Если моей, то меньше. Если твоей – больше в два раза.

-А если мяч головой забивать – так это в пять раз, наверное... Ну, в общем, я уже выехал.

Они сидели в ресторане Любиного центра, ожидая свои обеды... Это было одним из ее условий полгода назад, когда она переходила на работу сюда, в «Комильфо»: в зарплате не выиграла, но обед на двоих бесплатно... Он приезжал к ней нечасто, сидел часа по полтора, неторопливо поедая первое, второе и Любу. Она странно холодела от его присутствия – и не кокетничала, не хохотала с вызовом, как бывало раньше, а просто пила его, как столовую воду – мелкими глотками, растягивая на полтора часа.

-Чем сейчас занимаешься? – он первым начинал разговор, подбрасывая тему, упорно спорил, потом отпускал...

-Как обычно – готовлю вечеринки. Сегодня на планерке подкинула идею рекламной кампании к выпускным праздникам.

-Молодец, - оценил он. – Выпускные для вас – золотое дно, да?

-Не знаю, - тихо улыбнулась она. – Я еще не почувствовала на себе всю сезонность. Надо проработать в компании год, пережить с ней все праздники, чтобы смело заявлять: я знаю об этой компании всё.

-Год – это мало, – ответил он, посерьезнев и глядя в окно, вниз на широкую панораму города в его апрельской предлиственной серости.

-Нужно прожить с мужчиной ночь, чтобы узнать, какой он любовник. Нужно прожить год, чтобы узнать, какой он муж. Нужно прожить с ним жизнь, чтобы узнать, какой он человек...

Он хмыкнул, покачал головой и принялся за суп. Его жена, конечно, не знает, какой он человек... А может, Люба просто выдумала эту «мудрость», как выдумала легенду о своем японском происхождении и множество других идей, полезных и бесполезных.

Маленькая, худенькая, – одно ее пальто весило меньше, чем его пиджак. Она так трогательно брала его за руку, когда они переходили улицы, – тогда, когда они еще изредка прогуливались вместе. Она хваталась за его руку как за последнюю возможность, но при этом решительно и отчаянно переходила

дорогу в самом неподходящем месте. Каждый раз, проходя мимо этих перекрестков, он вспоминал ее пальцы.

-А я вот увольняюсь, представляешь? – он то ли просил ее сочувствия, то ли собирался сказать что-то еще более важное...

-Где твое новое место? – спросила она тихо.

-Пока нигде, - ответил он, улыбаясь, и стала явной причина его увольнения... Собственники уже тогда, полгода назад, когда увольнялась Люба, были недовольны его работой, как, впрочем, и работой всех его предшественников.

-Поздравляю! – и Люба улыбнулась так же широко, как и он. – Теперь у тебя начнется новая жизнь. У меня после «Седьмого канала» жизнь пошла круто вверх!

Ухмыльнулся и потрепал ее по волосам. Она лгала, эта девочка, мужественно задиравшая носик в самые тяжелые минуты.

-Молодец, ты все время улыбаешься! К тебе как ни заглянешь в кабинет – все улыбается, радуется чему-то... Молодец!

Она радовалась ему, конечно. Он редко заглядывал в ее кабинет или вызывал к себе, и тогда грузил тяжелыми задачами, которые были не под силу самым матерым продавцам...

«Нам надо забирать деньги у наружников. Посмотри, какие деньги тратят на аутдор! При том эффективность этого носителя намного ниже, ты же сама это понимаешь! Вот ты и придумай, как переубедить рекламодателей».

Война – ее стихия: на войне, – рыночной, естественно, войне, – в крайних и невозможных условиях она могла победить, и сияла, приближаясь шаг за шагом к поставленной цели, чеканя на его вопрос «как продвигается дело?» - свое победное «Все отлично! К вечеру будет результат!». Вот чем можно было ее мотивировать – сложностью задачи, и почему-то никогда Люба не жаловалась и не искала причин для неудачи.

-Не хочу идти на работу, - сообщил он, когда последняя посуда была убрана с их столика. – Так хорошо с тобой тут сидеть...

Он взял ее руки, держал и смотрел в глаза, и Любе больше всего хотелось заморозить вот это свое состояние, законсервировать в стеклянной банке, чтобы открывать и принимать по капле в те часы, когда маленький огонек внутри становился исчезающее крошечным, способным погаснуть от малейшего движения воздуха.

-Здесь сквозняк, - заметила она.

-Ой, бедная, - пожалел, - давай пересаживайся сюда, ко мне.

Она пересела, и он обнял ее, зарылся носом в волосы.

-Ты хорошо пахнешь, - сказал и, подумав, добавил, - А может, сейчас поедем туда, в наше место?

Это были слова, которых она ждала по три месяца, а бывало, и дольше. Ради них она каждое утро придирчиво оглядывала себя в зеркало в ванной, ради них соблюдала все тайные дамские ритуалы: депиляция, солярий, изящное белье.

Это были слова, которых она никогда уже и не надеялась услышать снова, приказывая себе прекратить всяческие сопли и поднося колпачок к дотлевающей свечке...

Это были слова, которые выключали ее из этой жизни и включали на земле рай, и от ее маленького огонька разгорались сложные россыпи свечей в канделябрах всех ее шести чувств, и в ее огромном зале из зеркал и золота начинался настоящий бал...

Едва за ними закрывалась дверь гостиничной комнаты, как она переставала обращать внимание на такие глупости, как ворс чужих полотенец, запах чужих простыней, стук чужой кровати. Она словно под одеяло, забиралась, казалось, под самую его кожу, в самое его тепло, растворяясь в его большом теле. Она хотела все и сразу, и он даже смеялся иногда: успеем, куда ты торопишься?! Она неистово выжимала его по нескольку часов. То пот с его лба капал на ее спину крупными частыми каплями, то она опрокидывала его на спину и вбивала в мокрые простыни, - и в перерывах она не могла оторваться от него, втираясь телом в его тело, целуя его лицо – глаза, нос, губы и подбородок. Огромный колючий подбородок с вечно плохо выбриваемой глубокой ямочкой, который она сосала, как леденец, обсыпанный жестким сахаром...

Время проходило так быстро, что хотелось заглянуть под крышку часов: кто там подводит

стрелки?

И чем ближе был конец встречи, тем горячее касания и острее ощущения; уже наполовину одевшись, могли снова наброситься друг на друга и продолжить вертеться на этой безумной карусели, подгоняемой гормональным ветром.

Люба вернулась на работу совершенно расслабленная от своего маленького, но долгожданного счастья. Телефон в ее сумочке все это время надрывался, и батарея почти села: муж искал ее с обеда.

-Ты почему трубку не берешь? – закричал он, как только она набрала его номер. – Я тебя уже потерял, думал, что-то с тобой случилось.

-Не волнуйся. Я была на выезде. Телефон в кабинете забыла, - ответила Люба.

-На каком еще выезде? Куда ты ездила? – заводился муж.

-Ездила к одному танцевальному коллективу, тебе-то какая разница?

-Я тебя потерял! Я волновался! Думал, что-то случилось! – повторял муж с раздражением. – Ты когда дома будешь? У тебя рабочий день полчаса назад закончился!

-Не знаю, - отозвалась Люба. – Я только вернулась, у меня еще куча офисной работы. Надо срочно подотчет сдать.

-Ничего не знаю, иди домой, короче! А то я позвоню сейчас твоему начальнику... - не унимался супруг.

-Звони, - отрезала Люба и бросила трубку. Однако через полминуты телефон зазвонил снова.

-И не смей трубку кидать! Слышишь? Иначе я тебе по городскому звонить начну!

-Прекрати истерику, - попросила Люба. – Зачем ты звонил? У меня батарейка сейчас сядет!

-Я хотел узнать, собираешься ты домой или нет!! Кирюха уже три раза спрашивал, когда мама придет!

-Я ответила тебе. Теперь я могу положить трубку?

-Нет, ты не ответила!...

Это разговор мог продолжаться часами. Люба прекрасно знала весь сценарий. Бросить трубку было невозможно, потому что начнутся звонки на городской.

Дома предстоит очередной тяжелый разговор. Люба постоянно задерживалась на работе, и ее редкая тайна была тут совершенно ни при чем. При чем был только Любин трудоголизм.

Запуск новой программы, конечно, может пройти без ее автора, но как автор узнает о том, что понравилось посетителям, а что нет? Конечно, Люба старалась отсматривать свои программы в работе; хотя бы раз в неделю для этого приходилось оставаться после девяти, а девять – это только начало...

Когда ее спрашивали, как относится муж к ее графику, - отвечала, что он уже привык. Муж и вправду чаще всего с пониманием относился к ее напряженной работе, даже почти уже не обижался, когда в ответ на «поговори со мной... расскажи мне что-нибудь» слышал «я за день столько наговариваюсь, что язык к вечеру не ворочается», - но стабильно, раз в месяц, его толерантность давала сбои.

В таком случае летели чашки, жмурился и дрожал в соседней комнате Кирюшка, больше всех доставалось телевизионному пульту – он был перемотан скотчем многих, многих лет, как все отношения Любы с мужем – перемотаны до следующего раза...

Что было ответить после «можешь вообще не приходить»?

Настроение – в помойку, семейная жизнь – в помойку, личная – ладно, чего уж иллюзиями тешиться, этот раз был точно последним, соответственно, ее - тоже в помойку, кучу не разобранных бумаг на столе – туда же...

Люба вышла на улицу, чтобы покурить и хоть немного успокоиться. «И больше незачем любить Кого-то рядом Больше незачем курить Курить не надо» - неслось из чьего-то автомобиля. Усмешка... Она начала курить после того, как влюбилась. Любовь как нежданная и несвоевременная болезнь атаковала ее ослабленный организм, изношенный от многолетних, уже давно не трогательных отношений с мужем. Новое, очень хорошо забытое старое чувство вдруг так остро прожгло ее внутреннее зрение, что все события стали восприниматься либо как зверское несчастье, либо как счастье неземное. А когда у человека несчастье, надо выпить. А когда у человека несчастье в рабочее время, то выпить нельзя – надо хотя бы покурить. А поскольку на рабочем месте курить было нельзя, потому что он мог увидеть или узнать – то надо выйти на улицу, свернуть за угол и там жадно накачиваться никотином, чувствуя, как начинает покалывать кончики пальцев, как атмосфера сильнее прижимает к земле и вытесняет

Люба часа два просидела за своим столом, доводя до ума отчеты, планы, графики, служебные записки, и даже не заметила, что прошло так много времени. Коварны весенние вечера, светло допоздна.

Она очнулась от работы, когда в ее кабинет ввалился Левка и произнес свое фирменное:

-Ночевать тут собралась? Тебя уже из дому выгнали?

-Левка, не издевайся. Меня, пожалуй, и вправду выгнали.

-Ну тогда нам торопиться некуда! Пошли по чашке кофе выпьем!

-Я уже вообще-то идти собиралась.

-Пошли посидим, тебе не помешает. Вон лицо уже всё... зелёное. Кофе попьёшь и домой поедешь, - напомнил Левка про утреннюю эпидемию «ё».

Люба рассмеялась и вышла вслед за Левкой узкими, сверкающими кафелем коридорами в зал ночного клуба.

Ночная жизнь города только разгоралась. Под ароматный горячий кофе Люба наблюдала, как вальяжно раскидываются за столиками шестерки, напускающие тузовский шарм на своих спутниц, как тройка случайно проскочивших через охрану малолеток нагружается коктейлями, визгливо хихикая...

-Их же можно по смеху отсеивать, - сказала Люба Левке, показывая на стойку бара. – Так глупо ни одна женщина не смеется, только школьницы.

-Кому надо их отсеивать, вот ты скажи? – ответил Левка. – План прибыли по бару выполняется - и ладно.

-Да какой с них план? Закажут на копейку, а дуреют на тысячу... А эти, похоже, ссориться сюда пришли, - кивнула Люба в сторону какой-то парочки, застывшей в напряженных позах и без тени улыбки на лицах.

-Бывает... посмотрел не на ту, вот и ссорятся.

-Странно одеты как-то... Он чуть ли не в домашних тапочках, а она – будто в офис работать пришла, а не в клуб веселиться.

-Это ты странная, Любка. Люди ходят в клуб в чем хотят, ты до сих пор удивляешься?

Началась программа. Эту программу Люба писала еще четыре месяца назад, она шла по вторникам раз в две недели.

Под барабанную дробь пятеро девушек в красных пилотках и красных галстуках вышли на сцену. Кроме галстуков, на них были красные юбки, гольфы до колен и туфли без каблуков.

Люба при подготовке сценария сделала акцент на том, что галстуки должны быть больше тех, которые носили лет двадцать назад – чтобы казалось, что девушки меньше, и их грудь была хоть условно закрыта.

Вместо обычных официантов также стали появляться «пионерки», а на сцене начались какие-то пионерские конкурсы.

Люба знала, что гвоздем вечеринки будет детская игра «пух, мех или перо», в которую с азартом начнут играть взрослые перепившие дяди, но это будет ближе к трем часам ночи, когда их сексуальный инстинкт достигнет своего пика, и с влажными ртами они будут хватать оставшихся одиночек-девушек и орать им в ухо «Пух? Мех? Или насоооос? Ага!! Насос – целуй взасос!!!»

Как-то Левка ее спросил, похожи ли сценарии, которые она пишет, на то, что потом по ним происходит в действительности.

-Понимаешь, Лёв, когда я пишу, у меня в воображении стоит картинка, но она какая-то... неиспорченная, что ли... Там нет таких моментов: «в стельку пьяный участник ломает микрофон и кроет матом свою партнершу, по вине которой он не выиграл пузырь пива».

Они сидели в «мягкой зоне», Люба устало откинулась назад и Левка, на плече которого она совершенно по-дружески сложила голову, придерживал ее за талию.

Вдруг Люба отвлеклась от шоу, потому что услышала Левкино сердце, колотившееся в ее затылок с совершенно ненормальной амплитудой. Оно стучало громко, точно изнутри пыталось прорваться сквозь закрытый колодезный люк, и часто, как метроном на репетиции хард-роковой группы.

«Чего это он, - удивилась Люба. – На меня так реагирует, что ли?» Левка был примерным

семьянином, никогда не позволял себе даже пошутить на межполовые темы, может, поэтому Люба и не ожидала такой его реакции... Ей оставалось только догадываться, что сейчас творилось в его голове... Она несколько минут слушала постепенно приходящее в норму сердцебиение, пока не придумала, на что переключиться.

-У тебя есть ручка-бумажка? – спросила она Левку.

-Муза укусила? – рассмеялся Левка. Он попросил официантов принести бумагу и, заглянув в Любкины глаза, задал вопрос:

-Тебя саму заводит то, что происходит по твоему сценарию?

Любка махнула на него рукой. Глупый вопрос. Заводит ли ее куча пьяных мужиков с сальными глазками?

Другое дело – когда она пишет сценарий. Этот, «пионерский», она придумала после прошлой встречи, такой, как сегодня. Они пили друг друга долго, жадно, а потом, когда она одевалась, он сказал, что в своей короткой красной юбочке она похожа на маленькую шкодную пионерку с шаловливыми губками...

Как каждое его слово о ней, эти слова тоже всерьез запали в память и меньше, чем через неделю вдохновили на сценарий, неофициально признанный самым заводным за историю этого клуба. Люба ловко поддела сокровенную тему – первые сексуальные влечения и опыт, - и слух о вечеринке по вторникам пошел по мужской части города из уст в уста, как о новом порножурнале, который никто не видел, но все читали.

Люба торопливо записывала поправки к сценарию, чтобы завтра при дневном свете рассмотреть их и пустить в работу. Набралось уже не меньше двух листов, когда началась «женская» часть вечеринки.

Конечно, самый сексуальный и желанный парень – это вожатый с гитарой. То, как хореограф Вика сумела совместить вожатого со стриптизером – можно было по праву назвать искусством. Вика ставила танцы так, что, казалось, знала заранее, в какой момент зрители будут дышать с какой частотой, и какой у них будет в это время пульс, - это всегда восхищало Любу. Жаль, что не часто удавалось увидеться и поговорить с Викторией, как, впрочем, и с прочей «неофисной» частью коллектива - только после обеда они просыпались, приходили в клуб и начинали репетиции.

Зал визжал в полста женских глоток, руки тянулись к мускулистому Федору Иванычу, который вытворял с бывшей пионерской символикой такое, что партийные деятели не только исключили бы Любу из пионеров, школы и советской жизни, но и разделались бы с ее предками, если бы только могли предположить, куда заведет через много лет ее бурная фантазия.

Вожатый Федор Иванович (в быту просто Серега «Гладкий Маршалл») продолжал взъерошивать женскую часть зала, но Люба заметила, что одна девушка даже не обернулась к нему ни разу, сидя за своим столиком спиной к сцене. Та самая, из ссорившейся парочки. Ее «тапочный» спутник куда-то вышел, и она сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Левка проследил за взглядом Любы и пошутил:

-Снимать надо Гладкого Маршалла с программы. Зрительницы уже на его танцах засыпать начинают. Кстати, Гладкий Маршалл с женой разводится.

-Загулял? – самое логичное предположение для стриптизера.

-Будешь смеяться, жена загуляла. Он на работу, - она по мужикам. Он ее выследил и застукал в машине с каким-то жгучим брюнетом, припарковались у конкурентов...

Любазастрочила побумаге. У нее родилась идея древней мальчишечьей забавой – расстегиванием бюстгалтеров. Надо использовать это в конкурсе... После такого заводного маршалловского номера мужская аудитория приунывает, надо их встряхнуть...

Бог знает, сколько времени прошло, когда ее отвлек от обдумывания этой идеи разговор двух официанток у барной стойки:

-Да я к ней уже раза четыре подходила! Говорю, глаза открыты, не реагирует.

-А этот... с ней который был, давно ушел?

-Уже часа два назад, наверное...

-Не расплатился?

Через пятнадцать минут ведущий вышел на сцену, торжественно объявил о завершении

программы и пригласил оставшихся на танцпол в соседний зал. Охранники помогли самой неликвидной части зала доползти кому до выхода, кому до столика в другом баре, и через несколько минут в зале не осталось посторонних, кроме неподвижно сидевшей за столом девушки. Зажгли яркий свет, и доктор Лена с администратором направились к ее столику. Люба, впервые увидев свой клуб в таком свете, даже не догадывалась, что здесь возможно ликвидировать всю темноту...

Стены из бархатно-черных превратились в грязно-серые, обитые самой дешевой холстиной, местами прожженные сигаретой или разодранные на угол... Сверкающие столики оказались в разводах и царапинах, а темно-синее ковровое покрытие со светящимися флюоресцентными звездочками – в пятнах непереваренных кем-то коктейлей...

Все это в какие-то секунды Люба отметила, пока вместе с остальными подходила к девушке. Та сидела неподвижно, откинувшись на спинку диванчика, и руки ее сжимали мобильный телефон... «Реакции зрачков нет», - тихо сказала Лена и громко объявила: «Разойдитесь все, ничего не трогайте до приезда милиции. Похоже, передозировка».

-Часто у нас такое бывает? – спросила Люба Левку.

-Бывает, - туманно ответил он. – Сейчас снова копать начнут: кто продал...

-Неужели охрана не знает, кто продает в нашем клубе? Ведь наверняка тут одни и те же дилеры?

-Ты еще «дистрибьюторы» скажи, - ухмыльнулся Левка. – Ты у нас не задавай никому подобные глупые вопросы, совет такой.

Люба вернулась в кабинет, набрала домашний телефон и сказала голосу мужа: «У нас тут несчастье... встретишь меня?»

Он вошел в ее кабинет через двадцать минут, погладил по голове, опущенной на руки, тихо сказал: «Пойдем, нас такси ждет», и вывел на улицу.

После дневной пыльной бури прошел сильный дождь, пахло свежими почками, горели неоновые вывески и куча золотых огней на дороге... Закончился этот день, ставший дурным ознаменованием худшего этапа в жизни Любы...

2 Голуби

Фен привычно жужжал, укладывая Любины волосы вокруг щетки. Сама она вертелась перед зеркалом в одном белье: если надеть что-то еще, быстро вспотеешь от горячего фена, и придется снова мыться.

Кирюшка в ванной плескался и жужжал зубной щеткой, и Люба каждую минуту отрывалась от фена, чтобы подогнать его.

Муж сквозь собственные потягушечки в кровати давал ценные советы:

-Надень ему куртку, че-то из форточки прохладный ветер.

Люба сквозь зубы процедила, что на градуснике плюс двадцать три.

-Ты мою летнюю рубашку не видела? – протянул муж.

-Встань и посмотри в шкафу.

-Может, я хочу, чтобы ты мне достала, погладила и принесла?!

-Я опаздываю. Кирилл, вытирайся! Бегом джинсы надевать!

Муж громко застонал, потягиваясь во все стороны, потом сполз с кровати, подошел к Любе сзади и обнял ее, прижавшись изо всех сил.

-Пусти. Я опаздываю, - сказала она через три секунды.

-Что, я уже не могу свою жену обнять?

Любу всякий раз колотило от его совершенно неуместных нежностей.

-Сколько раз я тебя буду просить – не лезь ко мне, когда я тороплюсь!

-А что ты тут бегаешь передо мной в одних трусах?

-Я не перед тобой бегаю! Я просто бегаю!

-Опять начала!.. – недовольно заворчал муж, повышая голос. – С утра все настроение испортила! С тобой вообще невозможно разговаривать в последнее время!

Кирюха привычно подпрыгивал, дергая Любину руку, и взхлеб рассказывал о своем очередном

изобретении – «такой лифт, когда в него заходишь, загорается экранчик, там мультики и бегущая строка с рекламой»... Кирюха был экспертом по рекламным и корпоративным шоу-мероприятиям, то ли наслушавшись маминых разговоров с отцом, то ли генетически впитав страсть к ярким впечатлениям...

Давно прошло время, когда он шел в детсад с рёвом, - теперь он смирился и даже научился получать от садика свои маленькие детские радости. Только Любу каждый раз передергивало от отвращения, когда открывалась дверь и шибал в нос резкий, особый запах – такой бывает только в детских садах: сбежавшее молоко с чайными ополосками, многолетняя краска на лестницах, и притворная воспитательская приветливость, которая в отсутствие родителей превращалась в ненависть... «Педагоги и педофилы... последние хоть любят детей...» Каждый раз вскакивала в голове эта дурацкая шутка. Каждый раз сжималось сердце, когда Кирюшка махал ей лапкой и скрывался из раздевалки...

Теперь долгий марафон до остановки. Хотя как посмотреть. Это зимой – долгий изнурительный марафон, в начале которого околеваешь от ветра, а к концу тело так раскошегаривается, что приходится расстегивать верхнюю пуговицу дубленки. Медленно ходить Люба не умела, отчего Кирюшка вечно страдал... А летом долгая прогулка до остановки – приятная возможность почувствовать вокруг себя силу лета и маленькую, но радостную жизнь зеленой планетки.

Снова попала на глаза странная картина на газоне: остатки голубя с расклёванной грудной клеткой. Только этой весной Люба заметила: то там, то тут появляются такие «орлы», распластанные на спине и с оголенной грудной костью, как у обглоданной курицы. Про такое Люба никогда не читала и не слышала, и каждый раз хотела обратиться к знакомому биологу с этим вопросом, но забывала о голубях ровно через пять минут... Муж недавно говорил, что заклеывают голубей свои же – более сильные. И вроде как от голода. Но Люба не очень доверяла своему эрудиту, предпочитая проверять всяческую информацию.

Падающие птенцы – это понятно. Только вчера у соседней девятиэтажки Люба предусмотрительно обвела Кирюху вокруг мокрого пятнышка на асфальте, в центре которого лежал навеки голый воробей. Но взрослые голуби – это странно...

Впрочем, мыслям о голубиной смерти скоро уступили мысли о человеческой. Все сотрудники клуба обсуждали только вчерашнее происшествие. Следователи изъяли пленки с видеонаблюдением, поэтому коллеги восстанавливали картину кто во что горазд по собственным воспоминаниям.

Маринка-Мальвинка громко поведала, что эта проститутка появляется здесь каждую неделю, хотя сама Маринка никогда не задерживалась в клубе после семи вечера и знать этого не могла. Маринка Седая объясняла, что девушка никакая не проститутка, потому что в клуб поздно ночью приехал ее муж. Терещенко из службы охраны уверял, что муж был совсем не тот человек, с которым девушка тут иногда появлялась... а в принципе во всем этом хаосе молчали только Люба с Лёвкой. Причем Лёвка молчал лишь потому, что уплетал толстый бургер.

Прописал телефон – Люба получила смс, где ей желали доброго утра. Привычно обрадовалась и написала ответ. Пора работать...

Новый голубь ждал ее через несколько дней на другом газоне. «Мама, гляди, кошка съела птичку» - без всякого отвращения и скорее с любопытством прокомментировал Кирюшка. Этим вырвал ее из привычной задумчивости, которой она всегда страдала по дороге в сад, и которая так злила Кирюшку, страстно желавшего общаться в короткие минуты пребывания с мамой.

«Надо купить ему легкие шорты на лето», - в который раз подумала, глядя на торчащие из плотных джинсов ноги в желтых носках. Уже припекало по-летнему, и день обещал быть жарким.

Утро началось премерзко.

Ровно в девять позвонил автор и потребовал гонорар. Его не устроило сообщение Любы, что гонорар он получит после того, как проработает сценарий с ее поправками заново.

-Какие поправки? Я – творческий человек, вы понимаете это, девушка, или как вас там? Я пишу как дышу, и я не могу ничего переправлять, да еще и после вас! И если вас не устраивает мой сценарий – я больше вообще не буду с вами работать! Я работаю с клубами уже пятнадцать лет, и лучше других знаю...

Люба положила трубку на стол и, слушая похрюкивания, застучала по клавишам электронное

письмо новосибирскому скрипачу, которого намеревалась пригласить для частной вечеринки.

Спустя минут пять трубка полностью замолкла. Люба взяла ее, чтобы положить на место, и вздрогнула от идиотского смеха, который вдруг раздался в трубке.

-Вы что, меня не слушаете? – завизжала она пуще прежнего.

-Не слушаю. Идите... - ответила Люба и положила трубку.

Через десять минут ее вызвал Александр Палыч, напротив которого сидел Лёвка и нервно постукивал телефоном по столу.

-Ну что, госпожа артдиректор, мне на тебя авторы жалуются, - фамильярно произнес босс.

-Александр Палыч, это всё потому, что я на них не жалуюсь, считаю это ниже собственного достоинства.

-А с чего ты решила, что тебе на них можно жаловаться?

Любу часто бесил этот напыщенный мажорчик, получивший клуб от папы к окончанию финансового вуза; и только благодаря тому, что папа сам вел все коммерческие проекты, а сынуля – только финансовую часть, клуб еще не потерял своих посетителей. Был ли Сашок талантлив в финансах – отдельный вопрос; отчетности и строгости в бюджетах с его приходом ощутимо прибавилось. Но то, что как управленец он был дерьмецо, было ясно не только Любе. Сейчас, пользуясь папиным отпуском, он вникал в прежде закрытые для него вопросы.

То ли оттого, что старше на три года, то ли оттого, что сама не была профаном в менеджменте, - Люба никак не воспринимала его всерьез, на все его выпады реагировала с серьезным спокойствием, хотя в душе хохотала до упаду, глядя на его попытки делать бровки и строить людей как папа. «Папа – тот хоть с харизмой, умный и проницательный человек, несмотря на то, что бывает вспыльчив», - рассказывала Люба мужу. - «Получи сначала уважение людей, а потом ровняй их с землей, если считаешь, что они этого заслуживают»... Сашок, похоже, все-таки читал на Любином лице некоторое пренебрежение, и оттого еще больше злился, когда безуспешно пытался на нее надавить.

-Александр Павлович, - спокойно и с хорошо скрытой усмешкой, которую, казалось, мог понять только Лёвка, начала Люба. - Автор, которого я послала, не стоит ни тех денег, которые мы ему платим, ни тех минут рабочего времени, которые мы с вами – высокооплачиваемые менеджеры - тратим на обсуждение этой проблемы. Если это протекло кого-то из близких вам людей – так и скажите, может быть, я предложу другой способ дать этому человеку заработать. Если угодно – принесу вам прочитать его оригинальный сценарий. Леонид придерживается того же мнения, если я не ошибаюсь?

Лёвка заёрзал.

-С автором не очень удобно работать, - подтвердил он. – У него нет компьютера, рукописи он передает через дочь. Это долго. Саш, по адресу его послали, если честно.

Сашок повернулся к ним (все это время он сидел, уставившись в свой компьютер), убавил звук гремевшей у него музыки и мягко (что не предвещало добра) спросил:

-Так вас не устраивает работа с автором?

Лёвка заерзал еще сильнее, а Люба посмотрела в окно – пробивалась молодая зелень, еще пару дней – и город окутает зеленое облако...

-Почему нужно хамить взрослому человеку? Что, нельзя просто сказать ему «Нас не устраивает работа с вами?»

-Сейчас же перезвоню и попрошу прощения, - твердым голосом (только б не рассмеяться!) сообщила Люба.

-Вот-вот, перезвони. Что с выпускными? Когда будет программа?

-Через три дня, - подумав, ответила Люба. За программу выпускных она еще не бралась, но признаться или тянуть дальше невозможно.

Сашок записал в своем ежедневнике на понедельник: «Жаркова, выпускные», сделал музыку погромче и воткнулся в компьютер.

-Всё? Пошла работать? – уточнила Люба. Тот кивнул. – Спасибо.

Лёвка громыхнул стулом и вышел следом.

-Почему ты каждый раз говоришь ему «спасибо», будто он что-то для тебя хорошее сделал?

-Он и сделал. Во-первых, топ-менеджер уделил мне время. Во-вторых, каждый разговор добавляет мне в копилку что-то важное.

Лёвка посмотрел внимательно, разглядывая иронию или ее отсутствие, потом улыбнулся и

спросил, когда они соберутся обсудить выпускные.

-Давай на обед куда-нибудь съездим и обсудим, - ответила, улыбнувшись, Люба. – Заодно конкурентов помониторим.

-Не забудь прощёния попросить, - напомнил Левка.

Кто из них начальник – кажется, они порой даже забывали. Левка сваливал на Любу все дела, где требовался нестандартный подход. Она приходила к нему в кабинет, чтобы рассказать: Лёва, у меня на май план работ такой-то и такой-то, ага? Ага, говорил Лёвка. Давай, дерзай. Сам гонял штат в хвост и в гриву, закупщиков – за размороженную рыбу вместо охлажденной, официантов – за медлительность и ошибки в счетах. Пользовался уважением Папы и так же посмеивался над Сашком, но не смел ему перечить и предпочитал отделаться от его нападок бородатыми шутками. Часто помогало.

Сним было легко и спокойно, почти как с другом, но Любе ужасно не хватало в своем комдиректоре того, что было у предыдущего, на «Седьмом канале» – свежего и пронизательного взгляда на рынок, на бизнес и существующее в нем отношения. Не хватало Учителя – каким был прежний, с которым всё было насыщено и ярко – любая война и любая победа.

Она думала об этом постоянно, и страдала оттого, что видит его теперь так редко, не только потому, что не было рядом его теплых глаз и лукавой улыбки – этим она никогда не была избалована. Трудней всего оказалось без его объяснений: почему и как, – никто в жизни не дал ей знаний и понимания рынка больше, чем этот странный человек...

-У них (заметила?) девушек обслуживают парни, а парней официантки-девушки, - делился Лёвка наблюдениями в стане конкурентов, дожидаясь своего заказа.

-Нас с тобой девушка обслуживает, но мы же не парни, - ответила Люба.

-Значит что? Значит, девушек-официантов у них просто намного больше...

Пустой треп, попытки выжать из себя немного остроумия, и вот наконец!..

-Солянка, судак, - объявила официантка и выставила с подноса тарелки.

-Солянка хуже нашей, - мгновенно отозвалась Люба после первой ложки.

-Ты вообще фанат нашей солянки, - прожевал Лёвка.

-Нет, есть только одно место, где солянку готовят лучше. – Естественно, последовал вопрос «Где?», и Люба ответила только: - Далеко, отсюда не видать. В Москве.

В Москве была солянка – всем солянкам солянка. Тогда, в предыдущей жизни, дорогой ей человек кормил ее супом из ложки (видимо, считая, что это высший шик ухаживания) за несколько часов до того, как они вернулись в гостиницу, а потом еще немного – и впервые сплелись в партере. С тех пор солянка – великая вещь, но почему-то с Лёвкой она пресная, или это заведение конкурентов что-то недокладывает...

-Давай, вспоминай, как у тебя выпускной прошел? – Люба попыталась настроиться на рабочий лад и уйти от лишних воспоминаний.

-Как у всех... напильсь, кормили унитаза... Что, разве по-другому бывает?

-Конечно, бывает. Ну, что ты чувствовал? Была девочка, которая тебе нравилась? Ты танцевал с ней?

-Да брось ты, Любашка, какая девочка? Она еще раньше напилась с подружками и отсиживалась в туалете. А что чувствовал? – ничего. Только что кончилось всё наконец-то, и впереди - армия или институт.

-Н-да... неромантично как-то... А что бы ты хотел изменить в своем выпускном?

-Ну... это тебе лучше знать. Я со словом «бы» вообще не дружу, - улынулся Левка. Полное отсутствие фантазии восхищало Любу безо всякого иного подтекста. Наверняка просто и очень хорошо живет человек без фантазии. Он не мучает себя вопросами о том, чем сейчас занимается его любовь, не дышит ли другой в ушко так же громко и глубоко, как несколько дней назад с Любой... Впрочем, увлеклась...

-А у тебя как прошел выпускной? – отвлек Лева

-У меня - очень скучно. Очень старалась выглядеть очень веселой, но чувствовала лишь полное одиночество. Зато на следующий день написала кучу стихов, за которые даже сейчас не стыдно. А через несколько дней и вовсе влюбилась без оглядки, просто по-сумасшедшему, в первый раз в жизни, представляешь?

Левка улыбнулся.

-В семнадцать лет в первый раз? Ну, ты даёшь...

-Представь. Я была гадким утёнком, - Лёва с недоверием посмотрел на Любу, - серьезно! Я весила чуть больше сорока килограммов, была носатым лохматым подростком, похожим на пуделя, и в семнадцать выглядела на четырнадцать... К тому же перманентно хипповала, одевалась, в понимании наших гимназистов, как лох...

-Погоди... столько слов... про хипповала еще понятно, а вот пред этим было слово...

-Перманентно? – Люба рассмеялась, - забудь. Просто хипповала.

-Да нет уж, скажи, как-нибудь вкручу на переговорах с «Кока-колой»...

Они весело закончили обед, расплатились и закинули в рты по жевательной резинке, приложенной к счету.

-Фу, у них «Дирол», - заключила Люба как обычно, по-конкурентному громко. – Не то, что в «Комильфо» - там «Орбит»!

Это не имело никакого значения, кроме ритуального, вроде как кошки заскребают коврик.

Восемнадцать ноль ноль. «Не повод идти домой», - мысленно продолжила Люба, налила из кулера воды и достала пачку чипсов. Начинается вторая смена. Удобное время, если требуется серьезно подумать: ушли домой бухгалтерия, кадры... никто не звонит по телефону: «Всё пропало! Срочно сделай...»

Только по выходным и после шести, то есть в нерабочее время, текучка не отвлекает от стратегических и важных задач, дает возможность как следует подумать. Получается, функция «подумать» не оплачивается в рамках нормального рабочего времени и не доплачивается за сверхурочное... Следовательно, это благотворительность... Вот и сейчас Люба осталась, чтобы подарить своему клубу некоторое количество своих мозгов...

Что хочет выпускник? Такой выпускник, как Сашок: мажорчик, имеющий твердую дорогу в жизнь? Не думающий об армии и поступлении в вуз? Другим выпускникам будет не по карману выпускной вечер в клубе...

Что хочет девочка семнадцати лет, которой папа на выпускной подарит машину?

Как-то бабка а автобусе зацепила Любу колючей клетчатой сумкой, и на Любино возмущение «колготки порвёте» ответила злобно: «Ничего, папочка новые купит»... Люба тогда растерялась от ненависти... Колготки она покупала тогда раз в два года со своей стипендии в семьдесят рублей...

Чего они хотят? Несомненно, подтверждения своего статуса – своей исключительности по происхождению. Они хотят думать, что так будет всегда – папа и его капитал.

Что можно им предложить? Можно ли хоть как-то, хоть тонким намеком заставить их задуматься, - пусть не сейчас, а немного позже? Дать просто понять, что они – сами по себе личности, и могут ничуть не меньше, чем папа, только нужно самим – самим! – пройти все круги и понять, как устроен мир...

Ставить им классику и балетные номера – это смешно. Они посмеются над тощими балеринами. Возраст еще тот, когда кабаре интереснее балета.

Метать бисер... Хотя почему не удивить их именно классикой? Классический венский бал, с хореографической подготовкой накануне выпускного, - ведь элита европейской молодежи это практикует, почему нашей не попытаться? Пусть почувствуют себя по-настоящему взрослыми... подать блюда, которые они видели только в кино – вряд ли родители уже кормили их устрицами, слишком сложно... Но, с другой стороны, зачем сложности - потребителю надо давать то, что он готов потратить...

Не во сне, а наяву прозвучала телефонная мелодия, которая заставляла сердце Любы колотиться, как стальное колесо на стыках рельс. «Чем занимаешься? Давай, я за тобой заеду»...

Перво-наперво – звонок мужу. Чтобы не дергал каждые двадцать минут дежурным «Ну где ты? Когда дома будешь? Кирюшка уже заждался»... Сопевание, обсуждаем выпускные – и вранья никакого, потому что этим бы и занималась, если бы не он...

-Салют, - улыбнулся и загляделся на Любины коленки, когда она уселась на переднее сиденье.

Куда и зачем ехали – Любе было не важно.

Он остановился недалеко от пляжа, и вдвоем направились в пустынное пляжное кафе, обдуваемое всеми ветрами. Официантка долго объясняла, чего нет из написанного в меню, наконец взяла заказ – и они наедине. Простой разговор, как да что, как работа и что нового...

Трудно было с ним говорить, если он молчал: никаких острых тем, никакой оригинальной истории Люба не могла ему предложить. Сложно заинтересовать человека, который намного интереснее тебя самой. Приходится скатываться на полшутки и твердить как заведенная: «ничего, прорвемся, вот увидишь, все делается к лучшему, только мы не всегда об этом знаем»...

Принесли шашлык – несколько кусков мяса на картонной тарелочке, политые алым прозрачным кетчупом (как это вообще можно называть кетчупом?!). Появился повод поговорить о шашлыке...

О чем говорили и сколько сидели – Люба не запомнила. Она только впитывала его мелкими глотками, продляя удовольствие, зная, что следующая встреча может случиться не скоро. Она бы вообще молчала, прижавшись к его полному плечу, но на такое имеют право только жёны...

Странно, но никогда не хотела оказаться на месте его жены. И не только потому, что он заглядывал на сторону. Вспыльчивый и амбициозный, способный оскорбить, войдя в раж, он был навверняка невыносим в домашней жизни.

Они вышли из обветренного и пыльного кафе и отправились вдоль набережной. Ярко горело солнце, отражалось в окнах прибрежной гостиницы, и Люба жмурилась, как кошка на крыльце.

-Грязный город. Тяжелый город, работы нет, - заговорил он. – Я ищу работу в Москве.

Люба не сразу поняла, что это значит.

-Здесь нет для меня работы, рынок сильно отстает от других городов-миллионников. Слишком давит городская номенклатура. Расту некуда... За полгода, как ты ушла, - ни одного громкого проекта. Я уже решил, что уеду в Москву.

-А как же твоя семья? – Люба даже не могла, не смела спрашивать: «А как же я?»...

-Перевезу их попозже, когда сам устроюсь. А ты не думала о том, чтобы переехать в Москву?

Разговоры о Москве начались в Любиной семье давно, видимо, под влиянием его рассуждений о грязном безысходном городе. И каждый раз муж твердил ей одно: нет, мне в Москве делать нечего...

-Не трави мне душу, - тихо проговорила Люба, глядя на его морщинки от прищуренных глаз. – Я не смогу туда уехать с семьей, а одной мне там нечего делать...

-Может быть, это и правильно, - отвечал он задумчиво. – Семья – это главное. У тебя хорошая семья, береги ее...

Будто в каком-то ступоре, она вышла после недолгих поцелуев в машине и зацокала домой. Скоро эта история совсем закончится... а может быть, он еще и не уедет... Вдруг ему подвернется работа в городе-болоте, вдруг станет страшно или просто лень что-то менять...

-Устала, солнышко? – спросил муж, помогая расстегнуть ремешок туфли. – А я тебе курочку приготовил!

-Я уже чувствую по запаху, - раздраженно ответила Люба. – Опять чеснок добавил. Ты же знаешь, я вообще не могу этот запах выносить. Будто специально так делаешь, чтобы я не ела.

-Пришла... - протянул муж. Ухнул туфлю в угол и ушел в кухню.

-Почему раскидал игрушки и не прибираешься? – добралась Люба и до Кирюшки. – Прибейся немедленно и спать! Полдесятого, ребенка никто и не думает спать укладывать!

-Что ты разоралась, не успела зайти! – возмутился муж.

Усталой и измотанной Любе не под силу было удержаться от скандала...

-Выключай компьютер, я спать хочу, - попросила она перед сном.

-А я не хочу, - возразил он.

-Полдвенадцатого, мне рано вставать. Ты мне мешаешь.

-Ну что поделаеть? Я не хочу еще спать.

-Да в конце концов, сколько можно? Сидишь в своих тупых форумах, играешь в пацанские игрушки! Когда уже это детство закончится?! Я спать хочу!! – Люба кричала шепотом, чтобы не разбудить Кирюшку.

-Я не знаю, когда все это закончится! Я, может, хотел бы чем-нибудь другим заняться, только ты

же как обычно – хочешь спать!

-Если бы ты хотел «чем-нибудь другим», ты бы заранее побрился и лег намного раньше!

-Ага! Фиг! Дождешься от тебя! Я хоть на три раза побреюсь, все равно ничего не будет!

Через десять минут он, пахнувший свежей водой после бритья, гладил Любу под одеялом. Она психовала оттого, что хотела спать, и оттого, что единственный способ оттащить мужа от компьютера – намекнуть ему. Пока он брился, она успела уснуть, - теперь же он разбудил ее, требуя своей порции.

-Не лезь, - одернулась она. – Я хочу спать!

-Я так и знал, - разозлился он, встал и утопал на кухню греметь чайником.

Люба повернулась на бок, и злые слезы закапали на подушку. «Так тебе и надо», - думала она теперь, как еще год назад думала: «Вот изменю, будешь знать...»

...«Выпускные... что делать с выпускными?» - вспомнила она за минуту до того, как заснуть.

3 Наркотики

Люба смотрела программу в третий раз. В уме повторяла сценарий, словно суфлировала. Левка свалил домой пораньше, обсудить шоу было не с кем. Наблюдала за реакцией зрителей. При слове «блондинка» оборачивались блондинки, отрываясь от салатов и коктейлей. При слове «девушка» оборачивались мужчины только из сугубо мужской компании. И лишь при слове «деньги» оборачивались все одновременно.

-Вы работаете? – услышала Люба сквозь грохот музыки. Ну вот, с профессионалкой спутали...

Она развернулась, чтобы высокомерно глянуть на вопрошающего, но оторопела от его взгляда. Несмотря на темень в зале, была заметна в его глазах полная, всасывающая пустота, такая, что мурашки забегали.

-Что Вы хотели? – офисным голосом спросила Люба.

-Я спросил, Вы здесь работаете, в этом клубе?

-Да, я арт-директор, - пояснила Люба, чтобы окончательно избавиться от образа ночной феи.

-Я могу с Вами поговорить?

Они вышли на лестницу, где было светлее и тише.

-Скажите, у меня такой вопрос... У Вас ведь ведется видеонаблюдение? – Люба кивнула. – Скажите, Вы, наверное, знаете, у Вас недавно несчастный случай произошел... Есть видеозапись того дня?

-Вам нужно обратиться в службу охраны, - ледяным голосом ответила Люба. Кто он? Репортер, разношнующий подробности, посланный конкурентами?

Ее собеседник переменялся в лице, прошептал «Извините» и развернувшись, пошел вниз по лестнице. Явно не к сотруднику охраны. Люба догнала его уже у выхода и попыталась сгладить свой жесткий ответ:

-Вы из милиции?

Он посмотрел на нее своими глазами-черными дырами и тихо, едва слышно произнес сквозь сжавшееся горло: «Я – её муж»...

Они курили молча на улице у входа в клуб. Майские сумерки холодили Любины плечи. Веяло тоской и первобытным ужасом – впереди тьма, во тьме – холод...

-Давайте в моем кабинете посидим, - предложила Люба.

Пока она наливала Максиму чай и доставала из тумбочки печенье, он говорил отвлеченно:

-Так странно... полный зал народу, все веселятся, смотрят на сцену... И только один человек смотрит не на сцену, а на тех, кто смотрит на сцену.

-Нет, - отозвалась Люба. – Есть еще один. Который смотрит на человека, смотрящего на тех, кто смотрит на сцену.

-Я в последнее время часто сюда прихожу, - рассказывал Максим. – Странно, да? Тут она погибла, а я сюда хожу. Здесь веселятся и пьют, а я сижу и жду чего-то...

-Для чего Вам запись? – спросила Люба. - Ведь это не было убийство, просто передозировка. Она сама виновата.

-Это не Вам судить, кто виноват, - твердо, впрочем, беззлобно заметил Максим. – Мне нужно фото того человека, который был с ней. Мне не нужна запись, только фото. Я думал, что узнаю у следователя, но следствия не будет, дело закрыто. Люба, сможете где-нибудь найти фото?

Люба села напротив него и внимательно посмотрела.

-Я бы постаралась, если бы точно знала, зачем.

-Я не могу Вам сказать. Просто поверьте, что мне нужен этот человек.

-Может быть, виноват все-таки тот, кто продал ей наркотики?

-Люба, Вы хороший человек, я это вижу. Пожалуйста, не спорьте... Если б Вы знали столько, сколько знаю я...

Еще не известно, сколько бы продолжался этот никчемный диалог, если бы не позвонил Любин муж и не задал дежурного вопроса – где она и когда будет дома. Пока Люба с ним разговаривала, Максим словно застыл и внутри себя говорил сам с собой о чем-то бесконечном, но когда она положила трубку и попросила его оставить свой номер, он вскочил и трясущимися руками записал номер на уголке ее ежедневника.

Они вместе шли до остановки, она мучилась от того, что не знала, что такого можно ему сказать, чтобы вместо черноты в его глазах хоть на секунду блеснула искра. Наверное, ему не нужна была искра, но нужна чернота...

-Спасибо, - сказал он ей перед тем, как оставить ее на остановке и самому пойти дальше.

-Пока еще не за что...

-Спасибо, мы с Вами так хорошо... помолчали.

Сашок был не в духе. Они приехал на работу, как обычно, после двенадцати, – и дернул черт Любу именно сегодня пойти к нему! Ведь каждый знает: по понедельникам Сашок всегда рвет и мечет, лучше дождаться вторника и спокойно решить все вопросы. Люба решила, что дело не ждёт, и оно важнее понедельничных психов. Излагала Сашку концепцию выпускных, показывала эскизы пригласительных, рассуждая о вкусах золотой молодежи и даже не замечала, как Сашок медленно, будто чайник на плохой плите, закипает и начинает шипеть.

-А ты вообще когда-нибудь была на выпускных этой, как ты говоришь, золотой молодежи? А ты хоть как-то представляешь себе их досуг? Они всё уже в жизни видели! Их очень сложно чем-то удивить! А твоя задача – все-таки удивить!!! Так вот иди и думай!!

Самой большой глупостью в этом случае было даже не спорить с ним – а просто хотя бы попытаться понять, куда он клонит и что имеет в виду. Поэтому Люба просто ушла и стала думать. Сопляк, мажор, невыспавшийся после ночной гулянки... она расшвыряла на столе свои распечатки и вышла курить на улицу. Очень хотелось послать смс и получить обратно теплый и жизнерадостный: «Салют!». Но вдруг он сейчас не может общаться?..

Она набрала Максима. Единственный человек, с которым не надо притворяться и задирать нос, когда так хочется разреваться...

-Максим. У меня одна новость, даже не знаю, хорошая или плохая... Для Вас тут портрет лежит.

-Спасибо, Люба. Я постараюсь успеть да шести, чтобы забежать и забрать его.

-Можете не торопиться, я допоздна на работе. Если Вам тяжело сюда идти, давайте, на остановке встретимся, и я передам.

-Люба, не надо допоздна. Давай так, я в семь на остановке заберу у тебя фото, и потом ты пойдешь домой.

Люба никак не ожидала такого вмешательства в личную жизнь. И уж, конечно, не собиралась идти домой в семь часов, когда столько работы...

Получив от нее фото на короткой встрече на остановке, он резко сказал:

-Пойдем со мной, - развернулся и зашагал в сторону парка. Там находилась небольшая чайная, где они уселись у окна и, ожидая заказанные чайники, курили и трясли пеплом в стеклянный кружляш.

-Объясни мне теперь, почему ты не хочешь идти домой? – спросил Максим. – У тебя же ребенок, муж, - я слышал, как вы говорили по мобильному.

-Максим, - устало выдохнула Люба. – У меня действительно много работы. Я – бюджетобразующее звено в семье...

-Моя жена тоже считала самым важным делом свою работу. Пожалуйста, не повторяй ее ошибок.

-Я не буду их повторять уже хотя бы потому, что я не употребляю наркотики, - не совсем тактично

ответила Люба, но она всегда начинала ершиться, когда кто-то давал ей непрошенные указания.

Максим медленно, но вполне уверенно, как будто готовился к этому разговору, рассказал ей короткую историю. Его руки при этом без остановки тряслись, и сигарета сыпала пепел мимо.

-Она не употребляла наркотики. Никогда. Просто именно в этот вечер у нее состоялся очень неприятный разговор... словом, она ушла от меня, ушла к этому человеку. А он отказался от нее. По сути, выкинул на улицу. Она где-то нашла героин, она даже со шприцом не умела нормально обращаться... я не знаю, хотела она уйти навсегда или только на время. Наверное, навсегда. И в этом я виноват. Я слишком поздно начал ее искать. Я обзвонил все больницы, все участки, а когда нашел ее, было уже поздно.

Люба молчала, глубоко подавленная этой странной историей. Она не решилась ни о чем расспросить Максима, а только, когда он замолчал, хотела погладить его по руке... и на это не решилась. Вскоре они распрощались, и, вернувшись домой, Люба еще долго прятала от мужа свой растерянный взгляд, а потом не выдержала и поделилась с ним.

Реакция была странной. Муж будто примерял ситуацию на себя. И возмущался странностью Максима прощать то, чего прощать нельзя. Тогда Люба решилась задать свой вопрос:

-А что ты считаешь самой настоящей изменой: спать с другим, не любя его, или любить, но не спать?

-И то, и другое, - буркнул муж после некоторых раздумий.

Вечер откровенностей был окончен...

4 Лав мейл

Их заставили работать в выходной не от нужды, а по старой традиции – если у всей страны три выходных, то у тех, кто хочет зарабатывать деньги, должно быть только два.

Кому-то, возможно, этот «субботник» был и на пользу. Левка расчищал Авгиевы конюшни на своем подоконнике, воспитывал администраторов зала, Маринка Мальвинка готовила отчет по дебиторке, согласно которому Сашок в понедельник надеялся всыпать всем волшебных пенделей. А все Любины контрагенты отдыхали. Никто упорно не брал офисные телефоны, на сотовых нервно скидывали трубку... Люба влезла в старый почтовый ящик на мейле, чтобы расчистить его от бесконечного спама, однако и эта работа вскоре закончилась. Изучила все новости, выложенные в сети. Потом ее внимание привлекло маленькое окошко в углу экрана: «я парень, ищу девушку»... Можно было выбрать «Я девушка, ищу парня»...

Люба примерила на себя и усмехнулась. Прежний роман, который она устала хоронить и снова возрождаться с ним к жизни, скоро окончательно исчезнет в далекой Москве... Только не найти ей нигде такого же, чтобы часы казались минутами и счастья хватало на много недель...

Смеху ради, просто чтобы узнать, что это за тусовка, - она нажала «поиск»... И двадцать кандидатов, из которых всего трое прикрепили фотографии, выпали на первой странице. А всего страниц оказалось... Люба дошла только до восьмидесяти третьей и вернулась в начало.

Ухмыльнулась и занялась проработкой выпускных. Салфетки, двадцать пачек. Ленты для игры «рыбак», семь штук по три метра. Шары воздушные, десять метров диаметром шарика десять сантиметров и два метра диаметром шарика пятнадцать сантиметров...

Угарное дело - смета в выходной день. Весь Любин организм протестовал против необдуманного решения руководства о работе в выходной. Ее глаза слипались, как скотч, одна штука шириной семь сантиметров, и одна - полтора сантиметра...

Надо попробовать зарегистрироваться и завести с кем-нибудь переписку. Просто понять, что за люди бывают на этом сайте знакомств. Просто убить немного рабочего времени и трафика...

Он сейчас со своей семьей, хотя при желании мог бы сослаться на то, что вынужден выйти на работу, встретились бы... Как бы встретились? В пыльном уличном кафе с гадкими пельменями? В уютной чайной, где он бы напряженно оглядывался на двери каждый раз, когда они открывались? Или в гостинице с советской мебелью? Здорово, конечно, но ей гораздо нужнее общение, просто теплый взгляд, в котором – интерес...

Когда он уедет, ей станет совсем темно... «Когда огонь гаснет, становится так темно, что лучше бы он совсем не горел»... Эта фраза из Стейнбека была записана в ее книжке еще со студенческих

времен, но тогда она не значила для нее столько...

Будет противно не только идти домой с работы. Не только идти на работу, где исчезнет редкая вероятность увидеть его за ланчем. Будет противно просыпаться и противно засыпать... Любе даже казалось, что она на какой-то миг поняла состояние жены Максима и такое страшное ее желание...

Надо увлечься чем-то, пусть поверхностно, надо поверить в то, что взмахом тяжелых ресниц марфа еще может опрокинуть самовар...

Она зарегистрировалась под именем РыжаяРыжая, и вместо фотографии поставила картинку, созданную в фотошопе из своей фотографии, потерявшей в ходе художественной обработки паспортное сходство: остались общие черты, тонкая фигура, изящный манящий поворот...

В течение часа ее страницу просмотрели пятьдесят человек. Написали тридцать два. Ничего оригинального: «привет, давай познакомимся», «привет, ты красивая», «привет, я хочу тебя»... Но такого массового мужского внимания – да что там, просто мужского внимания – Люба давно не получала. Ответила, где спокойно и приветливо, где с норомом... Троим дала электронный адрес, чтобы прислали фотографии и письма чуть длиннее, чем просто «привет!»...

Женатые не размещают фотографий. Женщину без фотографии на сайте не заметят, а сами не размещают... Трусы, все мужчины жуткие трусы.

Люба побаивалась, что если не муж (вряд ли бы он шарился по этому сайту), то его друзья-программисты, которым вечно нечего делать, могут узнать ее и сообщить. Нужно быть осторожной, очень осторожной...

Это была его фраза, он сказал ее на следующий день после солянки... И повторял несколько раз, даже по смс. Но как быть осторожной, когда что-то совершаешь в первый раз? Не знаешь, с кем посоветоваться, где можно оступиться...

Конечно, лучше ничего не совершать, тогда будет нечего бояться. Но такой, - несовершенной, - жизнью Люба жила почти десять лет, а до этого скрывала только от мамы, и то недолго – свои далеко зашедшие отношения с будущим мужем.

А теперь приходилось быть осторожной. Выключать на ночь телефон, а включать - только запершись в ванной... Удалять сообщения и звонки сразу. Переименовывать абонента по несколько раз в год. А потом и вовсе удалить телефон из записной книжки – хранить в собственной памяти... Это тоже узнала с опытом, после того, как с большим трудом выкрутилась и объяснила мужу, что «желанная» относится не к ней, а к замужней подружке, я только передаю по ее просьбе, поняла, больше не буду никогда, пусть ищет другого передаста...

Когда долго ходишь по тонкому канату – потом по земле ходить неинтересно... Адреналин нужен, но лучше не сам по себе, а с небольшим вознаграждением...

«Давай сегодня встретимся» - предложил молоденький парень. Смешной, симпатичный, студент какой-то. Никогда не воспринимала как мужчин даже сверстников, только старше себя...

Какой смысл сидеть на работе, плавиться от безделья? Вокруг бушует весна... Люба и так всю весну пропускает в душной камерке в обнимку с компьютером... «Давай»...

Мальчик бесцеремонно поприветствовал ее и показал рукой: пошли туда. Они выбрались на берег, замусоренный всеми вариациями пикников: алюминиевые банки, полиэтиленовые бутылки, банки от красной икры и банки от тефтелей рыбных... пачки от сухариков и кальмаров. Такие разные люди, и все приходят сюда, романтически побухать не природе.

Мальчик не особо стремился заговорить и заинтересовать Любу, почти молча довел ее до гуши, обнял и задрал юбку. Люба засмеялась и стала останавливать его, поправляясь. Она никак не ожидала такого. Мальчик был весьма настойчив, уговаривая ее: «ну почему? Ты же хотела! Тебе понравится. Ну же, давай, малышка!». Люба продолжала отмахиваться и смеяться. Что на нее напало, не понятно, - она так смеялась, когда ее щекотали, - не оттого, что нравится или смешно, просто нервная реакция...

Мальчик истолковал ее смех по-своему. Надавил на плечи, подкосив в коленях, и вложил в рот свой заголенный карандаш (когда успел снять штаны? узкий какой и длинный, прямо как карандаш, - всё это за четверть секунды подумала Люба). Пришла в себя, уперлась в мальчика руками, и ногами - покрепче в землю (самая беззащитная поза – сидеть на корточках, это знают все зэки...), и оттолкнула его что есть силы. Пока она поправляла одежду, он складывал обратно свой канцелярский набор и бубнил: «Зря ты. Тебе бы понравилось...»

Они молча и быстро шли назад, к остановке, и никогда еще Люба не чувствовала себя такой

дурой. Не то, что рассказать кому – даже подумать стыдно. Дура. Дура. Дура. Надоело ей по земле ходить...

Поехала домой, вычистила зубы, вымыла полы в доме, утащила Кирюшку гулять во двор... Надо поскорее забыть, как там в психологии – замена, вытеснение, сублимация...

Лерка сама предложила встретиться, что уже означало высшую степень заинтересованности. Подруга обычно держала Любу на расстоянии, во всяком случае, Любе так постоянно казалось, когда Лера отвечала по домашнему телефону, что очень рада слышать, но прямо сейчас занята и стандартно просила перезвонить через 20 минут...

Лера была очень удручена. Они заказали по бокалу «Мартини» в голубоглазом уютном кафе, и подружка рассказала о своем горе. Случайно, поздно вечером мужу пришла смс, когда тот уже спал. Ответила. Пообщалась. Наутро эсбэшники с канала помогли установить номер – женщина из другого города, куда Леркин муж ездил в командировку...

Люба слушала и даже не могла толком сочувствовать Лерке, поскольку больше сочувствовала ее мужу. Бедный, забыл выключить телефон... Лерка, конечно, умница, красавица, домашняя хлопотунья, но ведь иногда мужчине этого мало. Нужен адреналин, тонкий канат...

-Ну а ты как? Видишься с кем-нибудь из наших? – Лерка решила отвлечься от своих грустных мыслей.

Из наших – значит, с «Седьмого канала», откуда Люба сбежала, не выдержав необходимости быть с ним под одной крышей и бесконечно общаться исключительно на деловые темы. Глупость, конечно, встречаться чаще не стали, а чутье рынка и деловая хватка ослабли, - без него, без Учителя...

-Нет, не вижу. Мне некогда, допоздна работаю... - слушавила Люба. – Как там у вас дела?

-Ты, наверное, уже знаешь, Корнеева уволили. Он сейчас в Москве, работу ищет.

-Быстро он... - только и смогла выдать. Уехал, даже не написал и не сказал ни слова...

-Да, на прошлой неделе уехал. Пишет, что ходил на три собеседования, и нигде не понравилось.

-Вы переписываетесь? – удивилась Люба. Хотя чему удивляться, он в любую свободную минуту брал телефон и что-то писал, а вскоре телефон пищал о новом сообщении... Так могло продолжаться часами.

-Да, он пишет смс иногда, но я боюсь, что муж меня не поймет, если это прочитает. Хотя теперь, наверное, мы квиты...

-Ну... Корнеев же не пишет тебе любовные записки, - с холодеющим горлом предположила Люба.

-Как сказать... Был у него период романтических ухаживаний, когда... в общем, старая история.

Люба вздрогнула. Надо было как-то задать вопрос, так, чтобы не спугнуть Леркины откровения и не выдать себя... Как?... Люба плотнула мартини.

-Да, я помню, ты рассказывала. Это когда муж что-то нашел у тебя в телефоне. Так это было с Корнеевым?

Лера кивнула, как ни в чем ни бывало. Люба начала по-сумасшедшему смеяться, будто кто-то под столом запустил ей мышь под рубашку. Лера, глядя на подругу, тоже разулыбалась, поняла как-то по-своему.

Посмеяться было над чем. «Романтические ухаживания» Корнеева за Леркой совпали с началом его отношений с Любой. Очень смешно. Просто очень, очень смешно...

Какое он дерьмо, - думала Люба, и больше ни о чем думать не могла. Какое дерьмо, и в какое дерьмо она вляпалась... И поплыл перед глазами новогодний корпоратив, на котором он только с Леркой танцевал, а Люба думала – это он для конспирации; и летний выезд, с которого у нее всё, наверное, и началось; Лерка тогда, почти прячась от крепко пьяного Корнеева, старалась держаться в толпе...

Какое дерьмо, зачем он так со мной...

Через неделю Люба отмечала свой День рождения. С мужем и сыном они сидели в каком-то фаст-фуде, обожаемом Кирюшкой, и жевали каждый свои мысли. Муж пытался банально шутить или рассуждать на темы, в которых мало что понимает, как казалось Любе.

Он взял ее руку и начал массировать большим пальцем тыльную сторону ладони.

-Прекрати, - Люба одернула руку.

-Ну вот, даже за руку не могу любимую жену поддержать, - обиделся он.

-Ну так держи спокойно, чего ж ты ее теревить начинаешь?! – вспыхнула она. – Я десять лет с тобой живу и десять лет одно и то же твержу: я ненавижу, когда ты начинаешь тереть мне кожу!

Муж серьезно обиделся и ушел курить...

Потом повели Кириюшку в парк, и Люба раскачивала тяжелые двухместные качели-«лодочки», не переставая смотреть куда-то сквозь небо.

Высокие качели с Любой и Кириюшкой на всей скорости проносились вперед-назад, описывая ровно полкруга, Кириюшка визжал, а Люба топталась в своем одиночестве, как высохшем колодце, и заботливый ветер не давал ее глазам промокнуть, высушивая на лету.

Вечером муж обнял ее, и она не отстранила его, как обычно, - надо же хоть иногда идти на уступки... Стараясь двигаться так, чтобы он ничего не заметил, она выключила свет. Нельзя, чтобы он увидел слезы в ее закрытых глазах, и что ее голова отвернута, чтобы не увидел слез...

Почти никто, - даже Левка, - не прислал ей поздравления. За весь день только три тётки моти, да пара забытых институтских подружек, спасибо им.

Так и запомнится ей это лето – качели на полной скорости, и полумокрые глаза, глядящие внутрь...

1 Его звали знакомым

Его звали знакомым, но очень редким по нашим временам именем – Игнат, но это имя он категорически не любил. Ему казалось, что оно обозначает не только его самого, а всю категорию людей, вынужденных вести такой же образ жизни. То ли оттого так казалось, что называли его Игнатом в основном врачи, медсестры и прочие чуждые люди, появившиеся в его замкнутом пространстве только для того, чтобы проявить свой долг. То ли оттого, что имя было созвучно как раз той категории, и словно оставалось только добавить: «Игнат первой группы».

Мать звала его Наткой, но это имя было так интимно и неизвестно никому, кроме них двоих, что он наверняка бы нехорошо вздрогнул, произнеси его кто-то другой.

Для множества форумов и прочих форм общения в Интернете он взял ник Wingless - «Бескрылый», хотя это было диаметрально противоположной характеристикой его положения. Была в этом имени некая едкая самоирония, а еще – отголоски той паники, которая приходила по ночам, если затекали руки, и долго не могла вернуться чувствительность в кончики пальцев.

В теплые месяцы он подолгу вечерами сидел на балконе, здороваясь с каждым, кто поднимал глаза и встречался с ним взглядом, и каждый август с нарастающей горечью наблюдал, как солнце день ото дня недобирает высоты, тускнеет и готовится к зимней спячке.

Когда приятели по его просьбе притащили в дом черного дожьего щенка, и тот весь день лил лужи, а мать, придя с работы, села в прихожей на пол и произнесла «Я так и думала, что все этим закончится», - у него появился настоящий друг. Вскоре Лара выросла в мощную догиню, стало легче ее прогуливать – Лара была умницей и гуляла одна, по первому зову возвращаясь в квартиру. Зато приятелей заметно поубавилось – Лара словно фильтровала их, кидаясь на слабых и случайных, просящих или приходящих из жалости, и от всей песьей души приветствуя настоящих. Последних, впрочем, оставалось исчезающее мало, - прошли детские заботы и общие интересы, и каждый с центробежным ускорением отдалялся все дальше, в свой космос.

Женщины приходили к нему нечасто, - именно женщины, а не медсестры, и не те писклявые косички лет десять назад, что еще помнили его здоровым, но вскоре выросли и обнимались с такими же прыщавыми подростками прямо под его балконом...

Сначала это были пробы, по ранней молодости, когда мать уезжала в командировки, оставляя его дня на два под присмотр приятеля Макса. Макс сам предложил и потом охотно помогал устраивать ночные головокружения, когда девки приглашались не только из созревающего интереса, но и элементарно прибраться квартиру к утру... Макс давно подался в мелкие бандиты и ныне сидел, оставив ему в наследство некоторые связи, через которые Игнат заполучил компьютер и вскоре смог почувствовать себя буквально как рыба в воде. Общаться, учиться, узнавать мир и даже зарабатывать деньги с помощью мировой паутины оказалось намного легче, чем делать то же самое, будучи абсолютно здоровым.

Один приоритет он все-таки не отдал Интернету – владеть женщиной. И пусть это было удовольствием, за которое платились деньги, - оно давало ощущение, что жизнь его ничем не отличается от других.

Знала ли мать, что в ее отсутствие здесь всегда появляется еще кто-то – сказать сложно, как сложно было пробиться лаской в ее насупленную душу. Только короткие «Натка» и теплеющие глаза, когда после особенно тяжелого дня он улавливал ее усталость и терся носом о ее тонкие пальцы, - только они напоминали о далеком времени, когда она сидела у его кровати день и ночь, шевелила губами под какие-то молитвы и улыбалась его каждому возрожденному движению.

Возможно, знала, - ведь знала, с какой высоты начинается его чувствительность, и могла заметить не раз, что на штанах сына оставались отпечатки помады, - но молчала деликатно, и регулярно оставляла его на ночь, впрочем, может быть, устраивая и свою личную жизнь.

Он не свистел вслед прохожим девушкам, потому что был единственным и обожаемым на короткой миг, когда в этом возникала необходимость.

И все же не только зависть вызывали в нем жадно слипшиеся в ночи парочки на детской площадке. Подкрадывалось чувство глубокого обмана, который природа устроила то ли в насмешку над ним, то ли от ненависти к самой себе...

2 Лара!

-Лара!

Его зов с балкона гремел на весь двор, и собака должна была его услышать и вернуться с прогулки.

-Лара!

-Что?! – отозвалась вдруг девушка с тротуара.

-Ты Лара, что ли? – спросил он с раздражением.

-А ты не меня зовешь? – удивилась она.

Дурацкая ситуация. Девушка незнакомая, скорее всего во дворе оказалась мимоходом, иначе знала бы и его, и собаку.

Тут из кустов метнулась черная молния. Девушка взвизгнула и сжалась, а Лара промчалась в раскрытую дверь подъезда.

Пока он протирал Ларе лапы у порога, по лестнице с громом эпитетов поднялась напуганная собакой девушка.

-Я номер твоей квартиры запомню, козлина! – с железобетонным эхом разносился голос второй Лары. – Лень ему собаку на поводке выводить!

Он раскрыл дверь во всю ширину, и Ларе на миг показалось, что он натравит собаку, и только сейчас стало по-настоящему страшно.

-Проходи, - раздался его голос из квартиры. – Проходи, она не тронет.

Та сила, что путает смелость со страхом, заставила Лару войти в квартиру, и тут она поняла, почему он не может выгуливать собаку...

-Ой, прости, я не учла такой вариант, - сказала Лара беззаботно, словно речь шла о колонии пивных бутылок у порога.

-Я тоже не учел, когда собаку называл, что девушки могут оглядываться, - улыбнулся он.

-У тебя прикольно пахнет в доме. Не собакой и не человечинной... Смолой, что ли.

-Это припой, - пояснил он.

-Припой?! – кажется, она не могла вспомнить, что значит это слово, или просто шутила: - Что-то среднее между прибоем и запоем?

-Я паяю. Железо всякое.

-А-а, работа изобретаешь. Бывает.

Он махнул рукой в сторону кухни:

-Тебя угостить чем-нибудь?

-Это смотря чем, - охотно отозвалась Лара.

-У меня есть суперский чай «Твайнинс» и, кажется, еще остался пирог яблочный.

-Давай пирог!

-А тебя не обломает есть в одной кухне с собакой? – он почесал затылок, извиняясь за такое внимание к Ларе-младшей.

-Лучше ее спроси, - снимая неловкость, ответила старшая.

(С) Анна Ведерникова, 2010. www.wedernikowa-proza.narod.ru

Лара громко чавкала овсяной кашей, Лара с удовольствием жевала пирог, а он думал о том, что по эту сторону стола он не выглядит так вопиюще беспомощно, потому что сидит словно в обычном кресле за обычным столом...

-Робота покажешь? – спросила Лара.

-Робота нет. Есть только компьютер, пятый «пентиум», - он почему-то произнес последнее слово с ударением на «и», - она никогда не слышала такого варианта.

-Ты на нем играешь целыми днями?

-Нет. Работаю...

Ей нравился этот парень – под обтягивающей футболкой ходили крепкие мышцы, чистые блестящие волосы шапкой почти закрывали глаза, и необыкновенной красоты губы еще ярче выделялись на широком лице с густой модной челкой.

-У тебя есть камера на компьютере?

-Есть, - ответил он. – А тебе зачем?

Они оставили Лару дочавкать свою похлебку и отправились в его комнату.

-Так... Думаю, у тебя в сети куча друзей женского пола.

-А как ты догадалась? – удивился он.

В комнате не было ни одного стула, и ей пришлось сесть на очень низкий диван.

-Ты с ними встречаешься?

-Нет, - тема исчерпана...

-А расскажи, как можно в Интернете работать?!

-Ну, во-первых, есть трейдерские программки – продажа и покупка акций, - объяснял он, щелкая клавиатурой и глядя при этом на Лару. – Но я уже этим наигрался, беру, только если явная пруха.

Коленки гораздо выше бедер, - поняла она, - и юбка слишком узкая. Вот почему он так смотрит. Лара подумала и забралась на диван с ногами.

-Во-вторых, я пишу статьи и обзоры новинок, это семьдесят баксов за лист. И еще в последнее время много заказов на разработку сайтов.

-А почему у тебя так книги стоят? – Лара провела взглядом по стеллажам на стене. Книги стояли корешками внутрь.

Он улыбнулся.

-Я их и так узнаю, без названий. Вот Ленин, собрание сочинений. А это Чехов. Это Ося Эм... - Лара проверила, действительно, это был Мандельштам. - Это мамины книги... в смысле – даже еще дедушкины.

-Забавно. А ты их читаешь?

-Я в электронном виде их читаю.

-А ты сам рисуешь?

-Тоже только в электронном виде. Хочешь, покажу свои работы?

-Потом покажешь, - то ли ей не интересно, то ли действительно случится это «потом»...

Она взяла в руки чудовищного мехового мишку, самого милого мишку на свете, потому что двадцать лет назад мама привезла его из мифической Москвы...

-У меня дома точно такой же, - сказала она. – Папа из Москвы привез в год олимпиады.

Мир снова тесен, и даже у мишки нашелся брат-близнец...

-Давай включим камеру, нас тогда по монитору покажут!

И вскоре на мониторе кривлялась Лара.

-А он может звук писать?

Он надел на нее наушники с микрофоном и нажал несколько клавиш.

-Хо-хо! Выс-ступает хор большого кремлевского ансамбля!

Лара-дог просунула морду в комнату. Он подозвал ее ближе, и собака стала третьим персонажем на экране.

-Во поле березка стояла! – запела Лара, и он затянул вместе с ней. Собака вскоре стала подтягивать.

-Ты хорошо поешь, - похвалил он.

-Ну так... Второй раз подряд не взяли бы... куда взяли, - туманно ответила Лара.

-Я буду каждый день запись смотреть.

-Когда твоя мама приходит? – спросила Лара.

-В половине девятого.

-Значит, до восьми работает. В магазине? – уточнила она, проходя в кухню и включая кран, чтобы вымыть посуду. Он въехал следом.

-Да, она администратор в книжном салоне.

-Отлично, теперь у нас блат в книжном салоне, - смеялась Лара. Слово «блат» росло из первой половины ее юности и казалось сейчас очень смешным.

Эти слова – «теперь у нас» - стрелой воткнулись в его сердце.

-Если хочешь, я тебе любую книжку в Интернете скачаю, - сообщил он.

-Неа, - возразила Лара. – Не любую. Похлебкина точно нет, я четыре часа угрохала на поиски.

-А что, сильно надо? – уточнил он. Лара выключила воду, вытерла руки и села на табурет.

-Нет. Не сильно. Просто не говори «гоп».

Она подобралась к нему на коленях и, не вставая на ноги, поцеловала в изящно вычерченные

губы. Ее руки при этом держались за его кулаки.

-Пока, крылышкин. Мне пора.

Он схватил ее за большие пальцы.

-Ты придешь еще?

В его голове пульсировал фреон. Если она больше не придет, то он ее прямо сейчас никуда не отпустит... Потому что без нее уже нельзя.

-Завтра, - ответила она, и скрылась за дверью, и с балкона ее было видно совсем недолго – минут пять, пока не свернула за угол...

Если она завтра не придет – значит, сама природа приходила сюда в лиловой юбке, чтобы поставить точку в вопросе о том, кто главный...

3 Не думать и не ждать

Он целый день старался не думать и не ждать. Делать обычные дела. Но снова и снова ловил себя на том, что смотрит на часы или выглядывает в окно. Почему его назвала «крылышкин». Подглядела в компьютере его ник?

Интересно, она специально села так низко, чтобы между ее высоко торчащих колен он долго разгадывал загадку: телесные стринги или ничего?

При одном воспоминании о ней у него, казалось, даже волосы встают дыбом, но еще что-то совершенно отчетливо примешивалось к его обычной мужской реакции... привязанность?.. какая привязанность может быть с первой встречи?

«Будь осторожнее», - предупредила вчера мать, когда он пытался поделиться с ней новым знакомством. – «И не обмолвись, где у нас кнопка экстренного вызова».

Мать не доверяет новым людям, и это правильно. Но ни одной шалаве, что бывали у него, не пришлось в голову сделать на него наводку. Может быть, это часть их неписанного кодекса? Надо будет спросить при случае...

Звонок, и он помчался к двери, но в свой нижний глазок увидел что-то странное-бурое, и только на вопрос «Кто?» услышав ее голос «медведь в пальто!», открыл и понял, что она прижала к животу лохматого близнеца игрушечного топтыгина. Лара-черная принялась обнюхивать незнакомый предмет.

-Давай, твой мишка будет девочка, а мой – мальчик, - предложила гостя, когда расселась на его диване и слопала конфету из коробки.

-Ой, где моя помада? – визгливым голосом спросил он и покачал своим мишкой.

-Не надо, ты и так красивая, - рычала Лара. – Дай я тебя съем!

-Ой, не надо, я боюсь, я же девочка, - вопил он.

На истошные крики прибежала собака и положила морду на обнимающихся мишек.

-Я боюсь, тут какое-то чудовище! – снова запищал он.

-Не бойся. Давай удерем! – предложил мишка Лары, и близнецы скрылись под диванной подушкой.

-И сразу стало тихо, - улыбнулась Лара.

-Я тебе Похлебкина скачал, - поспешил сообщить он.

-Ух ты! Где ты его только откопал?!

-Это секрет фирмы. Не расскажу, а то сама будешь качать, и я без работы останусь.

Лара откровенно разглядывала комнату.

-Я всегда думала, что мальчишеские комнаты – это кораблики и самолеттики на стенах ...

-Это фантазии детских писателей.

-Ты на этом занимаешься? – кивнула она на турник.

-Не только на этом. У меня еще тренажер, только он в моей комнате не помещается.

-Вообще-то видно, что ты качаешься, - похвалила она, – у тебя просто классные мышцы.

-Ага, смотри, какие у меня кубики, - он завернул рубашку, и она потянулась пальцем к его животу. Но шупать «кубики» не стала, а провела пальцем сверху вниз по пушистой дорожке, задержала у края джинсов и затем убрала руку.

Прервать? Повторить? Игнорировать? Abort? Retry? Ignore?

-Рефлексы проверяешь? – тихо спросил он, потому что, похоже, она действительно проверяла

Вместо ответа она резко развернула кресло спиной к себе и, перекинув руки через его плечи, стала расстегивать пуговицы его рубашки.

-Это здорово заводит – рубашка с пуговицами, - комментировала она. – Их можно долго, долго расстегивать и гладить тебя по груди...

Он отвел назад плечи и откинул голову, подставив губы, которые ей даже снились сегодня...

Когда электричество, что бежало по ним, ударило молнией, а затем наступила полная тишина, - они уже вытянулись на диване, и медленно-неохотно приходили в себя.

-Ты просто сказка моя, - прошептал он. – Ты не уйдешь больше?

-Уйду, но я приду еще. Только не надо думать, что я извращенка какая-нибудь.

-Скажи мне еще раз... - неуверенно попросил он.

-Что сказать?

-Как ты вчера меня назвала.

Лара задумалась со всем богатством сопровождающей мимики, и развеселилась:

-А-а, Крылышкин! Да-да! А здорово ты своими крылышками махать умеешь!

Он впервые в жизни смутился от размашистого женского комплимента...

4 Чем порадовать ее сегодня

Он долго думал, чем порадовать ее сегодня. Угостить? Тогда надо просить маму купить угощение... По Интернету продукты пока можно заказать только в Москве...

Элементарно – попросить пацанов с улицы, пусть даже припрячут полтинник на жвачку и сигареты, - но что пацаны понимают в дамских цацках?!

Может, все-таки мама – с ее «Будь осторожнее»? Ее недоверие ведь не развеешь, не передашь блеск глаз и глубокое дыхание, и особое чувство под названием «адыёс, одиночество»...

После обеда позвонила Голубика, напомнила, что пятница, и уточнила, нужна прежняя подружка или прислать новую. «Спасибо, красавица», - он улыбнулся в трубку. – «Я сам позвоню, когда понадобится твоя помощь». «У тебя появилась девушка?! Поздравляю», - искренне обрадовалась та.

Как ни банально, пришлось воспользоваться телефонным заказом в супермаркете. Способ был неприятен тем, что всегда использовался накануне визита тех самых подружек, - а ему не хотелось проводить параллелей даже в таких вопросах...

Сливочный ликер, шоколадные ракушки, персики – все это ему посоветовали в форуме как особо любимое девушками, - все стояло и ждало ее прихода.

Оно так и простояло до утра, и проснувшись, он первым делом поддал кулаком по столу так, что все – даже салфетки – разлетелось по комнате с глухим шлепаньем.

Он с полчаса сидел неподвижно, все пытаясь нащупать какую-то важную мысль, но никак не мог догнать ее, словно и в мире идей его ноги были не с ним.

Никогда он не позволял своему положению оказаться главнее. Он постоянно доказывал, что может все и даже больше, - доказывал себе, друзьям, но ему казалось, прежде всего – маме. И как только жизнь пыталась отбросить его в ряды неудачников, как только он осознавал очередную брешь в своем развитии, - он ставил новую цель и рано или поздно брал реванш.

А теперь стало совершенно ясно: всю жизнь он не просто изобретал способы уйти от главной проблемы, - он отказывался ее признать, и теперь она шарахнула в лоб.

Кто бы подумал, что женщина рядом может так много значить, и чтобы удержать ее, нужно крепко стоять на ногах во всех смыслах. А к этому он оказался не готов.

Больше не будет никаких самообманов.

Неистово рылся в ящике стола, отыскивая телефон алтайского шарлатана, как называла того мать, и найдя, дозвонился и сообщил: «Я готов».

Десять минут он переводил деньги и весь день собирал вещи в большую сумку. Его решимость тормозил только один вопрос: что делать с Ларой? Кто будет кормить ее и выгуливать? У Каспера свои дела, все, что он может сделать по-дружески – это в любой момент выручить с машиной. Мама весь день работает...

Уже позвонил Каспер, что выезжает за ним, уже мама наплакалась по телефону и не смогла переубедить, и Лара вернулась с прогулки, наелась и смотрела грустными глазами, понимая, что ее ждут большие перемены, когда прозвенел звонок и замерло сердце – она пришла.

-К потопу готовишься? – спросила она. – А что это у тебя по стене размазано, на персик похоже?

-Здравствуй, - ответил он.

-Привет. Ты прости, не пришла вчера. Работа. Дай, думаю, всё переделаю в пятницу, зато в выходные полностью свободна!

-Ты не позвонила...

Лара смутилась. Она никак не думала, что один пропущенный вечер так важен... что она столько значит в его жизни...

-Ну-ка, расскажи, кто к тебе в гости приехал? – весело кивнула она на сумку, чтобы разрядить обстановку.

-Я уезжаю, Лара, - он теребил в руках пластиковую карточку VISA. – Есть один доктор, он давно меня зовет, но я все не решался. Мать считает его шарлатаном, но других вариантов у меня уже нет.

-И где этот вариант находится? – спросила Лара серьезно.

-На Алтае, в горах. Меня друг отвезет туда на машине.

-Ты думаешь, в горах принимают VISA? – только и хватило ее остроумия...

Она помолчала минуты три, - все это время он что-то говорил о деньгах, собаке, о докторе...

-А ты можешь через месяц поехать? – наконец произнесла она.

-Могу, - подумав, ответил он. – А почему месяц?

-Потому что мы как молодожены, и нам положен месяц сплошного мёда, - игриво улыбнулась она.

-Разворачивайся, - сообщил он Касперу по сотовому телефону. – Боевая тревога отложена на месяц.

Последние слова он говорил уже, задыхаясь от прикосновений Лары к его горячим точкам...

Легким, невесомым стало его тело, будто отправлялось в полет, и Лара прижала его собой, чтоб не улетело совсем. Жарко дыша, он приподнимал ее руками за мягкие бедра, и совершенно забывал о своих тридцати килограммах бесчувственности, будто тело было снова резвым, как у того двенадцатилетнего мальчишки...

Влажная и горячая, она лежала, вытянувшись на нем во весь рост, приятной тяжестью на животе, неосязаемой – на ногах и мягкой - на груди. Она вытянула его и свои руки вверх, сплетя пальцы, и жарко дышала в его щеку. Он еще был в ней и совершенно не хотел выбираться.

-Давай снимем квартиру... - шептал он ей на ухо.

-Зачем? – удивилась она. – Нам и так хорошо.

-Я хочу быть с тобой всегда...

-Ну я же работаю... А после работы сразу к тебе.

-А потом ты уходишь домой, потому что приходит мама.

-А ты как хочешь? – заискрились глазки Лары, глядя в его глаза. – До утра, что ли? Давай до утра! Выдержишь?

-Да ты первая сломаешься! – поддел он.

-Спорим?! – подскочила Лара.

-Да что спорить, говорю тебе, домой запросишься!

-Ха! – Лара встряхнула своей разлохмаченной головой. – Еще посмотрим! Готовьте игрушки!

-Какие игрушки? – удивился он.

-Такие игрушки... которые суют куда попало! – хихикнула Лара. – Когда устанешь, они тебя выручат!

Такое смешное получилось пари...

5 Для новой жизни

Он не сможет снять новую квартиру для новой жизни, он это понял уже на следующий день. Во-первых, Лара. Она не сможет так же свободно гулять в чужом дворе, где ее не знают соседи. Во-вторых, все те приспособления, которые он устраивал годами: турник, скобы под потолком, низкие

полки – все, что помогало ему легко перекидывать себя и вещи с места на место, - в другой квартире просто были немыслимы. В-третьих, компьютер, выделенная интернет-линия и прочее, прочее...

Он просто снял квартиру для мамы, в доме напротив, и просто сообщил ей: «Мам, сколько ты будешь со мной мучиться? Я вполне справлюсь, а ты еще молодая. Приходи в гости каждый день!»

Мама весь вечер молчала, возилась на кухне, а перед сном заглянула в комнату, где он по привычке допоздна торчал за компьютером, и спросила:

-Ты не передумал?

-Я не пойму, ты обижаешься, что ли? Я бы радовался на твоём месте! Такой тяжелый рюкзак скинуть! – не оборачиваясь к ней, просил он.

-Натка, это из-за нее? – еще более мягко обратилась она.

-Мам, ну сколько я уже буду со случайными девками встречаться? Так и подхватить что-нибудь недолго. Сколько она со мной проживет, не знаю пока. Знаю только, что если у меня не будет своей квартиры, она уйдет намного раньше...

Мама обняла его голову, постояла так несколько минут, покачиваясь из стороны в сторону...

-Я только не сразу свои вещи заберу, а постепенно, - сказала она.

У них с Ларой была такая игра. Он ждал ее весь вечер на балконе, и когда она появлялась на остановке, а затем скрывалась за углом соседнего дома, чтобы перейти улицу по светофору, он возвращался в квартиру и исподтишка наблюдал, как она идет через двор, упругой спортивной походкой, как при этом подсакивают ее груди на каждом шаге... Если она шла медленно, они колыхались из стороны в сторону, а если чуть быстрее – прыгали вверх-вниз, как прыгало вслед за ними его сердце.

Лара тоже словно чувствовала приближение своей тетки, начинала суетиться, ходить вокруг хозяина, облизывая его руки. Лара всегда приносила собаке с работы что-нибудь безумно вкусное: сахарный крендель или – о счастье! – сочный беляш, от запаха которого сворачивало все обонятельные рецепторы.

Она никогда не открывала дверь сама, хотя он передал ей ключ в тот же день, - всегда звонила, дожидаясь, когда он докатится из соседней комнаты, и не догадываясь, что эти несколько секунд он находится прямо около двери и выдерживает паузу, разглядывая ее в низкий глазок.

-Хочешь есть? – спрашивал он.

-Сначала секс, потом кекс, - отвечала она, и через пять минут выходила из ванной, розовая, ароматная, босиком пробегая к кровати, где он ждал ее с налитым тоником и не только тоником...

То, что она творила дальше, он не мог бы объяснить ни одной другой женщине. Она всегда была разной, то робко по-девичьи его касаясь, то хватая жестко, почти по-мужски, то покачиваясь озерной водой, то со скоростью хорошей швейной машины строча его белое, не тронутым загаром тело.

-Ты сумасшедшая, - говорил он, глядя ее по волосам, когда она наконец ложилась передохнуть. – Таких, как ты, не бывает, и ты мне снишься.

-Обзывается еще, - притворно обижалась Лара.

-Давай уже поедим, - просил он. Она вставала с кровати, медленно и важно, давая ему налюбоваться своим круглым задом и тонкой талией, уходила одеваться и разогревать еду, после этого одевался он, бросал свои резиновые ноги в коляску и выезжал к ней.

Жизнь опять повернулась к лесу задом, и снова он дал себя обмануть, что ноги – не главная переменная в его формуле. Что достаточно на ногах твердо сидеть...

-У нас в пятницу корпоративный выезд на природу, - сообщила Лара в один из тех теплых августовских дней, когда начинаешь задумываться: может, это последние теплые дни в этом году.

-А-а, шашлык-водка-кусты? – посмеялся он.

Но в пятницу ему было не до смеха. Все его Интернет-собеседники на форуме в красках расписывали, как обычно проходят корпоративные выезды, и цитировали бессмертное: «Как восстановить имидж деловой женщины после корпоративной вечеринки». Один даже прислал адрес сайта, где собираются всяческие любительские компроматы.

Он боролся с желанием позвонить ей, а когда окончательно проиграл, ее мобильный оказался отключен.

Давно, года четыре назад, друзья брали его с собой на ночные рыбалки. Это были лучшие его воспоминания и природе и мужской дружбе. Он мог вволю кататься на песчаном берегу, чувствуя тепло и запах земли, напиваясь ее энергетикой, вечной, как вселенная, весело смеясь с друзьями и не боясь выглядеть жалким. Ему снилось иногда, как древняя любовница-земля обнимается с ним под звездами...

Но друзья обзавелись семьями, возились с младенцами и перестали не только звать его с собой, но и выезжать сами.

Глубокой ночью, пока он корчился в пустой кровати, впервые один за всю эту новую жизнь, его вытащил из полудремы легкий женский смех за окном, такой знакомый, что звучи он шепотом, все равно бы проснулся.

Легкий смех, мужской тихий голос и хлопанье дверцы машины, - все это он слышал, пока поднимался с кровати, чтобы выглянуть в окно.

Кто-то привез Лару на машине, светлой «тойоте» - скорее всего, «тойоте», потому что левый руль, она помахала водителю ручкой и направилась к подъезду, а тот уехал.

Сердце застучало еще сильнее. Проходили минуты, а Лара не входила в дом и не звонила. Что-то случилось.

Он перебрался в коляску и выехал в коридор. Прислушался. В подъезде была полная тишина и темень.

Подождав еще минуту, он включил в коридоре свет и резким движением распахнул дверь. За ней стояла напуганная Лара.

-Черт! Ты меня напугал. Стою и не знаю, спишь или нет. Боюсь звонить...

Она прошла в квартиру и закрыла за собой дверь.

-Так бы и стояла, наверное, до утра, - улыбнулась она.

-У тебя ключ есть, - нейтральным голосом напомнил он.

-Не могу я ключом открывать. Неправильно это...

-Иди спать, - тихо промолвил он, глядя, как она разувается и легко теряет равновесие.

-С удовольствием, - отозвалась она через паузу. - Смертельно спать хочу.

Вывалившись из ванной, она упала в кровать и мгновенно заснула. Он сел на край матраса, разглядывая ее в глубоком сумраке августовской ночи, смешанном с пронзительным хором сверчков. От нее шел легкий запах алкоголя, но сильнее был запах ее тела, той ее части, откуда течет сок, когда она садится на его губы своими губами.

Он провел рукой по ее бедрам и дальше, и, не сдержав желаний, уже через минуту вытянулся на ней, размякшей и такой беззащитной, какой она не была еще ни разу в его руках.

И только после своей победы он увидел, как хитро блеснули ее приоткрытые глазки, и спросил негромко: «Притворяешься?». На что она сказала, что притворяется как раз он, когда заставляет ее скакать по-амазонски сверху...

6 Конец лета

Чем ближе был конец лета, тем грустнее становилась Лара, и явно что-то тревожило ее в последние три дня.

-Слушай, красавчик, - сказал он своим медведем её медведю. - Что-то с твоей хозяйкой неладное. Она не беременна?

Вот так просто, в меру тактично, зато сразу...

-Ну-ка, сейчас посмотрю, - ответила Лара, покачивая медведем, потом затолкала его себе под юбку и снова достала. - Нет, однозначно не беременная. А ты не беременная?

-Нет еще пока, - дурашливо ответил он.

-Так что ж мы теряем время?! - завопила Лара, и один медведь напрыгнул на другого, а Лара-хвостатая схватила его зубами за ухо.

-Что с тобой? - спросил он уже без медведя.

-Думу думаю, - Лара закусил губу.

-Думай вслух! Я тоже хочу твою думу думать. Может, на двоих она быстрее придумается...

-Я же в институт поступила. Второй раз уже. В первый - учиться не смогла... по личным обстоятельствам. И во второй раз получается та же чушь...

-Ну-ка, давай по порядку и подробно. Какой институт?

-Песни и пляски. Данные у меня, говорят, хорошие. Только одна проблема: я - здесь, а институт - в Москве...

-Понятно теперь. Тебе первого сентября надо в первый раз на первый курс... Билет уже купила?

Долгая, долгая пауза. Да и не важно, купила или нет. Купила – можно сдать. Не купила – можно купить. Главное – окончательное решение. А его, очевидно нет. Или есть, но не знает, как сказать...

А что тут думать? Подружки, как одна, крутят у виска: рехнулась? Перспективы в Москве – с такими-то данными! – и перспективы тут, с инвалидом, страсть к которому утихнет через три месяца, он будет ревновать ко всем, даже к престарелым, но - ходящим... превратит жизнь в кошмар...

Смешно менять Москву на человека без ног, которого знаешь всего несколько недель... Но кто придумал этот трепет в животе, когда на тебя смотрит мужчина – настоящий, сильный мужчина, намного сильнее всех твердо шагающих по асфальту; мужчина, который, несмотря на свою травму, сумел остаться мужчиной, потому что победил самое страшное – тоску отчаяния и одиночества?!

И кто придумал эту ответственность «за тех, кого приручили»? Один французский летчик, смелый и балагуристый, отличный товарищ, который бы не бросил друга в беде и вынес бы хоть с ногами, хоть без ног? Так ведь это – в условиях, приближенных к боевым, пусть и в мирное время. А он пробовал прожить всю жизнь с человеком, самого себя загоняющим в ограниченный мирок, тусклый и тесный? Он пробовал – как нормальная русская баба – тянуть на своем хребте троих детей и мужа-алкоголика? И не выгнать последнего из дома после очередного дебоша только потому, что «в ответе за тех...»? Лара видела закат своего отца, и лучше всех подружек представляла себе закат их с Наткой страсти: истерики, подозрения, алкоголь...

Все эти мысли точили ее уже несколько дней, и как трудно было объяснить свое решение: попробовать сделать паузу, без обязательств на будущее... Лара поймет, сможет ли нескольких месяцев прожить без его сильных рук и сладких губ, а значит, скрутило их вместе что-то настоящее – или это просто заполнение вакуума.

Но как быть, если она – сможет, а он – нет? Ведь у нее всегда остается множество альтернатив, а у него – ни одной?!

-А ты... может, мы вместе сможем уехать? – предположила она. – Тебе ведь все равно, откуда работать в интернете... А в Москве гораздо благоприятнее условия – бордюры, тротуары, даже специальные туалеты в ресторанах, - они же сейчас стараются, тянутся за Европой...

Она и сама верила в то, что несла, эта смешливая девочка. Что Москва может быть как Европа. Она просто не была в Европе... Он общался с одним парнем из Люксембурга, тот очень удивлялся: как может в пятиэтажном доме отсутствовать грузовой лифт? Это же ущемление прав людей на колясках!

-Слушай, ты... Проваливай в свои песни и пляски, и чтоб я тебя больше не видел! – сказал он спокойно, но с железом в голосе.

Лара уставилась на него, будто оглушенная. Она хотела найти компромисс; но тот, кто теперь требовал от нее однозначного решения – или стопроцентное «нет», или стопроцентное «да», - хотя, какое «да»? он же ей никогда не предлагал выйти замуж, никаких долгосрочных перспектив – а если она завтра ему надоест? Пошла вон – и долбись в двери своего института в третий раз? Как тот, первый, женатый козлик, который испоганил ее первую влюбленность обещаниями развестись? И точно такие же личики делал – или я, или пошла вон? И тот, кто теперь требовал от нее решения, - он точно такой же? Как та сволочь, что развелась в итоге и женилась на другой бабе, потому что у той оказался его ребенок? Выходит, он ей – такой же чужой человек, и всё, что здесь было, - только показалось ей любовью?

-Что я сейчас, по-твоему, должна сделать? – тихо спросила Лара. – Уйти и больше не появляться? По первому твоему требованию? Без разницы, хочу я этого или нет? Без права сказать слово?

-Иди, - ответил он, уже совершенно спокойно. – Ты сделаешь это рано или поздно. Лучше раньше, это честнее. Мне твоя жалость не нужна.

-Я не испытываю к тебе ни капли жалости. Ты ее недостоин. Но любви ты тоже пока недостоин. Любовь – это работа над собой. Тяжелая. Для вас, мужчин, - обычно вообще невероятно тяжелая. Я думала, ты лучше, ты сильнее всех мужчин. Но ты, оказывается, тоже боишься тяжелой работы.

Почувствовав, что на этом нужно закончить, Лара встала, взяла сумку и, второпях сунув ноги в

босоножки, выбежала из квартиры. Он не попытался ее догнать. Он даже не подъехал к окну. Он падал в яму, над которой стоял всё это время, пока не рухнули доски...

Разговор в маршрутном такси

-А там вода горячая есть?

-Есть, есть. И холодная есть, и всякая.

-Класс! Ты что своей сказал?

-Что на работу вызвали. А ты своему?

-Тоже что на работу. Прикольно! Поработаем как надо!

-Уж я над тобой поработаю, я над тобой знаешь, как поработаю!

-Хи-хи-хи... Погоди, телефон звонит... Да, любимый? На работу еду. Нет, не знаю... Нет, не смогу... Ну, сходи с ней в цирк или в зоопарк!

5 Босоножка

Сашок вернулся из отпуска со свежими идеями и, похоже, совсем без денег. Потому что у всего офиса с его выходом начался один сплошной понедельник. Даже флегматичный Левка бегал в два раза быстрее обычного.

Любу пересадили в кабинет с Маринкой Седой, и та целый день пыталась свести работу к обсуждению очередного каталога не то Эйвон, не то Орифлейм. Все бы ничего, если бы Седая не играла не то в великого психолога, не то в ведущего из пальца высосанного ток-шоу, пытаясь умничать и рассказывать Любе о жизни на уровне второклассницы, начитавшейся чужих писем.

-Ты скажи своему начальнику, что у тебя очень много работы, - с абсолютной простотой и искренностью давала она советы, о которых Люба не просила. – Пусть он тебе зарплату поднимет, что же ты так зря стараешься! Скажи, у меня, мол, муж есть, сын, они не любят, когда я дома задерживаюсь. Вот ты сколько получаешь?

Любу это жутко бесило, и она все чаще заходила к Лева по делу и без.

-Представляешь, что я сегодня видела? - она начала утро с самой бурной своей новости. – Вела Кирюшку в садик, обходила лужу вдоль дома через соседний подъезд. Смотрю – лежит на газоне босоножка женская. Думаю, какой-то дурак в окно выбросил, что ли... Или компания ночью пила и допилась до того, что какая-то золушка босоножку потеряла...

-Ну, - кивнул Левка. Он привык, что необычные истории у Любы всегда имеют очень длинную и подробную предысторию.

-Потом выворачиваем к подъезду, и там прямо на мокром асфальте лежит девушка, ну, наверное, все-таки женщина... лежит так на спине, руки раскинуты. А у нее на животе сидит какой-то мужик и гладит ее по лицу.

-Плохо, что ли, стало? – уточнил Левка.

-Не знаю. Кирюшка громко так спрашивает: «Мама, а что с тетенькой?». Я говорю тихонько: «Тетеньке плохо, пойдем, пойдем». И мы ушли. Я даже не знала, как поступить. Может, надо было мужику предложить скорую вызвать? Я подумала, что если он уже давно сидит, наверняка уже вызвал...

-Наверное, вызвал. Люба, нас сегодня Сашок хочет видеть в три часа. Чего-то он не в духе...

-Лева, а что происходит у нас? Почему все такие наэлектризованные?

-Ничего особенного, просто Сашок на отпуск выгреб со счетов приличную сумму, надеялся на кредит, который банк должен был дать вот-вот, на днях. Банк немного задерживает кредит, просит какие-то две бумажки донести. Говорит, Москва изменила условия выдачи кредитов. В общем, конкретно сегодня платить поставщикам нечем, только и всего.

-А Папа что говорит? Его ж деньги-то...

-Жаркова, много будешь знать, скоро состаришься. Я вот тоже состарюсь. Поэтому и не знаю.

Люба переждала, когда девчонки пообедают без нее – уж очень достало стрекотанье Маринки Седой (седая она была не от старости, а от желания стать платиновой блондинкой – желание сбылось, блондинка получилась во всех смыслах).

Не спеша похлебывая солянку и кроша хлеб, Люба раздумывала, не взять ли ей отпуск, чтобы поймать хоть остаток лета, поехать с Кирюшкой в какой-нибудь санаторий, тем более, работы совсем мало, в клубах сейчас не сезон... Но муж не разрешит поехать без него, а на троих уже не хватит денег...

Пусто, Господи, как пусто! Раньше была надежда хоть раз в два месяца увидеть Корнеева, поговорить, поделиться... узнать его взгляд на то, что происходит... Сейчас же – как в высохшем черепе, гуляет ветер и пустые глазницы никуда не смотрят... Он даже смс не пишет, - у него теперь другие заботы и другие развлечения.

Раньше Люба пыталась вырвать его из сердца, возвращаясь домой под кружащимся вокруг фонарей снегом и убеждая себя: лучше жить совсем без любви, чем с такой любовью.

А теперь такая пустота и такая тоска, что приличное лицо нужно выдавливать из себя, как остатки зубной пасты из тюбика...

-Можно, я к Вам подсяду? – спросил ее кругленький парень в деловом костюме. – Только не думайте, что познакомиться хочу, хоть Вы и очень интересная девушка.

-Конечно, с чего бы я так про Вас подумала, - ответила зубастая Любка.

-Я тоже не вижу никакого криминала в том, чтобы просто рядом пообедать. Люди же обедают в столовых и не стесняются друг друга, правда?

Любе стало смешно. Такой дешевый клей...

-Вам нравится здешняя солянка? – спросила она, решив между делом провести маленькое маркетинговое исследование своей целевой аудитории.

-Солянка? Не знаю, я всегда уху беру. Очень люблю уху, особенно когда сам варю. Мы с друзьями часто ездим на рыбалку, такую уху варим – просто закачаешься.

-А на вечерних программах Вы здесь бывали? – Люба никак не могла сдержать улыбки.

-Знаете... как-то давно, кажется, заходил случайно, с друзьями отмечали день рождения, в боулинге засиделись, потом заглянули в бар. Вообще я не любитель подобного отдыха...

-Какую смотрели программу, не помните?

-Нет, не помню. Какие-то девушки в перьях вроде...

-Может, в масках?

-Да, точно, в масках. Нам тоже при входе выдали маски. Они еще намокали, когда мы пили... - он замешался, - ...колу.

-И как впечатление от маскарада?

-Честно, не помню. Мы тогда немного совсем посидели и ушли.

Как обидно, когда не получаешь обратной связи, ведь она совсем рядом! Маскарад – новая программа, еще мало обкатанная, можно сказать – пробная. Сезон не наступил, и точно сказать, будет ли программа работать, сказать сложно. Люба почему-то была уверена – сработает. Потому что маскарад – это образ жизни. Это она поняла на сайте знакомств. Когда человек надевает маску и остается неузнанным, в нем открываются самые сокровенные тайники. Только под маской человек позволяет себе быть самим собой, и как правило, выходят наружу самые простые инстинкты, и красными неоновыми буквами с внутренней стороны маски горят три слова: секс, секс и секс.

Сначала Люба превратила в маскарад выпускной бал. Деткам-мажорам выдавались не только маски (точнее, полумаски – со стразами, перьями, золотой краской), но и балахоны-мантии, впрочем, с разрезами до самых плеч: ими к утру активно пользовались и девочки, и мальчики, забираясь друг к другу очень глубоко. Люба с интересом наблюдала, как затертые изгои, которые с кислыми лицами топтались в холле перед входом в зал, преображались в самых распушенных, и уже не оставалось ничего от вчерашних лидеров и аутсайдеров, все снова становилось равны, как младенцы.

Наверное, и этот кругляшок, любитель ухи, не так уж и быстро ушел, только не распространяется на эту тему. А по сально заблестевшим глазкам видно, что программа сработает, и будут о ней говорить больше, чем о «пионерах»!

-О чем вы так задумались? – спросил он, когда сделал свой заказ официантке и, отнажимав кнопки мобильного, отложил его в сторону.

-Честно? О том, пользуются ли люди смс для делового общения, или только для глубоко личных посланий...

-Не знаю, - заерзал кругляш. – Я пригласил друга на рыбалку. Если бы я ему позвонил, потратил бы в десять раз больше времени на пустые «ну как ты? Понятно. Да я тоже ничего. Как твоя?». И он тоже наверняка занят. А так – все очень просто: десятого едешь? Сбор в шесть у меня... А ты в этом клубе вечером бываешь?

Люба засмеялась. Как сказать? Бывает, и очень часто. И вечером тоже...

-Почему ты смеешься? Я тебя часто тут на обеде вижу, может быть, тебе заведение нравится...

-Я похожа на человека, который тусит в клубах? – Люба поправила на пальце обручальное кольцо.

-Ведь иногда же можно и исключение сделать? – кругляш то ли намекал, то ли разведывал почву, то ли просто не о чем больше было поговорить.

-Тут одна сделала исключение, - буркнула Люба, вспомнив жену Максима. Надо хоть ему позвонить, что ли, узнать, как его дела, как его дети справляются с трагедией...

-Что? – не расслышал кругляш.

-Ничего, так...

Он не делал никаких комплиментов, не пытался понравиться. Просто, без труда, складывался их диалог, и когда обед закончился, он попросил официанту принести оба счета ему.

-Не стоит, - улыбнулась Люба и подмигнула официантке, Ленке Шульгиной, неряхе и разбойнице, какой свет не видел.

-Могу же я угостить приятного собеседника обедом, - не унимался кругляш.

-Как-нибудь в другой раз, - ответила Люба, соображая, что теперь будет питаться только с девчонками, и лучше – на кухне...

-Возьми, пожалуйста, - расплатившись по счету, он протянул Любе визитку. – Может быть, когда-нибудь позвонишь, еще раз вместе пообедаем.

Визитка, - вот как, оказывается, теперь знакомятся приличные люди... А вовсе не через сайт знакомств...

Сашок объявил, что все оплаты по рекламе будут приостановлены до октября.

-Мы еще за июнь не рассчитались, за рекламную кампанию выпускных! – напомнила Люба. - Два месяца – это многовато!

-Госпожа арт-директор, я ясно выразился? – жестко ответил Сашок.

-Александр Павлович, я только уточняю. В сентябре мы планировали рекламу новой программы, маскарадной. Вы подписали медиаплан, я забронировала места на каналах. Если мы не рассчитаемся за прошлую рекламу, новую нам не поставят.

-Вот и правильно, - совсем тихо и спокойно сообщил Сашок. Это плохой знак. – Рекламной кампании в сентябре не будет.

-Тогда не будет и посетителей, - сникла Люба. – Это же отличный информационный повод – новая программа...

-Если программа интересная, о ней будут рассказывать друзьям. А на рекламу у нас денег нет. Пока нет.

-Чем я тогда буду в сентябре заниматься? – скорее про себя, чем вслух спросила Люба.

-Вам заняться нечем? - он вызывающе посмотрел на Любу. - К пятнадцатому сентября я хочу увидеть семь новых программ. Мы будем обновлять программы на 50%. Вот так. – Сашок понимал, что только что придумал для нее трудновыполнимое задание, как мачеха для золушки, и знал, что она это тоже понимает – что всё это он только что придумал.

С недавних пор он стал ставить Любе задачи, словно он уже в папином кресле. Но первая же ее попытка восстановить принцип единоначалия встретила жесткий отпор: мажорчик напомнил ей, что он – один из основных акционеров, а это важнее генерального директора. Не было никаких сомнений, что папик вступился бы за сынулю, если бы конфликт пошел дальше.

-Для каких дней недели нужны программы? – Люба поняла, что отпуск накроется...

-Скажем, четверг, пятница, суббота и... ну, например, среда.

-Поняла. Могу идти? Спасибо.

Левка накинулся на нее, как только они вышли. Говорил, что не надо было на это подписываться, он бы переубедил Папу и Сашку со временем, что новые программы не так уж нужны, особенно если не будет рекламы... Но Люба приняла вызов, и отступать было некуда.

Вечером, пока Кирюшка копался в песочнице, Люба начала обдумывать новые программы. Главное – найти тему, изюминку, что-то еще никем не использованное, но очень важное... Можно использовать офисную тему, ее пока только в Москве эксплуатируют. Надо, кстати, покопаться в интернете – не то, чтобы своровать идеи, но настроить мозг на нужный канал...

-Про эту-то, которая разбилась сегодня, - словила краем уха разговор соседок на лавочке. И сразу вспомнила утреннюю картину: мокрый асфальт, женщина... мужчина в безнадежной позе...

-Сказала, что пошла на работу, сама взяла табуреточку, открыта окно в подъезде, и с седьмого этажа...

Холодный ужас прошел Любу. Так она была мертвой, эта женщина... и мужчина это понимал, глядя ее по лицу и кудряшкам... И босоножка слетела, пока она падала... Почему? Почему она выбросилась?

...Двое детей у них, оба инвалиды. Не задались что-то детки, грешила много...

Что-то много смертей пришлось увидеть этим летом. Даже если не считать расклеванных голубей...

6 Жанна

Тушь ровно-ровно ложится на ресницы, каждая ресничка отдельно, не должны слипнуться...

-Зачем ты рот открываешь, когда красишь глаза?

Муж задавал этот вопрос каждый раз, когда видел Любу за этим занятием.

-На, - Люба протянула ему флакончик с тушью. – Попробуй накрасить сам, тогда узнаешь.

Муж засмеялся и обнял ее, как всегда, крепко и сзади.

-Пусти! – занервничала Люба. Если не сделать этого, муж будет ее держать так полчаса, час...

Еще под юбку полезет...

-Ну вот, муж ее обнимает, - привычно загнусил он.

-Лучше бы помог! Кирилл, ты оделся уже? Дай мне мой телефон! Когда выключатель в ванной исправишь? Мне уже надоело в темноте умываться!

-Началось, - разозлился муж.

-Что началось?! В доме есть мужик или нет?!

-Есть! – выкрикнул Кирюшка.

-Ты достала уже своим выключателем! Я сказал, в выходные куплю новый и поменяю!!

-Выходные уже прошли, - все сильнее заводилась Люба. – И сколько я буду о провода в комнате запинаться?

-Все, достала! – муж швырнул что-то в комнате. – С утра встал с нормальным настроением – нет, надо все испортить!

-Кирилл, быстрее! Босоножки застегивай!

-Я не знаю, что с тобой творится такое! Ты бесишься постоянно! – надрывался муж.

Громко хлопнув дверью, Люба с Кирюшкой вышли из квартиры.

Типовой утренний скандал... Скандал по сценарию номер два. Ничего нового. Жизнь как жизнь... Кто сказал, что у других лучше?

Ей теперь надо минут двадцать, чтобы полностью успокоиться... Бедный Кирюшка, он уже через пять минут весело скачет и сердится, что мама погружена в какие-то свои дела...

Муж позвонил, когда Люба уже отвела Кирюшку в сад и направлялась на остановку. Голос его дрожал; видно, он чрезвычайно нервничал.

-Привет, Жанночка.

Люба на секунду задумалась.

-Привет, говорю, Жанночка, 23 года. Может быть, ты мне объяснишь всё?

Люба не сразу сообразила, что он говорит о ее нике на сайте знакомств. Гром среди ясного неба, и сердце застучало так, что стало отниматься левое плечо. Так, спокойно, вспоминаем давно заготовленную легенду. Наверное, кто-то из тех, с кем она долго переписывалась, оказался приятелем мужа и все-таки настучал.

-Объясню. Если хочешь, прямо сейчас не поеду на работу, а приду и все объясню.

-Да уж конечно, хочу. Немедленно иди домой.

Он нервно курил на балконе, когда она подошла к нему. Люба была уже относительно спокойна, и сейчас необходимо было передать это спокойствие ему.

-Ну, так ты объяснишь мне, что значит Жанна 23 года?

-В общем... нехорошо, конечно, получилось... - начала Люба, глядя ему в глаза. И рассказала о том, что готовила новую программу – маскарад, и чтобы лучше понять тех людей, которые что-то скрывают, решила прикинуться, будто хочет с кем-то познакомиться. Что у нее было последовательно три ника и три разные легенды. Первая - РыжаяРыжая – это такая девочка, которая хочет любви, но, в принципе, готова на секс. Вторая – Фокс – не искала ничего, кроме душевного общения. И третья – Жанна – позиционировалась как любовница премиум-класса, готовая встречаться только с состоятельным мужчиной на долгосрочной основе. Этакая дорогая игрушка, которая сама выбирает себе хозяина...

Рассказала, но уже после того, как муж начал успокаиваться и перестали трястись его руки, и о своих наблюдениях и выводах – о том, как с этими тремя героинями обращались мужчины. Как некоторые писали всем троим. Как женатые мужчины прячут свое лицо и торопят встречи...

-С кем из них ты встречалась? – спросил муж в волнении.

-С двумя встретила, так, из любопытства... Просто прогулялись по городу, даже не целовались.

-И что потом?

-Потом они меня приглашали встретиться еще. Один даже звал в «Улёт» или домой к другу, на мой выбор...

-И ты согласилась?

-Ну что ты... Я на «домой к другу» сделала вид, что согласилась, потом, когда до дела дошло, он звонит, типа ты едешь? Я говорю: нет, извини, передумала что-то... Ты бы слышал реакцию! Сразу весь налет джентльменства слетел! Такое дерьмо полезло! Ужас... что вы, мужики, за козлы такие...

-Зачем ты это делала?

-Говорю же тебе: надо было понять, программу нормально сделать. Ты давно, кстати, хотел на нее попасть, хочешь, завтра пойдем?

-Хочу! Но ты все-таки объясни...

Они пришли в клуб к десяти, - Люба сказала, что раньше нет смысла. Перед этим она приехала с работы, почистила перышки, надела самую короткую юбку... «Синенькая юбочка, ленточка в косе! Кто не знает Любочку...» - как обычно, пошутил муж и немного осекся в конце. Потому что в конце – «Любу знают все»...

Как оказалось, ее подвел малый опыт в использовании Интернет. Временные файлы содержали страницы, просмотренные ей на домашнем компьютере. Если бы она их удалила... но муж обнаружил их: то ли специально искал, то ли, как уверяет, нечаянно.

В клубе им предложили две маски, черно-красную - мужу и бело-золотую - Любе. Они уселись за дальний столик в мягкой зоне, когда на сцене уже вовсю шла шоу-программа, и какой-то пока еще в меру пьяный годзиллоид в маске Чебурашки соревновался с тощенькой Шапокляк на скорость в поедании батона. Чебурашка запивал пивом, Шапокляк – какой-то гремучей смесью в стакане с соломкой, но Шапокляк была явно голоднее, и батон в неё вдвигался успешнее.

-Вот если б был конкурс в поедании колбасы, я б поучаствовал и победил, - посмеялся Любин муж.

-Жарков, кто ж тебе тут колбасы предложит... тут батону-то сто лет в обед, - посмеялась Люба, разулась и кокетливо положила ему на колени ножку.

Жарков погладил ее по лодыжке и полез дальше, но Люба остановила.

-Но-но-но! Вечер только начинается!

Бог знает почему, но сегодня ей хотелось кокетничать с собственным мужем! То ли от благодарности за то, что он спокойно выслушал и принял ее объяснения, и у них установилось какое-то доверие, то ли оттого, что в своей маске он не был похож сам на себя...

Через час объявили конкурс на любительский стриптиз.

-Интересно, что на этот конкурс посетители всегда реагируют по-разному, - сообщила Люба мужу. – Бывает, бабы с боем рвутся на сцену, а порой ведущий никого не может уговорить, и тогда приходится просить девчонок из танцевальной группы.

-Дурите народ, я так и думал, - кивнул Жарков.

-Может, кто и вышел бы, если б чуть больше выпил. А некоторых партнеры не пускают.

-И правильно делают. Чтоб мою женщину все кому не лень голой видели... - и Жарков снова осекся. Он уже знал, что Люба показывала своим «друзьям по переписке» некоторые очень откровенные фотографии...

-Это же всё в маске! Никто и не узнает, что это твоя женщина.

-Всё равно. Я бы не разрешил. Хотя... не знаю. А ты бы пошла голой плясать?

-Ну почему ж голой? Тут же никто не требует полного раздевания. Достаточно топлесс. Я бы не пошла, сам знаешь почему.

-Почему?

-Да потому что нечем мне там трясти, вот почему! – Люба сказала это без малейшего кокетства.

-Перестань. Ты же знаешь, у тебя очень красивая грудь. Да, не очень большая, но очень

Это была вечная тема. Люба никогда не считала себя красавицей, но после рождения и выкармливания Кирюшки у нее сложился окончательный комплекс на этот счет.

Жарков присел к ней поближе, приобнял и сказал в ушко: «Ты самая красивая. Если б эти мужики увидели тебя, они б поседели от зависти». Потом он посмотрел на ее недовольное лицо и добавил: «Спорим? Давай проверим».

-Не пойду я, ты что?!

-Почему нет? Сходи, попробуй. Приз получишь, - улыбнулся он.

-Не пойду я, ты что, с ума сошел? Меня тут все знают.

-Сама же говорила, что в маске.

-Там с девушками Вика репетирует, ставит танец. Ну как ставит... за пять минут пытается из коровы сделать бабочку. Показывает простые движения. Вика-то меня знает!!

-А ты в маске репетируй. Ну, пожалуйста! Ты никогда для меня не танцевала!

Люба сопротивлялась. Какая-то ее часть, глубоко внутри, со свойственным многим женщинам эксгибиционизмом умоляла ее попробовать, другая, марфушенька, говорила: «Ты чё, дура?»

-Ну-ка, налей мне, - попросила Люба, и после коньяка первая часть победила вторую.

Под аплодисменты зала Любу и еще троих «эксгибиционисток» проводили за кулисы.

-Так, девочки, времени мало, показываю четыре простых танца. Выбирайте, какой для вас проще будет, - построила их Вика и показала четыре отрывка. Люба выбрала танец со стулом, потому что с шестом она бы точно не управилась.

-Снимите маску, неудобно тренироваться, - предложила Вика. Люба замотала головой. – Ну как хотите.

Минут пятнадцать Вика пыталась одновременно из четырех коров вылепить хотя бы коровок. Показав по несколько основных движений, добавила: - В остальном можете гнать отсебятину. Но это запомните и повторите.

Потом она выдала девушкам парики, и Люба схватила угольно-черный, с шиньоном почти до колен. Брюнеткой она в жизни не была никогда, поэтому ей особенно нравился этот лошадиный... Девушки натерлись блестками и разобрали одежду. Первая пошла. Любино выступление было предпоследним, - так назначила Вика. Люба жутко волновалась, но как только Вика сказала: «Готова? Вперед!» - растерялась совсем.

-Ну вот, опять двадцать пять, - рассердилась Вика. - Да ты двигаешься лучше всех этих клуш! Ты только представь, что в зале сидит ОН – тот самый, твой козёл ненаглядный. Иди и докажи ему, что он к тебе еще на коленях приползет!

Люба засмеялась и действительно – наполнилась какой-то позитивной яростью и решимостью. Шаг вперед, она на сцене.

Зала не видно, свет в глаза. Можно прикрыть – под маской не видно, закрыты или открыты. Как стучит сердце... Иииии! Поехали!

Жарков смотрел на нее затаив дыхание. Черная лакированная кожа ослепительно блестела, Люба танцевала на стуле и – видно было, с каким удовольствием – мотала черным хвостом. Когда она разделась – он даже не успел заметить. Как-то неожиданно она осталась в одних стрингах и длинных черных перчатках. Она на шпильках развернулась к залу лицом, прикрывая грудь ладонями с широко расставленными пальцами, под финальный аккорд тряхнула головой и убрала руки – в это время на груди уже лежали две толстые пряди черных волос.

Зал зааплодировал, но с передних рядов донеслось студенческое разочарованное «У-у-у...». Жарков хмыкнул про себя.

На награждение Люба вышла снова вся в черной коже. Первый приз ей не дали, дали поощрительный – набор стаканов. Она засмеялась и, переодевшись, вернулась к Жаркову:

-Ну вот, теперь будет из чего в старости водички попить... Как тебе?

-Солнышко, я просто обалдел от тебя! – признался Жарков. – Я и не представлял, что ты у меня такая...

Люба ждала, когда он скажет, какая... и сказала за него: «Развратная?». Он кивнул и бросился ее обнимать. Она засмеялась. Это было только начало.

Дома она бросила его на кровать и как могла, как умела – выжала до последней капли.

-Мне показалось, или... у тебя получилось? - прошептал он ей на ушко, когда они, успокоившись, прижались друг к другу.

-Или... - ответила она.

-Ты этому сама научилась или где-то в интернете вычитала?

-Если я тебе скажу, ты рассердишься, - ответила Люба. Он напрягся. И чтобы он перестал напрягаться, пояснила. – Просто мы с одним человеком, его ник Старатель, вели довольно откровенную переписку. Я призналась ему, что у меня это никогда не получается... Он расспрашивал, что и как я делаю... Потом пишет: просто сядь сверху и качайся вперед-назад, главное – трение вот здесь... Ну, в общем... сработало, - Люба широко улыбнулась.

-Почему я должен разозлиться? Человек, можно сказать, помог, научил, я б даже спасибо ему сказал...

-Не надо спасибо. Я сама скажу ему, если хочешь.

-Нет. Я бы хотел, чтобы ты все свои страницы закрыла и больше этого никогда не делала.

-Я закрою, конечно...

7 Семь гномов

Надо семь программ. Это сложная задача. Начать со своих горе-собеседников по сайту знакомств: какие у них фантазии? Толку все же мало: своими они делятся неохотно, больше стараясь что-нибудь выпытать у Любы. Да и особой оригинальностью не отличаются: медсестра, офис, сауна, поезд...

Исчерпав этот ресурс, Люба принялась шерстить Интернет. Добавились зоофилия, дети, гомосеки – от всего этого быстро затошнило, и Интернет себя исчерпал.

Есть вечные, универсальные, давно разработанные человечеством шахты. Например, шахта «страны». Очень просто сделать вечеринку в итальянском стиле, французском, японском, бразильском... но все это уже было, и максимум, что можно выжать – сделать просто очень качественные вечеринки... Есть шахта «эпохи» - пещерные люди, древние греки или римляне, рыцари, ренессанс, людовики, даже космос... Тоже изъезженные вдоль и поперек. Шахта «профессии»: горничные, медсестры, учителя... Шахта «времена года»: летом – зимняя вечеринка, зимой – летняя. Шахта «сказки»: золушка, белоснежка и семь гномов, красная шапочка...

У Любы список тем для вечеринок давно перерос три листа мелкими буквами и, в принципе, любую из них можно было дотянуть до клубной тусовки выше среднего. Но Любе хотелось создать что-то особенное, как повару Оливье, именем которого до сих пор называют смесь из каких-нибудь продуктов...

А время уже поджимало, и Люба начала работу с идеями «с трех листочков». Сашок еще за неделю до записанной в ежедневнике даты начал интересоваться, готовы ли у Любы семь вечеринок. Левка стал чаще заглядывать, спрашивать, не надо ли чем помочь. Муж совсем забыл, как Люба выглядит при дневном свете.

Когда день 15 сентября настал, Сашок попросил Любу отправить ему все концепции в электронном виде, сославшись на необходимость куда-то срочно уехать.

-Ты мне отправь, я по дороге посмотрю, - предложил он.

-Александр Палыч, там без моих пояснений будет не совсем понятно. Информации много, я тезисно писала. Основное я хотела рассказать устно.

-Ты отправь, я прочитаю. Что не пойму – потом расскажешь, - заявил Сашок и бросил трубку.

Люба отправила и продублировала Левке, - на всякий случай.

Они сидели в его кабинете, было уже поздно и темнело, но они не включали свет.

-Что у нас происходит, Лева? – тихо спросила Люба.

-Стагнация. Ты же сама слышала, новости смотришь...

-Не смотрю я новости, у меня на это нет времени совсем. Прихожу в девять вечера, поела и спать...

-Как тебя твой муж терпит?

-Лева, наши с мужем отношения – это самое непростое, что есть на этом свете. Он без конца смотрит новости, но поговорить с ним не о чем...

-Тебе надо больше дома бывать, - хмыкнул Лева.

-Мне дома делать нечего. Если я случайно прихожу домой в семь, я слоняюсь по квартире и не

могу найти себе дело. Я не умею быть дома. Мне на выходных хочется куда-нибудь свалить...

-Так у вас, пожалуй, и до развода недалеко, - посочувствовал Лева. Странная женщина Любка, дела найти не может... приготовила бы что-нибудь вкусненькое...

-Нет, развестись я не смогу. Муж все время твердит, что ребенка мне не отдаст, что я непутевая мать... а без Кирюшки мне вообще ничего в жизни не надо.

-Ну как это - не отдаст?.. ни один суд не оставит ребенка отцу при живой матери.

-Даже если так... нам с Кирюшкой придется уйти и снимать квартиру, это дорого... И зачем ребенку такой стресс... - Люба рассуждала скорее сама с собой, чем говорила с Левой. - Ну, так что у нас за стагнация, ты недоговорил?!

Лева объяснил ситуацию, насколько сам понимал. Сашок - крупный игрок на рынке ценных бумаг и недвижимости. Эти рынки сейчас замерли, недвижимость никто не покупает, потому что банки остановили заявки на ипотеку. Следовательно, дополнительный доход Сашка - и доход немалый, - накрылся тапочками. Кредит, на который он рассчитывал, банк не дает компании до сих пор, и параллельные переговоры о кредитах в других банках пока ни к чему не приводят. Вот так великий финансовый гений оставил папин бизнес без копейки. Поставщики требуют рассчитаться, некоторые уже пригрозили, что прекратят поставки. И хоть посетителей у заведения пока не убавилось, следует ожидать падения, если ситуация будет усугубляться.

Когда Люба шла домой, этот разговор не выходил у нее из головы. Был бы рядом Корнеев, он бы обязательно сказал что-то важное, совершенно отличное от ее понимания, и если не показал бы свет в конце тоннеля - то развернул бы ситуацию так, чтобы оставалась надежда... Написать ему смс? Нет, брось, он - прошлое, к тому же дерьмецо, если ты помнишь... Господи, как одиноко...

Стало совсем темно, на улице внизу зажглись фонари, и их отражения в мокром асфальте напоминали упавшие с неба звезды, которые уже больше никому не нужны.

Сашок так и не позвонил ни вечером, ни на следующее утро, ни в обед.

И только после обеда Левка сам вызвал Любу и с кислым лицом сообщил ей:

-Люба... Ты понимаешь, какое сейчас время, мы вчера об этом говорили...

«Кажется, началось», - заныло у Любы под сердцем, и в голове на высокой скорости зазвенел фреон, как в компрессоре холодильника...

-У нас начинается большая реструктуризация компании. Нужно оптимизировать издержки, чтобы выжить... Некоторых мы вынуждены уволить.

-Начнем с меня, - мрачно хмыкнула Люба. Она уже знала, к чему ведут такие разговоры издалека, о великом пожертвовании ради своей компании...

-Ну, в общем, всё плохо, - подтвердил Лева. - Я долго спорил с Саней, отстаивал тебя. Он сказал, что в ближайшее время не будет ни новых программ, ни рекламных кампаний, и у тебя не будет никакой работы. И он не готов платить такие большие деньги за отсутствие работы...

-О сокращении по статье, конечно, не стоит и заикаться? - предположила Люба.

-Категорически не советую. Абсолютно.

-Почему, Лева? - удивилась Люба. Ей казалось, Лева - друг, а теперь он радеет только за свою задницу...

-Он знает, что ты оформила контракт с подставным лицом, чтобы самой получать деньги за сценарии.

-Лева, при чем тут это? Писать сценарии - не моя основная обязанность!! Я писала их в нерабочее время! И ты сам был в курсе! Где тут криминал?

-Дело даже не в этом... Люба, я не знаю, что ты там наделала, никогда не буду в это лезть... но Сашок говорил что-то о сайтах, которые ты посещаешь.

Люба закрыла глаза и не хотела их открывать. Никогда. Никогда. Может быть, лет через пять, когда она станет другим человеком, и возможно, что-то в жизни наладится... Почему нельзя отключиться от себя лет на пять?..

-Я поняла, - шепотом сказала она, резко встала и вышла из кабинета.

-Только не надо плакать, пожалуйста! - попросил ее вслед Левка.

Она заперлась в туалете и горько, горько рыдала, размазывая тушь по светлому костюму и кусая губы, чтобы не зареветь в голос на весь этаж...

Зазвонил телефон в кармане: муж. У него всегда была потрясающая способность звонить именно в тот момент, когда у нее заняты руки, звонит городской телефон или она торопится на совещание. Звонить, чтобы спросить, как у нее дела и когда она будет дома.

-Что у тебя с голосом? Что-то случилось? – спросил он на ее коротко выдвинутое «да».

-Всё плохо, - ответила она. Он почти закричал в трубку, требуя ответить, что случилось. – Меня уволили.

-Солнышко! – воскликнул он. – Ты не расстраивайся! Ну их к лешему, этих мажоров! Клуб этот наркоманский! Иди скорей домой, я жду тебя!

-Не могу говорить, - сквозь слезы ответила Люба, - перезвоню потом...

Она курила на задворках клуба, бесцельно глядя на мусорные баки, в которых копошилась старушка. Мелкая бездомная собачонка весело крутилась возле старушки. Вот кому всё равно, выдают банки кредит или не выдают...

Шестнадцатое сентября. Надо быстро искать работу. Пока ушлые выпускники две тысячи восьмого года не заполнили все вакансии. У них большое конкурентное преимущество: они готовы работать за зарплату раза в два ниже той, которую могла бы себе позволить Люба...

Первым делом обзвонить друзей, кадровые агентства... Главное – чтобы выплатили все деньги по контракту, зарплату и отпускные... Надо сказать, что подпишет заявление только после того, как получит расчет. Хотя... у Сашка такие козыри... Позор, какой позор, - он видел все сайты, которые она посещала. И ерунда с гомосеками, педофилами и зоофилами... Главное – ее интимные переписки, фотографии... вот это позор. Скорее уйти отсюда, если разрешат – прямо завтра, чтобы не попадаться Сашку на глаза, иначе она лопнет от ненависти и стыда...

8 Московские прятки

Она снимает с веревки утро: оно так и не высохло за ночь.

Кирюшку - в садик, мужа - на работу, сама - за компьютер. Всего несколько дней без работы, а безнадега как после нескольких месяцев... В прошлый четверг, оставшись одна, выскребла весь туалет, добравшись до самых дальних углов, куда за двадцать лет не ступала нога человека. Чем грязнее работа, тем лучше. Не думать о главном. Только не думать...

Проверила все вакансии на пяти сайтах. Сделала еще одно резюме – на вакансию хоть кого-нибудь: промоутера, интервьюера, попки-дурака... Открыла почту и увидела свежее письмо от какого-то очередного поклонника, - видимо, когда-то дала ему свой адрес на сайте. Очередное довольно бесцеремонное предложение. Как они все торопятся сообщить, что Люба им нравится, и ни один не удосужится узнать, нравится ли он сам...

Ближе к обеду Люба поехала в кадровое агентство, через которое нашла работу в прошлый раз. Приятная девушка Алёна узнала ее, пригласила присесть, просмотрела резюме и, конечно, спросила причину увольнения.

-Оптимизация штатного расписания, - выдохнула Люба. – Похоже, арт-директора и прочие творческие профессии сейчас первыми пойдут под нож...

-Люба, Вам, наверное, тяжело будет узнать, что сейчас практически все компании приостановили набор персонала. Даже по вакансиям, которые висели у нас месяцами, сейчас пришло распоряжение остановить подбор.

-Алёна, я готова рассматривать любые предложения, в том числе временные и не по специальности. Я хорошо понимаю, что такое кризис перепроизводства.

-Я не думаю, что у нас будет серьезный кризис, - возразила Алёна, твердо уверенная в своих словах. – Это временно. Компании заняли выжидательную позицию, и когда ситуация с выдачей кредитов начнет налаживаться, восстановят набор персонала.

Люба едва заметно ухмыльнулась. Когда в 2005 году в разговорах с Корнеевым она предполагала, что впереди кризис, он слабо верил. На пятом курсе она писала реферат об освещении в прессе финансового кризиса девяносто восьмого года, и все прогнозы сводились к одному: через семь-десять лет что-то подобное повторится. Ожидали кризис давно, но он все равно пришел неожиданно.

-Алёна, я очень хочу в это верить, но сделайте, пожалуйста, пометку в моем резюме, что я готова работать даже официанткой... - Люба слегка приврала: муж не отпустил бы ее работать официанткой до двух часов ночи...

Алёна улыбнулась и обещала перезвонить.

-Как бы ты отнесся, если бы мне предложили работать официанткой? - спросила она мужа вечером.

-Если ты хочешь со мной развестись, тогда - пожалуйста, - как обычно, ответил он чужим голосом. – Только Кирюшка останется со мной, ты все равно о нем совсем не заботишься.

-Ты разве не понимаешь, какая сейчас складывается ситуация? – вспыхнула Люба. Не хотела она идти официанткой, только под страхом голодной смерти! Но позиция мужа казалась ей нетерпимой. – У нас кредитов куча, никаких запасов! Не надо думать, что я вот так сразу найду работу хотя бы на половину своей прежней зарплаты!

-Тебе же выплатили деньги. Дали компенсацию отпуска. На два месяца хватит. Так что ищи спокойно и на кости не бросайся, - мудро ответил муж.

-Тебе легко сказать... мне с каждым днем все больше кажется, что я ничего не найду. Вакансий нет, а резюме только прибавляются...

Муж встал из-за компьютера и обнял ее. Кирюшка пробежал мимо, увидел их обнимающихся и тоже обхватил за ноги. Семейная идиллия, нечего и сказать.

-Мне сегодня какую-то пакостную бумажку принесли, - начал Жарков, когда Кирюшка отошел и уселся за телевизор. – Даже не письмо, а просто свернутый лист с текстом. Типа ваша жена... ну, там неприлично было написано... типа гуляет направо и налево. Если информация заинтересует – пишите, и электронный адрес. Семен какой-то.

Любу подбросило. Ее утреннее письмо тоже было от какого-то семёна. Кто-то решил над ней пошутить? Она открыла почту и показала мужу письмо.

-Слушай, я точный адрес не помню, но, по-моему, он такой же, как в моем послании. Я письмо это выкинул. Порвал на мелкие куски и выкинул. Я вообще подумал, дурацкая шутка, знаешь, как письмо счастья приносят: перепиши сто пятьдесят раз...

Глупость какая-то. Кому это нужно? Люба перебирала в голове всех, с кем довелось общаться на этом озабоченном сайте, и вырисовывались несколько кандидатов...

-Может быть, это тот алекс, который звал меня домой к приятелю, а я ему отказала в последний момент? А что... он программист, он запросто мог пробить по каким-нибудь взломанным базам адрес твоей работы...

Алекс... самый тупой ник, уже ничего более серого и никчемного придумать нельзя. Сто пятьдесят алексов на квадратный километр...

У этого, лет сорока, была дряблая кожа и плохо выбритое лицо. Когда он брал ее руку в свою, было слегка противно. Но чем противнее, тем лучше, лишь бы не думать о главном. Только не думать о пустоте после того, как гаснет свеча...

Он позвонил в субботу утром, когда она еще дремала. «Ты едешь? Я обо всем договорился, квартира свободна до обеда». Она только представила себе чужую квартиру с чужим запахом, где чужой дряблый мужик протягивает к ней свои руки... Даже передернуло от омерзения. Как она вообще докатилась до такого вопроса?

Муж слушал Любу и просил вспомнить что-нибудь еще.

-Может, это Бегемот, блондинистый мальчик-еврейчик, который приставал ко мне... Я тебе рассказывала, он работает неподалеку, пару раз выходили вместе покурить, а он все норовил меня затащить во дворы да в кусты, - Любе были неприятны и эти воспоминания, но нужно было понять, кто вздумал поиграть у нее на нервах...

Муж хмурился все больше.

-Может, есть кто-то, о ком я не знаю?

Люба соображала. И ничего не приходило в голову.

Решили на том, что Жарков ответит со своего почтового ящика неведомому семёну. Вместе написали и отправили текст: «Пошел на...»

Ответ пришел наутро, в девять пятнадцать. Адресант предполагал, что письмо попало не в те руки, и он найдет способ как-то иначе связаться с Любиным мужем. Ну а если все-таки по адресу – он

сообщал, что у Любы как минимум четыре почтовых ящика, куда она получает письма от своих... и в качестве затравки выслал одну из тех фотографий, которые Люба показывала всего паре или тройке человек...

Это, конечно, не стало новостью для Жаркова – Люба сразу достаточно откровенно рассказала о своей переписке...

Но Люба почувствовала, читая письмо, как холодеет кожа на голове и как шевелятся волосы у самых корней...

Число вариантов, как ни странно, не уменьшилось. Жарков сказал, что фотографии могли запросто перехватить программисты с Любиной работы – а это означало, что у них есть и всё остальное. Всё, всё, всё... Люба была в сумасшедшей панике, но старалась держаться и не подавать виду.

Для начала надо отработать Бегемота. Мальчик-еврейчик без труда согласился встретиться. Правда, Люба не предупредила его, что придет на встречу с мужем. Был такой неожиданный сюрприз.

Бегемот, почесывая большой облупленный от солнца красный нос, спросил, чем обязан такому вниманию.

-Что ты делал с моими фотографиями? – с места в карьер начала наступление Люба.

-Смотрел, - прогнусил Бегемот.

-Куда ты их отправлял, кому показывал? Только не ври, потому что я тебя поймаю на вранье.

Жарков внимательно следил за обоими.

-Никому не показывал. Ты сама мне их отправляла, чтобы я смотрел.

-Зачем ты начал писать нам письма?

-Какие письма? – вылупил глаза Бегемот.

-Слушай, если я отказалась обжиматься с тобой по углам и посещать гостиницу, это еще не значит, что надо мне мстить и доставать меня письмами.

-Я хочу сказать, - добавил Жарков, - что я все знаю о ваших отношениях и шантаж тут не пройдет.

-Катитесь вы оба, придурочные, - Бегемот заерзал на скамейке. Начиная накрапывать дождь. – Никаких писем я не писал, никого шантажировать не собирался.

-Тогда как им в руки попали фотографии, которые я показывала только тебе?!

-Кому – им?

-Тем, кто пишет нам письма!

-Слушай, я не знаю, кому ты еще эти фотографии отправляла, - Бегемот отчаянно тормозил свою рыжую шевелюру, - ты уж сама думай. Я тут не причем.

-Знаешь, Бегемот, я тебя просто по-человечески прошу, если это ты – можешь, в принципе, не признаваться, но если это ты, - прекрати, пожалуйста.

-Да, можешь не признаваться, просто пусть этих писем больше не будет, - подтвердил Жарков.

-Да не пишу я вам никаких писем, вы таблеток оба наглотались, что ли? Или обкурились? При чем тут я?!

-Ладно... будем считать, что договорились. А то ведь я твои блоги все сохранила, могу, если что, и твою жену найти...

-А вот это ты не сделаешь, - злобно зыркнул Бегемот.

Господи, ну если они все так боятся потерять своих жен, что ж они им без конца изменяют?

Они вместе зашли в садик за Кирюшкой, и тот радостно скакал всю дорогу, мешая обсудить то, что так их волновало.

-Иди покачайся, - Люба посадила сына на качель, и сама тихо сказала Жаркову: - Если это он, то одно из двух, он либо прекратит...

-Либо еще напишет пару писем, чтобы так откровенно не палиться, - так же тихо закончил Жарков.

-В любом случае, мы узнаем об этом в ближайшее время...

-Мама, а давай купим мне мороженое? – предложил Кирюшка, обиженный отсутствием внимания.

-Сына, мороженое сейчас не получится...

-Это потому что кризис, да?

Бедные дети... даже они обсуждают в садике все крутые повороты взрослого мира...

-Кирюш, у тебя штаны порвались! Опять через забор лазили?

-Не, это меня толкнули и я упал.

-Кто толкнул? За что? – возмутился Жарков.

-Не знаю. Мы в прятки играли.

-Разве в прятках толкаются? – удивилась Люба, но муж ей разъяснил.

-А, есть такие прятки. Один отворачивается, его кто-то из игроков толкает, а тот потом угадывает, кто его толкнул. Вы не играли разве в такие?

-Играли, - помрачнела Люба. – Прятки по-московски почему-то назывались.

-Точно! Московские прятки!

-Такое ощущение, что до сих пор...

Она не договорила, но Гриша понял, и всю дорогу они шли молча...

Вечером составили еще одно письмо. О том, что послание хоть и попало по адресу, но в услугах осведомителей Жарков не нуждается.

На что наутро пришла еще одна фотография, которая совершенно запутала все ниточки. Фотография - и легенда о том, кто писал это письмо.

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>

Дата: 24 Сен 2008 09:26:04

Тема: Re: письмо

Здравствуйте.

Вы ответили на мое письмо, и я готов предоставить вам некоторые данные, касающиеся вашей жены.

Сразу оговорюсь, я не шантажист и не скотина, которая получает удовольствие от страдания других. Просто я недавно узнал, что я так же рогат, как и вы и не могу не открыть глаза товарищу по несчастью. Видимо за грехи наши воздается не на том, а уже на этом свете.

Познакомились мы с вашей женой через Интернет. У меня это было первое знакомство такого рода, а у нее (как я узнал потом) даже не десятое.

Все началось с того, что я обнаружил на компьютере своего товарища архив, в котором была информация обо всех женщинах, с которыми он встречался. Папка, посвященная вашей жене, была довольно объемна и включала в себя даже ее паспортные данные. Так же там находились ее фотографии (в том числе и в обнаженном виде), архив мгновенных сообщений, письма и аудиозаписи разговоров, и не только разговоров. Мне настолько понравилась ваша жена как женщина (вернее, извините, как б...), что я решил завязать с ней знакомство (ну и попутно стал собирать о ней информацию). Сразу оговорюсь, ЛИЧНЫХ контактов с ней у МЕНЯ не было (просто не успел), хотя она была к ним готова и даже прислала о них.

Сейчас вы, наверное, думаете, что я с кем-то вас перепутал. Для начала зайдите по ссылке, приведенной ниже, и посмотрите на почтовый ящик вашей жены, о котором вы наверняка не знаете. У нее есть еще 3 почтовых ящика, о которых я знаю, но так как там нет фотографий я не буду их пока называть. А позже я pošлю для вас еще несколько интересных файлов.

Это было враньем, - совершенно понятно. И Жарков вроде бы это понимал, но ходил с тяжелой головой, время от времени спрашивая Любу: «Это правда? Может быть, я, как лошара, верю тебе, а ты надо мной смеешься?»

Люба отвечала, что невозможно верить откровенному бреду, который нес в своих письмах семен. Что текст, похоже, составлен чуть ли не профессиональным психологом, - в чем-чем, а в лингвистике у Любы было профессиональное чутье выпускника журфака. Единственное «неформатное» слово – «пошлю», - не пришлю, не отправлю, а именно пошлю, - говорило о том, что психолог в лингвистике не был стопроцентным отличником. Одно ясно: Бегемот наверняка ни при чем.

Люба предположила, что все письма направлены на то, чтобы вынудить ее самой ответить на письмо семена. И она отправила со своего ящика всего два слова: «Слушаю тебя».

Ответ семена они читали вместе.

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Кому: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Дата: 26 Сен 2008 09:45:12

Тема: Re: x

Милая.

Та невинная шалость, которую я себе позволил, была просто способом привлечь ваше внимание и получить ваше согласие, не более того.

Хотя кто его знает, как я поступил бы дальше, если б вы продолжали играть в молчанку. Этого не знаю даже я.

Кстати, ваша переписка и ваши фото так понравились моей постоянной женщине, что она тоже умоляет о встрече.

Вы не будете против ее присоединения к нашему союзу?

Конечно не сразу.

Сначала нам надо поближе узнать друг друга.

Этот семен хочет явно закосить под маньяка. Но слишком грамотно подбирает слова, самые обидные, и даже, похоже, рассчитанные на то, чтобы ударить как можно сильнее сразу обоим. На тот случай, если Люба с мужем читают вместе.

Ответила Люба с вызовом: «А нет ли у тебя еще собаки, которой я тоже понравилась? Вот что, козёл козёлов, иди ты в свою темную комнату и дрожи там, как раньше»...

Письма Любе прекратились. Зато снова начались письма Жаркову. Они приходили не каждый день, в выходные не приходили совсем, но каждый раз, проверяя ящик, Люба чувствовала, что ее мозг словно прижигают жидким азотом...

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>

Дата: 30 Сен 2008 09:15:54

Тема: Re: письмо

Зря вы открылись своей жене так рано. Вчера она удалила все свои 5 объявлений на сайтах знакомств. А я хотел вам ссылочку и на них дать. Ну ничего. Они у меня сохранены. Перешлю немного позже.

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>

Дата: 02 Окт 2008 09:23:27

Тема: Re: письмо

Извините, что выхожу на связь так нерегулярно.

Совсем замучился с разводом.

Вот вам еще фотография.

У вашей жены красивая грудь, но не думала ли она о коррекции? На мой вкус мягковата!!

К последнему была пришпилена фотография, которую Люба никак не ожидала увидеть. Совершенно голышом, без всякой фотошопной обработки... Долго изучала свойства всех высланных фотографий и получалось, что эта картинка хранилась в ее фотоальбоме на мейл.ру, а уж как семени удалось извлечь ее из фотоальбома – это или программисты, или кто-то, кто может проходить сквозь пароли... можно просто сломать голову...

Нужно было что-то предпринимать, как-то защищаться от странного автора. Жарков попытался вычислить отправителя через IP-код, но коды, с которых семен отправлял письма, были плавающими – динамическими, и в лучшем случае выводили на интернет-провайдера, через которого в час проходят тысячи адресов...

Люба боялась совсем обезуметь от подступавшего ужаса, пугавшего больше всего своей неизвестностью. Что известно этому чудовищу? Пока он ничего серьезного не открыл, но можно ли на этом успокоиться, решив, что он не знает больше?

Она на много раз перечитала письмо: ее фотографии, - тут ничего нового, хотя и ничего приятного, быть не может. Архив мгновенных сообщений и письма – всё это не имеет особой ценности, легко подделать. Аудиозаписи «разговоров и не только» - тоже можно выдать за монтаж. Труднее было бы с видео, но здесь про видеозаписи ни слова...

Она ждала, когда шантажист совершит какую-нибудь ошибку, которая выдаст его. Даже пыталась назначить свидание от имени и с адреса мужа, чтобы первой встретиться и засветить этому маньяку промеж ног. Наивная... Конечно, семен ответил, что встретится сам, когда посчитает необходимым, но пока Жарков якобы психологически не готов к встрече...

Этот ужас длился уже две недели. Если утром не приходило письмо, Люба с мужем безумно радовались и готовы были отмечать победу – но наутро письмо приходило: то Любе, то мужу, все с теми же оскорблениями, намеками и время от времени – с фотографиями...

Периодически в виде спама сыпались ссылки на сайты: Любе – по пластической хирургии и коррекции груди, Жаркову – практически то же, только по части иных органов, плюс всевозможные аналоги виагры.

Сердце давно перестало биться по сто двадцать ударов в секунду. Сердце билось от письма до письма, по триста ударов...

Часть 2. No Name

7 За ночь намело столько снега

За ночь намело столько снега, что избу скрыло до середины окон. Дед не смог отворить дверь, и только вдвоем с Игнатом они, навалившись, выдавили ее наружу на пол-локтя. Лара вылезла в эту щель и с обратной стороны принялась работать лапами. Вскоре и дед смог протиснуться на улицу, и когда он вылез, на полу в сенях осталась гора насыпавшегося снега. Игнат вымел снег, подхватился на костыли и побрел в дом.

Навалившись на стол, отставил костыли и начал мыть посуду, оставшуюся с завтрака. Он смотрел в окно на деда, пробиравшегося сквозь снег ловко, как куропатка; самого деда не было видно: только лопата и столбик снега, вспыхивающий раз в пять секунд... Силе и ловкости деда мог бы позавидовать и он сам, и многие его сверстники. Когда дед колдовал над его позвоночником, то едва касаясь пальцами и иглами, то с диким хрустом сжимая его так, что в глазах Игната начинали черти плясать, с трудом верилось, что этому человеку больше восьмидесяти...

-Дров наруби, - буркнул дед, войдя в избу, почти без одышки. – Вчера схлызнул со своими привидениями...

Привидением он называл Каспера: Сашей называть его отказывался Игнат, хохоча от этого непривычного для него имени друга, а погонялу «Каспер» старик запомнить не мог или не хотел («Чего это - касперт?» - «Это, деда, имя такое у одного привидения было», - «А, ну привидение и есть. Приехал, уехал, как не было»).

Каспер приезжал на выходные, забирал Игната на машине в город, где они два дня куролесили в баре, играли в бильярд, снимали девок и – главное – Игнат добирался до Интернета, самого большого своего лишения в этой новой жизни.

-Слышь, бескрылый, меня вон те девки спрашивают, чего ты на костылях? Я говорю: ноги переломал на горных лыжах. Ты им понравился!! Если так пойдет, скоро на своих ногах от них бегать начнешь!

-Каспер, ты трепло! – рассмеялся Игнат. – Когда я от девок бегал?

-Но от этой же своей убежал!..

Игнат нахмурился. Каспер понял, что ляпнул лишнее...

Вечером, перед тем, как ехать в избушку, где нет никакой связи, Игнат позвонил матери, как обычно.

-Натка, привет! – мать явно обрадовалась, но старалась не выдать, насколько соскучилась. - Как твои успехи?

-Нормально! Слушай, что Лара вытворяет! Сейчас такой глубокий снег, она не бегаёт по равнине, а скачет, как кенгуру! Придет домой, воняет псиной. Мы ее держим в сенях, у нее такой густой подшерсток, седой, как у волка!

-Натка... - начала мать после изложения привычных новостей, - тут недавно приходила девушка, Лариса, она спрашивала, как тебя найти...

-Какая еще Лариса?

-Лариса, - мама повторила медленно. – Говорит, приехала на зимние каникулы, хотела с тобой повидаться.

-А-а... эта... Мама, меня этот человек не интересует.

-Натка... кого ты обманываешь... Мы с ней целый вечер проговорили о тебе...

-Мама, я больше не хочу ничего о ней слышать. Всё, пока, до связи! – Игнат торопливо положил трубку. Всю дорогу до дедовой избушки они с Каспером ехали молча, только иногда Каспер ругался на ужасную дорогу и начинающуюся метель...

-Черта ли вы сюда забрались... как мне теперь домой добираться в такую погоду?!... Что, твой дед не может лечить в городе? У него же там квартира...

-Каспер, тебе не понять. Дед лечит не сам, лечат природные силы, он только берет их и направляет куда нужно.

-Давай, бескрылый, ты еще про кашпировского расскажи...

-Каспер, если ты простой пацан и не понимаешь некоторых вещей, так молчи и не показывай никому, что дурак. Меня ни один столичный доктор не мог на ноги поднять. А с дедом я уже хоть как-то – но опираюсь.

-Так на протезы тоже можно опираться. Один талант даже самолет водил!

-Слушай, Каспер. Ты хороший друг, я тебя очень уважаю и готов башку подставить за тебя, если нужно. Но иногда ты меня просто бесишь. Если ты не понимаешь разницы между вялыми безжизненными ногами и хоть и опорой, - бесчувственной, но своей! – так это я тебе прощаю. Но на деда бочку катить не надо. Понял?

Каспер, что бы без тебя делал... Жуткая тоска охватывала каждый раз, когда он уезжал и будто увозил в багажнике всю цивилизацию. Снова мысленно проделывал с ним весь путь в полторы тысячи километров, - как он там, на скользкой дороге?

Он уехал туда, где все удобно и все под рукой, где мама... Она приезжала с Каспером лишь раз, но Игнат просил не привозить ее больше. Ни к чему ей видеть и простой его быт с ямой вместо туалета, и избушку, где с непривычки холодно, и нелюдимого деда...

Игнат выбрался во двор, разложил поленья, взял топор, уперся на скрещенные костыли, замахнулся и ловко, с одного удара разломил полено пополам. Во втором полене топор застрял, Игнат перевернул всю конструкцию и насадил полено на топор. Лара вскинула голову. Игнат взял третье полено. Лара повернулась и пристально стала то ли смотреть, то ли внюхиваться в белую даль, туда, где лощина между двух гор выходила на горное озеро и дальше - на узкую дорогу до станции.

Вскоре Лара с лаем вскочила и бросилась к белой равнине.

Игнат насторожился. Так она недавно встречала машину Каспера, а кроме него тут никого не бывало, во всяком случае, зимой. Прошло минут пять, Лара уже исчезла из поля зрения, Игнат вернулся за теплой курткой и шапкой, а потом потихоньку по расчищенной дедом узенькой дорожке побрел вслед за собакой.

Еще минут через десять он увидел вдаль две черных точки: Лара и лыжник. Лара больше не лаяла, а лыжник время от времени останавливался, гладил ее, и даже приседал, чтобы прижаться к ее морде. Лыжник издали махал ему рукой, но разобрать, кто это – ни по росту, ни по походке, ни тем более по лицу он не мог, пока не раздался звонкий голос. В теплой шапке и заиндевавшем шарфе, в горнолыжном костюме ярко-голубого цвета до него добралась та, которую он тщетно гнал из своих снов.

-Привет! Как ты далеко забрался!!

Он замер на месте, а она сделала еще несколько шагов до него и крепко-крепко обняла. Она целовала его в волосы, в глаза, в губы, и держала с такой силой, что хватило бы не на одну поленицу...

Дед с прищвырком хлебал горячий чай. Он любил чай такой температуры, чтобы в чашке чуть ли не бил ключом. Игнат, как обычно, наливал и ему, и себе, а теперь еще – Ларе. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что она здесь, наяву, и если бы не дед, недоверчиво поглядывающий на непрошенную гостью, подумал бы, что это галлюцинация.

-Что это такое вкусное? – спросила Лара о напитке, который пила. Дед называл его чаем, как любую еду называл похлебкой...

-Это деда фирменный напиток, - ответил, поглядывая на хитро прищурившегося деда. – Там куча всего полезного, и мед, и кедровые шишки, и смола какая-то, и мумиё...

-Куча – это в сенках мусор, - буркнул дед. – А это целебный чай. Всё лечит.

-Правда, всё, - подтвердил Игнат. – У меня зуб разболелся в первый же день, пополоскал чаем – зуб прошел!

-Пошел на родник. Пса беру с собой, - кратко сообщил дед, закончив чаепитие. – Следите за печкой.

Они следили за печкой прямо перед печкой, потому что в других местах раздетой Ларе было холодно с непривычки. Он медленно, будто заново, исследовал все ее закоулки, вынюхал все ее уголки, выцеловал все ее проспекты, вымостили все ее речки. Она щекотала его своими пушистыми волосами, а он старался запомнить каждую секунду, каждое ее движение.

-Ты как меня нашла? – шептал он ей в ушко.

-Мама твоя рассказала.

-Все-таки рассказала...

-Да. Я иначе бы не отстала... Я так ждала этих каникул... ты не представляешь, как там тяжело... вся эта московская жизнь, она с таким трудом дается... я подработку искала два месяца, работала курьером, всю Москву до МКАДа знаю, ногами обегала...

-Ты снова вернешься туда? – осторожно спросил он. Конечно, вернется, на что он надеется?!

-Натка, давай так. Ты – тут... я же вижу: тебе на пользу. Я – там. Пока. А дальше – видно будет. А теперь расскажи, сколько баб тут у тебя уже перебивало? – она повысила голос, в нем чувствовалась шутка, но лишь отчасти.

-Молчи, глупенькая... Я же не спрашиваю, сколько у тебя в Москве было мужиков...

Лара приподнялась и заглянула в его глаза.

-Спасибо, что не спрашиваешь. А то у меня калькулятор уже на второй неделе сломался, - и закатилась смехом.

8 Глухота

Весна здесь была не такой, как ее привык видеть Игнат: не промозгло-серой, а стремительной, звонкой, яркой. Снег сбежал тремя сотнями ручьев в озеро, запели птицы, и на солнечном склоне показалась трава. А потом оттаяло озеро, и внезапно долина взорвалась миллионом красок. Он ползал каждый день до озера и обратно по три раза, наслаждаясь проснувшимися природными силами, обнимаясь со всей землей как с любимой женщиной.

По сравнению с цветущей долиной город казался жалкой пародией на попытку человечества превзойти своего создателя. Вместо живых цветов – пестрые вывески и рекламные щиты, вместо разноголосья птиц – шум машин и попсовые песни из уличных кафе.

Игнат в очередной раз открыл почтовый ящик – от нее никаких приветов. Телефон не отвечал. Каспер делал вид, что не обращает внимания на то, чем занят его бескрылый друг, но, развалившись на мягком диванчике бара, внимательно следил за выражением его лица. Игнат отодвинул чужой ноутбук в сторону, поднялся с высокого стула и через несколько грубых шагов плюхнулся с Каспером рядом.

-Каспер, заберешь меня через три недели?

-Что, совсем? Сеанс исцеления закончен? Я-то думал, дед будет делать из тебя легкоатлета.

-Дед говорит, больше он сделать не может. Дальше все от меня зависит.

-Как ты с ним будешь расплачиваться?

-Каспер, это не твое дело.

-Да мне плевать, сколько и за что! Я спросил, нужно ли с собой денег привезти?

-Не беспокойся. Думаю, хватит.

Он в последнее время возвращался из города в нехорошем настроении. Наверное, если бы дед не имел у него огромного авторитета, Игнат бы порыкивал на него, а так только замыкался в себе и два дня ходил угрюмым.

-Ну-к, пойдй сюда, - позвал его дед к какой-то штуковине, похожей на мясорубку. – Жми здесь.

Игнат навалился на ручку пресса, куда деда накидывал ярко-зеленые кончики хвойных веток, которые накануне они собирали в бору.

-Что хмуришься?

-Да так... расставаться скоро. Привык я к тебе, деда. Не представляю, как возвращаться в шумный город.

-Ты там родился и вырос, это для тебя – дом. А горы будешь вспоминать как сон, - сощурился дед.

-Деда, как тебя отблагодарить? Только я серьезно спрашиваю, ты тоже ответь серьезно.

-Как отблагодарить? А за что? – понятно, дед снова заведет свою волынку про природные силы и проводника.

-За все. За то, что показал мне другой мир, чистый, свежий... чудеса этого мира показал. Как можно поставить на ноги безнадежного паралитика...

-Давай так. Приезжай ко мне года через два-три. С женой и сыном. Тогда поговорим. Тогда будет о чем.

-Ох, деда, ну какая жена!

-Какая? Ну.. наверное, красивая, наверное, добрая... главное – не глухая...

Игнат рассмеялся. Дед иногда очень неожиданно сворачивал куда-то по ходу разговора. И неясно было, шутит он или оговаривается.

-Нет уж. Никаких глухих. Достаточно меня одного ломоногого.

-Зря смеешься. Неглухой человек – большая редкость. Ты-то сам... еще какой глухой...

-А, понял. Ты про что-то экзотическое опять...

Дед усмехнулся так, что у Игната пробежали мурашки.

-Если бы ты не был глухой, ты бы давно понял, о чем я речь веду.

-Дед, да понял я, понял. Ты много раз говорил: человек человека не слышит.

-Тебе только кажется, что ты понял. Ты понял только то, что не противится твоему уму. А дальше – глухота... Вот девчонка, что к тебе приезжала... у нее гораздо больше ума, и глухоты меньше. Она говорит тебе: я воду люблю кипяченую. А ты ей – пей родниковую, она полезнее. Оно, может, и так. Да только ты ей так ни разу кипяченой не налил. Она выходит в сенки, выливает за дверь. И жажду не утоляет...

-Ну да, родниковая же полезнее! Я сам ее пью и знаю.

-Все верно! Только она хочет – просто кипяченой. А ты глух. Зато она умеет перестроиться. Ты сказал ей раз «не заправляй мне волосы за ухо», она пару раз потянулась – и вспомнила, не тронула тебя. Она слышит тебя, ты ее – нет.

-Это мелочи, деда.

-Если тебе кажется, что это мелочи, то не обижайся, когда они сработают против тебя. Бывает, муж с женой проживут вместе двадцать лет. А потом в один прекрасный день жена взрывается и уходит. Всего лишь потому, что муж забыл закрыть дверь, когда проснулся раньше нее и ушел греметь чайником на кухне. Она все двадцать лет просила его: дай мне утром лишник полчаса поспать, закрой дверь и греми сколько влезет. И все эти двадцать лет она вскакивала каждое утро, чтобы закрыть эту проклятую дверь.

-Деда, такого не бывает. Она по другой причине ушла.

-По какой, интересно?

-Ну... может, ей другой встретился...

-Может, и встретился. Только если бы муж за двадцать лет хоть раз услышал ее просьбу – никто б ей не встретился и не нужен был...

-Деда, мне такую песню друг пел... «Почистил зубы – закрой, блин, тюбик...» Наверное, ты тоже ее слышал и сейчас мне пересказываешь.

-Нет, не слышал. Может, и она о том же – о глухоте. Человек человека не слышит... И если раньше это было нормально... Жена не имела права голоса... То теперь эта глухота начинает топить всю землю! И рушит семьи, рушит человеческие судьбы.

Дед раскраснелся, глаза его разгорелись и стали молодыми-молодыми...

-А что мешает людям друг друга услышать? А вот когда один без остановки начинает себе петь какую-то песню, тогда. Кто поет, что он самый умный и другие ему не ровня. Другой поет, что ему одиноко на свете. Третий – о том, что на земле одна жестокость, а четвертый – о долге... И он живет с этой песней, и ему кажется, что другие начинают ему подпевать, - то о его умишке, то об одиночестве... С опытом, с годами песня все громче, громче... как тут услышать кого-то еще?

-А у меня о чем песня? – спрашивает Игнат.

-Твоя? Я бы сказал, о чем она, да только из всех моих слов ты выловишь, как рыбешку, только те, что сможешь сам съесть, а остальные так и уплывут мимо тебя...

-А может, так и надо? Зачем мне рыба, которую я съесть не могу?

-А откуда ты узнаешь, сможешь или не сможешь? Надо попробовать сначала. А то всю жизнь есть одну и ту же рыбу – не надоест?

-Деда, у меня развито логическое мышление, с образным малость напряг. Наверное, ты прав, я глухой, но ведь даже радиоприемник может уловить только определенный диапазон радиоволн, под которые его сконструировали. Не может он на сотовый звонить или показывать телепередачи. И разве приемник в этом виноват?

-Ты не приёмник, ты существо Божие. И твои возможности не ограничены. И ты можешь себя настроить сам. Настроиться на волну человека, который тебе дорог. Если ты поймешь, что ты глух, и захочешь что-то изменить, ты сможешь это сделать. И тогда ты услышишь и множество песен, что

поют о себе другие люди. И услышишь те слабые сигналы о помощи, которые подают твои близкие. Мир вольется в тебя таким многоголосьем, что только успевай поворачивать голову! И ты совершенно забудешь ту песню, что сам сочинил о себе – тебе она больше не понадобится. Ведь гораздо интереснее слушать других...

-Да что их слушать... тупицы и предатели...

-Вот послушай. Представь космический корабль. Ты в нем совсем один. Нет ни родины, ни близких людей – и никогда не будет. Корабль прилетает на планету, там есть жизнь. Что ты начнешь делать?

-Вылезу и осмотрюсь.

-Так... а потом?

-Ну... если там пригодная для жизни атмосфера – постараюсь узнать побольше вокруг. Кто там обитает, как их жизнь устроена... А если атмосфера не пригодная...

-Атмосфера пригодная. Вполне. Хорошо, ну а что ты будешь делать дальше?

-Дальше? Не знаю. Все зависит от обстоятельств...

-От обстоятельств... ничего от них не зависит! От тебя всё зависит, от того, какой ты путь себе выберешь. Есть всего лишь несколько путей. Есть путь исследователя. Этот облетит всю планету, заглянет в каждый ее уголок. Он всю жизнь потратит, но не посетит и малой части планеты, и все-таки он увидит больше других. Есть путь обывателя. Этот будет искать, пока не найдет более-менее уютное местечко и оседет там. Есть путь самоубийцы: он покинет планету. Есть путь зародыша: он вернется в корабль и просидит в нем до конца жизни... Каждый выбирает свой путь. Ты бы какой выбрал?

-Наверное, исследователя. Обшарил бы все вдоль и поперек...

-Что самое странное – все, кого я слышал, говорят о пути исследователя. Но в жизни выбирают иной путь. Тебе скоро тридцать лет. Где ты был, кроме двух городов в России?

-Деда, ты не сравнивай. Сейчас не обязательно куда-то ехать, есть телевидение, интернет, - обо всех уголках можно узнать не выходя из дома.

-Глупый. Если бы тебе вместо нашей долины показали телепередачу, разве ты бы понял всю красоту? Услышал бы птиц, теплый пар от земли, ее запах, ее бабочек? Ее сок растений, холод озера?

-Деда, а почему все выбирают путь исследователя?

-Потому что мы – люди. Мы созданы Богом, а Бог – он тоже исследователь.

-Да ну! – засмеялся Игнат. – Ты откуда знаешь?

-Как не знать, если человек – и есть результат его исследования? И до сих пор это исследование продолжается. Эксперимент не закончен. Богу было интересно, что будет с тобой после того, как ты потеряешь движение. Он видел, что ты не сдался, и решил посмотреть, что будет, когда ты станешь на ноги.

-Деда, ты это откуда знаешь? – снова спросил Игнат.

-Не откуда, а отчего. От того, что я не такой глухой, как ты. И даже иногда слышу то, что тихо-тихо по секрету мне шепчет Бог...

Разговор в офисе Билайн.

-Ты где так долго торчал?

-Кофе пил.

-Тут такое было... Баба какая-то приходила, у нее прямо истерика была

-Что такое?

-Да говорит: зачем вы моему мужу дали распечатки моих смс?

-Это же невозможно!

-Ну вот! И мы ей то же самое сказали – что это технически невозможно!

-А она?

-Она продолжала кричать... У нее прямо настоящая истерика была, я уже хотел «скорую» вызывать. Она кричала, плакала, захлебывалась...

-Слушай, бред какой-то... уже вторая за последний месяц...

9 Собеседники

Наполовину лысенький, в лоснящемся на лацканах пиджаке и в очках с фотохромными линзами, директор смотрел на Любу немного снизу вверх, поскольку его кресло было явно ниже Любиного стула.

-Мариночка, чаю, - мяукнул он в селектор. Почему всех секретарей зовут Маринами?

Малоуютный, неряшливый офис в старинном, давно не выдавшем капитального ремонта особняке встретил Любу не очень приветливо. Всем своим видом директор со скользкой фамилией Мокроусов, слегка картавя, доказывал Любе, насколько неказистым специалистом она является.

-Тут до Вас один парень габотал, он не мог один синий цвет от другого отличить. А вы можете? – Мокроусов протянул Любе карточку, где были распечатаны четыре разных темно-синих цвета: один в легкий фиолет, другой – в аквамарин, третий – ближе к индиго, четвертый – как школьная форма, которую носили мальчишки в Любином детстве...

-Ну, вот как, вот как можно спутать? Ведь это совегшенно газные цвета! Мы утвегдили с ним цвет номер тги, он заказывает каталоги, пгиносит мне – я вижу, что это четвертый вагиант! – покипел Мокроусов, - Ну, пгишлось маленько пагна наказать...

-А что за каталоги? – поинтересовалась Люба.

-А вот я вам покажу, - с довольным видом мокрый ус вытащил на свет свое божество...

Конечно, это оказалась малозначительная представительская продукция... Почему так принципиально именно третий, неужели это увеличит продажи? Скорее всего, это просто самодурство, которого, увы, очень много в городе...

-Ведь цвет может иметь разные, нюансные оттенки на разных принтерах. Можно приехать в типографию и сверить макет с образцом, но на офсете все равно будет едва уловимое отличие. Подрядчик ведь не станет переделывать офсетный тираж! И к договору не подошьешь цвет...

-Пусть переделывает! Не хочет за свой счет – значит, за счет специалиста, который так составил договор...

Хватит, совершенно понятно, что здесь Любе делать нечего: ни за какие пироги, даже под угрозой полной безработицы...

-Вы - упорный человек? – спросил Мокроус. Он поблескивал глазками на Любу. Нехорошее выражение. Когда-то давно, еще какой-то месяц назад она плавала в таких взглядах как в ванне с шампанским, но теперь ей хотелось плюнуть в глаза любому мужчине, даже мельком оглянувшемуся на нее. Свиньи, все подлые свиньи...

Наверняка и этот, отодвинув Мариночкин чай и отложив срочные дела, входит на сайт знакомств и потеющими от минуты к минуте пальцами жмет на клавиши, открывающие новые странички и новые картинки.

-Упорный. Как все Тельцы, - ответила Люба равнодушно.

-Вот это вы зря сказали. Вы прямо очень сильно потеряли в моих глазах, как все астрологи и гороскопы...

Да плевать я хотела на себя в твоих глазах, - чуть не закричала Люба. Вскипела, все-таки он задел ее:

-Я не говорила, что доверяю астрологам и читаю гороскопы! Людям свойственно употреблять те или иные классификации, и в данном случае, говоря о личностных особенностях, я имею в виду лишь одну из привычных общеупотребительных типологий!

Мокрый ус усмехнулся... Тут под столом что-то заскребло, он глянул вниз и в истерике вскрикнул в селектор:

-Марина! Мышеловку - срочно!

Люба впервые за много дней поймала себя на старой мысли: главное – не рассмеяться! Мокрый трус был настолько испуган мышью, что не обращал на Любу внимания.

Марина влетела с какой-то доской, перепутанной проволокой, бросила ее под стол, но мышка, кажется, уже убежала, испугавшись воплей мокротруса.

-У нас внизу склад, продукты. Мыши даже к нам поднимаются. Все не могу никак в новый офис перебраться, - поделился он с Любой.

«И не скоро переберешься, - про себя съязвила она. Встала, глубоко вздохнула, предлагая попрощаться.

-Мы Вам перезвоним, - стандартно закончил мокроусов и, сверкнув очочками, добавил: - А Вы фактурная штучка...

После собеседования Люба заглянула в свой теперь уже бывший клуб за справкой о налогах: все равно пригодится, куда бы ни устроилась.

Маринка-Седая предложила ей попить чаю и поделилась новостью: теперь все программы повесили на нее. «Я сама придумывала эскиз костюма Красной шапочки», - похвастала она. – «Хочешь посмотреть?»

-У вас новая программа? – удивилась Люба. Мажорчик говорил, что их не будет...

-Да, ты же сама предложила, «Сказки»...

Нормально. Поэксплуатировали напоследок, выжали с Любы программы на год вперед... Сказки... интересно, что креативного придумает Седая?

-Марина, какая ты молодец! – похвалил Люба откровенно бездарный костюм. Зачем Маринку разочаровывать, она же ни в чем не виновата... А вот танцевать в этом костюме Шапочка не сможет, запутается... Придется танцевать в одной шапочке...

Мимо них мягкой тенью прошел стриптизер Серега.

-У Гладкого Маршала бывшая жена умерла, - посплетничала Маринка.

-Как умерла? – удивилась Люба. Умереть может столетняя бабушка, но не молодая женщина.

-Как... выпала из окна.

-Выбросилась?

-Да нет... вроде выпала просто... Темная история, в протоколе написали – выпала.

Вот так – просто выпала. Через два месяца после развода... Может, добрые люди помогли, как Любе сейчас помогают? Что-то зацепило Любу в этой мысли, смутно заскребло...

-Мне кажется, ты сильно похудела. – Маринка завистливо глядела на бывшую коллегу. – Увольнение пошло тебе на пользу.

-Что, так заметно? – Люба очень удивилась. Всего-то времени прошло...

-Если честно, когда ты идешь, ты брюки невольно придерживаешь за пояс. Значит, сваливаются...

Она поняла, что ее тревожило. Женщина, которая умерла от передозировки в их клубе, как дурной знак начала всего этого безумия...

-Привет, Максим, - зачем-то Люба набрала его номер, возможно, надеясь хоть с кем-то откровенно поделиться тем, что так гнетет.

-А, Люба, здравствуй, как дела твои? – он почти обрадовался.

-Как сказать... сию без работы и с полным кошмаром в голове...

-Что случилось?

-Да, - отмахнулась Люба. – Влипла с историей, теперь каждое утро принимаю холодный душ из дерьма. Не важно. Скажи, нет ли у тебя работы для меня? Я даже пол мыть согласна.

-Пол мыть не надо, но давай встретимся, поговорим. Подъедешь сегодня к четверем в чайную?

Давно забытый запах ароматного чая. Кажется, не два месяца назад сидела здесь, а все два года. Как все изменилось... вынуждена экономить на всем, в первую очередь - на кафе.

-У тебя очень тревожные глаза, - сказал Максим.

-Тревожные – это слишком просто, - произнесла Люба, и на глаза навернулись слезы. Так жалко стало себя!

-Что там за история, в которую ты влипла? – Максим смотрел на нее прямо, с той же тревогой, какая жила и в ней. Ни капли любопытства, ни капли желания понравится – она уже научилась это отличать...

-Письма электронные. Семен какой-то. Угрожает, пишет мужу...

Максим выпрямился, лицо у него вытянулось, он показал пальцем: молчи.

-Пей чай, а то остынет, - тут же сказал он. И, дожидаясь, пока принесут счет, ничего не говорил больше.

Они вышли на улицу, в промозглый октябрьский день. Весь сентябрь не было солнца, может быть, один-два солнечных дня. Не было их и в октябре. Серый колкий ветер, пыль в линзы...

-Рассказывай, - сказал Максим. Не рассказывать было невозможно: он словно отдал приказ.

Люба рассказала и о письмах, и о сайте, и о том, что муж знает...

-Как твоего мужа зовут? А то всё Жарков, Жарков, - уточнил Максим.

-Гриша...

-Гришай Жаркий? В «Зените» работает?

-Ты его знаешь?!

-Так, пересекался пару раз по работе... Нормальный парень, когда его на гулянки с бабами зовут – отказывается, говорит, что жена - боксёр...

-Только без баб гулянки не пропускает... Ладно, не важно.

-В общем, Люба, попала ты в нехорошую историю... Я не знаю, что ты там натворила, но лучший выход – быстро рассказать Грише обо всех своих подвигах. Даже очень незначительных, как тебе может показаться. Хоть это и нелегко, и ему придется очень тяжело. Может быть, вам после этого придется расстаться. Но, поверь, нужно рассказать абсолютно ВСЁ.

Любу опять прошел холодный дождь. В животе затряслись осиновые листья. Волосы зашевелились под шапкой...

-Да нечего там рассказывать, - залопотала Люба. – Ничего особенного...

-Я напишу тебе. Ты мне по мобильному больше не звони, поняла? Если будут вопросы – пиши на электронный адрес, - Максим долго шарил за пазухой в поисках ручки, наконец, написал на обороте Любиной визитки свою электронку.

-И вот еще что. Никаких подруг. Вообще никого. Сейчас у тебя могут вдруг появиться новые подруги, ни в коем случае не откровенничай с ними. И готовься всё рассказать. Чем раньше это сделаешь, тем лучше для тебя. Не будь душой, ты уже достаточно глупостей натворила... И если хочешь еще – совет: не уезжай в другие города, тем более за границу. Не общайся ни с кем из твоих мужиков. Оборви все контакты, скажи, что все закончено. Это очень важно, понимаешь?

Люба смотрела на него с широко раскрытыми глазами. Кто он такой, этот Максим? Почему он требует всё рассказать? Может быть, он тоже замешан в этом дерьме?

-Люба, просто сделай всё так, как я сказал. Запомни и сделай. И не спрашивай, зачем – это не поможет тебе.

-Не могу я тебя просто взять и послушаться! Я рациональный человек! Мне нужно знать, что и почему!

Максим остановился и посмотрел на нее очень, очень пристально.

-У меня есть знакомая пара. Все, что ты рассказала, у них в точности так и начиналось. Они прошли до самого конца. До самого, понимаешь, конца? И я знаю, просто знаю, что с тобой будет дальше. И пытаюсь помочь. Ты мне однажды помогла. Теперь я тебе. Но после этого мы друг о друге забудем. Понятно? И еще. Я поговорю с Гришей. Это важно. Я ничего лишнего ему не скажу, но ты должна это сделать сама. Сама! Всё, садись, твой автобус, - они, оказывается, уже стояли на остановке. – Всё расскажи, чем быстрее, тем лучше, - шепнул он ей снова и толкнул к автобусу, оставив Любу наедине со своими круглыми слезами и одной только мыслью: неужели действительно всё?

-Девушка, вам плохо? – с пьяным участием спросил парень бомжеватого вида, едва державшийся за поручень автобуса.

-Нет, не плохо, - выдавила Люба и про себя подумала: «А очень плохо»...

Кирюшка тянул маму за руку: пойдём, поиграем в кубики. Люба тихо перебирала кубики, иногда вставала, подходила к стене и смотрела в стену, подходила к окну и смотрела на окно, и в голове ее было такое странное сплетение мыслей, что она сама даже не пыталась их расплести. В таком состоянии она пребывала уже два дня. Она мычала про себя какую-то на ходу придумываемую мелодию, чтобы не завывать в голос. Время от времени ей казалось, что она начинает сходить с ума. Так тихо и незаметно, в течении нескольких лет сходила с ума их соседка после смерти своей семнадцатилетней внучки. Старуха уже не умела говорить, но пела в своей квартире неведомые мелодии, тягучие, но ритмичные, вроде шаманских, на неведомом никому в этом мире языке...

Вчера Любе позвонили по телефону из питерской медиакомпания и предложили пройти собеседование по телефону. Бог знает, что она наговорила менеджеру, - помнит только, что на вопрос «почему люди делают карьеру?» ответила: потому, что у них нет удачи в чем-то другом, в личной

жизни или в творчестве... ей больше не перезванивали.

Гриша пришел с работы и попросил Кирюшку уйти в другую комнату смотреть телевизор. И рассказал, что с ним встречался Максим. И Максим предупредил его об опасности, которая грозит Любе.

-Какой опасности? – удивилась Люба. – Он мне ничего не говорил...

-Что тебя могут увезти за границу. Что возможно, они добиваются того, чтобы мы расстались и ты приняла их предложение...

-Кто - ОНИ? – Люба поняла, что с Гришей Максим говорил совсем о другом: возможно, о том, что ей недосказал.

-Они, эти ребята, которые нами занимаются. Это организованная деятельность. Ты же сама об этом говорила – эти письма пишет профессионал.

-Зачем им я? Ерунда какая-то. Я не супермодель, я не супермозг, зачем такие сложности?

-Он не знает. Говорит, что есть определенная схема вывоза за границу молодых женщин. Не проституток, а именно симпатичных женщин. Разведенных с мужем. Которые могут быть интересными собеседниками. Которые покорно будут делать то, о чем их попросят, потому что здесь у них остается пожилая мама или маленький ребенок.

-Но зачем? Я просто не понимаю.

-Например, какой-нибудь мужчина живет за границей, извращенец, урод уродом или больной СПИДом. Нормальная женщина вряд ли на него польстится. Шлюхи ему надоели. Он хочет, чтобы его преданно любили или хотя бы замотивированно делали вид... Он готов заплатить большие деньги за то, чтобы ему такую женщину подготовили и привезли.

-Гриша, я вообще не вижу никакой связи между тем, что с нами происходит, и этой схемой.

-Любаша, мне самому трудно верить в это всё. Но Максим мне показал кое-что... неважно. В общем, тебя кто-то взял на мушку, похоже, еще пару лет назад. А тут с этим сайтом ты и сама себя серьезно подставила. Они только и ждали, когда ты допустишь ошибку.

Люба молчала. Ничего не понятно. Слишком сложно, чтобы хоть во что-то поверить.

-Гриша, может, Максим просто посмотрелся НТВ? Как там у них эта передача... мать загрызла троих детей... проституток вывозили в цистерне с молоком....

Гриша подумал и сказал: «Нет. Похоже, он сам все это прошел». «Его знакомые?» – уточнила Люба. «Нет, он сам. И его жена»...

(С) Анна Ведерникова, 2010. www.wedernikowa-proza.narod.ru

В письме от Максима были цитаты. Из тех сообщений, что через сайт знакомств отправляли Любе, и она отвечала. Некоторые цитаты были с «продолжениями», когда собеседник после того, как Люба отключала компьютер, дописывал диалог, в том числе от ее имени, в нужном ему русле. Например, был такой:

Заяц: «Привет, Лиса! Ты красивая!»

Фокс: «Да ну! Мне еще никто этого не писал»

Заяц: «Давай сегодня встретимся!»

Фокс: «Через 3 минуты у «Зеленоградской»! Слабо?»

Заяц: «Может, через пятнадцать?»

И продолжение, якобы на следующий день:

Заяц: «Привет! Как настроение? Встретимся еще раз?»

Фокс: «Только не в машине! Я комфорт люблю!»

Любу чуть не разорвало на куски от злости. Какой-то козлице, которого она даже не помнит по фотографии, такое досочинял! Гриша читал эти куски вместе с ней, и добавил, что к тексту «Зайца» были еще и фотографии приложены: сделанные с мобильного телефона крупные расплывчатые планы промежностей, якобы Любиных. Люба готова была лопнуть от ярости. Гриша успокаивал ее как мог.

Максим попросил Любу написать ему как можно подробнее, что было на самом деле, а что – нет. Какие «кавалеры» общались с Любой, с кем встречалась: чем подробнее, тем лучше.

Люба ответила Максиму, искренне жалея о том, что закрыла все свои страницы и удалила все письма, и теперь у нее нет даже возможности показать, какими диалоги были в самом деле!

- Подожди, а где ты все это видел? И откуда тексты? – опомнилась она.

- Мне Максим показывал. Но просил тебе не говорить.

-Откуда это у него?

-Люба. Есть специальный сайт. Даже два сайта. На нем, как в каталоге, есть страницы с девушками: одна страница – одна девушка. Как сказал Максим, примерно тысяча девушек из нашего города, а вообще все города есть. Сайт очень обширный.

-И что там? Моя страница тоже есть?

Гриша кивнул. На обоих сайтах.

-И что на моей странице? Вот вся эта гадость?

-На странице есть несколько уровней доступа. На нижнем уровне – доступном почти всем зарегистрированным – самые незамысловатые сведения: фотография, анкетные данные, и вот такие сообщения, не вызывающие особого доверия.

-Откуда они там берутся?

-Эти материалы присылают те, кто зарегистрирован на сайте. Самые обычные пользователи. Например, я зарегистрировался, переспал с девушкой, влез на сайт, и написал об этом на ее странице, чтобы все читали и знали, какой я герой. И приложил фотографии, описания – любые сведения, подтверждающие мои слова. Так я могу заработать какие-то баллы, которые позволяют мне перейти на новый уровень доступа и получить больше информации. Можно это за деньги сделать, то есть больше доступа получить... Если мне понравилась или заинтересовала какая-то женщина с сайта – я могу узнать, кто ее муж, ее телефон, электронный адрес... На более высоких уровнях доступа, Максим сказал, могут быть выложены более откровенные фотографии и даже видео.

Любе все это казалось фантастикой. Тем не менее, это достаточно внятно объясняло многие вещи и связывало многие ниточки. И семен, в общем-то, написал о том же – только присвоив архив своему якобы другу...

-Ты спросил у Максима адрес сайта? Я хочу посмотреть, что еще про меня пишут!

-Он не дал. И не скажет ни за что и никогда. И еще предупредил – чтобы ты не смела вступать ни в какие разборки с теми, кто написал о тебе на сайте.

-Почему?

-Потому, что это очень закрытая информация. И об этом не должен никто знать. Никто не должен знать, что Максим нам помогает.

-Что за бред? Тысяча женщин нашего города висит в базе, десять тысяч анонимных онанистов пишут о них что хотят, и об этом нельзя говорить?

-Люба, тебе все равно никто не поверит. Вот ты бы сама поверила, если бы это не коснулось тебя?

-Нет, конечно. Но те, кто там пишет – они-то знают!

-Они ни за что не признаются в этом. Некоторые очень дорого заплатили за то, чтобы получить информацию с верхних уровней.

-Это через этот сайт иностранные уродцы и спидоносцы заказывают себе рабынь?

-Да, видимо, через этот. И с него же черпают подробные инструкции о том, как добиться желаемого. На сайте ведь пишут не только «кто с кем». Но и о том, что ты любишь, что ненавидишь, на какие рычаги нужно нажать, чтобы ты сама упала к ногам...

Любе казалось, что ее, как голубя, препарировали на столе, и выклевывают ей глаза, и вытягивают острыми когтями по одной нервной жиле, - она чувствовала каждую, каждую...

-Люба, скажи, что у тебя было? Скажи, я понимаю, что вся эта заваруха неспроста. Я устал доверять тебе и сомневаться: а не лох ли я?

Люба подумала немного и обняла его сзади. Видимо, действительно пора.

-Гриша, я должна сказать тебе... я влюбилась. Сейчас уже все прошло, но я была очень сильно влюблена.

-У вас было что-то? – напрягся Гриша.

-Нет. Но помнишь, я спрашивала, что страшнее – любить, но не спать, или спать но не любить...

-Да, я сказал – и то, и другое.

-Так вот... я действительно будто с ума сошла. Мне человек совершенно не нравился, а потом... я ревела, я страдала по нему. Потом все прошло.

- Подожди... Мне тяжело это слушать. Пожалуйста, напиши мне все это на компьютере. Я завтра

Они уснули, крепко обнявшись...

10 Капитуляция

Весь следующий день Люба искала в интернете сайт, о котором говорил Гриша. И быстро поняла, что на это можно потратить целую жизнь, но так и не найти. Гриша говорил, что внешне он похож на обычный порносайт, пока не зарегистрируешься и не войдешь в закрытый доступ под своим именем.

А зарегистрироваться на всех подряд порносайтах вообще немыслимо.

И сквозь всю Любину бурную деятельность совершенно ясно начала проступать одна-единственная мысль: пора сдаваться. Выхода нет. Максим явно указал на это. Если откровенность хоть как-нибудь сможет остановить поток этой мерзкой слизи, нужно на нее решиться.

Пора сдаваться и, наверное, расставаться. Потому что самое лучшее, что Гриша сделает – это выгонит ее из дома. Худшее – просто задушит. Люба была готова защищаться, но об одном просила Бога – чтобы Кирюшка не увидел...

Она полдня писала для Гриши одно и то же письмо. Она писала правду...

«... Я перезвонила ему не сразу, через два дня. Он снова приехал в наш клуб, снова ел свою уху, и предложил мне попробовать ее же. О чем-то разговаривали, я заметила, как потеплели его глаза, в них появился мужской интерес. Мне это было очень приятно. Он рассказывал анекдоты, какие-то интересные притчи. Потом спросил, много ли у меня сегодня работы. Очень много. Он предложил завтра оставить побольше свободного времени, - хочет мне показать самое красивое место в нашем городе. Что-то странное творилось со мной весь вечер. У меня болела голова. Я чувствовала себя разбитой, и при этом, когда вспоминала о нем, на меня накатывала настоящая теплота.

Как только он появился в ресторане, никаких особых чувств у меня это не вызвало. Я смотрела на него и не понимала, почему вчера весь вечер думала о нем. Полный, с косоватыми зубами, не очень симпатичный... Пока обедали, он рассказывал о своих клиентах, смешно им подражал – я снова увидела в нем того, вчерашнего, интересного и жизнерадостного человека. Мы говорили о роли женщины в бизнесе или семье, я рассказала: я неправильная женщина, все время посвящаю бизнесу, а не семье. Я даже не умею готовить. Правда, у меня есть три фирменных блюда: стейк из форели, холодец и блинчики. Я делаю бесподобные блинчики, самые вкусные на свете. Он сказал, что обязательно хочет попробовать. Я ответила: возможно, когда-нибудь принесу несколько на встречу с ним. Он заметил, что блинчики любит горячими. Тогда я пошутила: приду к нему домой, но только для того, чтобы испечь блинов. Он сказал: блины - утреннее блюдо, и он мечтает, как однажды утром я приготовлю ему блины. И еще он говорил с кем-то по телефону о том, что не сможет сегодня вечером куда-то подъехать, затем добавил: «Ну что поделаться... я влюбился. Да... Ее зовут Любовь»...

Потом мы поехали на гору. Оказывается, у нас почти в центре города есть высокий обрывистый берег, откуда видно полгорода – почему я раньше этого не знала? Вокруг не было ни души – хоть и центр города, но вокруг пустошь и дальше частный сектор. Было очень красиво, действительно, удивительное место. Почему-то мне резко захотелось сделать какую-нибудь глупость. Я растянула блузку, подставив себя ветру. Попросила его погладить меня по груди. Он, конечно, погладил, - я понимала, что он этого тоже хотел. Потом мы целовались, долго. Он спросил, не стесняюсь ли я – вдруг кто-нибудь увидит? Я призналась, что очень стесняюсь. Тогда он предложил мне поехать в одно место, «тут недалеко».

Действительно, через несколько минут мы были в какой-то частной гостинице, и вскоре уже крутились в чужих простынях... В общем, все произошло довольно быстро. Он сразу встал и начал одеваться. Я даже обиделась немного. Он сказал, что теперь я должна уйти от мужа. Он не потерпит, чтобы его любимая женщина жила с кем-то, кроме него. Я засмеялась: это невозможно. Он очень удивился. Сказал, что нам нужно вместе поехать куда-нибудь отдохнуть. Спросил, была ли я в Турции. У его друга там дом. И посоветовал начать оформлять загранпаспорт.

Он довез меня до работы. Утром от него пришло письмо: он безумно скучает и хочет, чтобы я вся принадлежала только ему. Я ответила, что от мужа не уйду. Он не отвечал целую неделю. Я готова была рвать на себе волосы. Мне казалось, что люблю его, а он меня бросил, и все из-за мужа. Через неделю он позвонил, как ни в чем ни бывало, мы снова обедали. Снова встречались в гостинице

– уже без обрыва. Снова все было очень остро и приятно, но быстро закончилось. Он встал и отошел к окну звонить кому-то по телефону. Меня это оскорбило. Я смотрела на его оплывшую задницу и думала: это убожество происходит со мной в последний раз.

Больше мы не встречались, он потом пару раз звонил – полушуткой спрашивал, оформляю ли я загранпаспорт, сообщил, что уезжает в командировку, а потом началось всё то, что с нами сейчас происходит...»

Когда Гриша читал это на компьютере, Люба сидела рядом, глядя ему в глаза сквозь огромные, как стеклянные шары, слезы. Гриша сжимал челюсть что есть сил, а когда дочитал, долго еще смотрел в экран перед собой.

-Пойдем, купим водки, - предложила Люба. – Напьемся как свиньи, а там видно будет.

-А правда, пойдем, - медленно ответил Гриша. Всю дорогу он выпытывал мельчайшие подробности: где была левая нога, где правая, кто как перевернулся... Люба что могла, вспоминала из этой незамысловатой акробатики, но не могла понять, зачем Грише такие детали.

Они купили «чекушку» и сели в соседнем дворе. Вечер был холодным, накрапывал дождь, но они сидели без зонта и пили водку.

-Гриша... давай я тебе еще кое-что скажу. Пока уж такая тема пошла.

-Да, - деревянным голосом отозвался он.

-Я ведь с парнем этим... Старателем... который меня кончать научил... тоже не только теорией занималась...

Гриша долго молчал, тяжело дыша. Слегка завалился на бок, но Люба его подперла.

-Хорошо, что ты мне это сейчас сказала. – Он схватил ее голову, довольно грубо, и прижал к своей груди. – Я не знаю, будем ли мы после этого вместе. Но спасибо, что сказала, не стала тянуть меня за жилы. Это всё? Если есть еще что-то, скажи сейчас!

-Это всё, - прошептала Люба.

Эту ночь ей вспомнить страшно. «Хорошо, что завтра не надо на работу», - это все, что было позитивного у Любы.

Гриша то ли от новостей, то ли от водки совершенно обезумел. Он то накидывался на Любу и начинал ее иступленно насиловать, то садился за компьютер и перечитывал ее послание... Люба терпеливо и робко дожидалась утра...

-Завтра напиши мне все про этого... золотоискателя, - приказал Гриша. – И если чего-то еще не рассказала – напиши.

Утро все не наступало. Жарков уже истыкал Любу во все места, уже извел ее до синевы, и никак не мог успокоиться. Наконец она не выдержала и заорала: «Все, ложись спать! Хватит уже надо мной издеваться! Завтра я соберу манатки и уйду, только дай мне наконец поспать!»

И как только он вышел на балкон покурить, она выскочила из подъезда в тапочках, на ходу набирая номер такси. «К третьему подъезду... на ближайшее»...

Холодно, но не так холодно, как хотелось бы, чтобы пошатнувшись упасть в сугроб и окоченеть в нем за несколько секунд, пока температура тела опустится на десяток градусов...

Спрятавшись в ожидании такси в темном дворике за толстым тополем, она слышала, как хлопнула дверь подъезда, и как звал ее Гриша, - он ходил по двору, потом скрылся за углом, - тут-то она и пересела в такси, удивив таксиста пунктом назначения: «Саргатка». Минут десять они ехали в тишине, потом начались звонки Любе на сотовый: Гриша отчаянно пытался пробиться.

К маме, к маме, а там – будет видно, как дальше жить. Как судиться, как делить Кирюшку – одно солнышко на двоих.

Мокрая ночная дорога двигалась навстречу, как лента тренажера, а вокруг висела тьма даже без далеких огней.

Сбросила один звонок, третий, двадцатый, - Гриша не унимался и наконец прислал смс: «плохо с сердцем, если увезут, Кирилл не на кого оставить».

Люба задыхнулась от слез и, подумав недолго, набрала его номер. «Буду через полчаса, - сообщила и в очередной раз удивила таксиста: «Разворачивайтесь назад в город».

«Решили примириться, - понимающе кивнул таксист. – Правильно, мужика беречь надо и

прощать. Сейчас до пятидесяти редко кто доживает. Ну погулял – бывает, надо простить. Все равно же к тебе вернулся, так?»

Люба не могла ответить, слезы давили ее со всех сторон. Лишь бы успеть, лишь бы он остался жить – ни в чем не виноватый, кроме своей любви, ее ненаглядный Гриша. Лишь бы не перепугался маленький глазастый Кирюшка с кучей вопросов про запас...

Она влетела в квартиру, и не сразу нашла Гришу: он заперся в ванной, и открыл ей только с третьего требования.

-Ты вызвал «Скорую»? – спросила Люба

У Гриши был синий подбородок и носогубный треугольник – верных признаков сердечников.

-Нет, - прохрипел он. – С тобой все в порядке? Позвони своей маме, что ты не приедешь.

-Я ее не предупредила, что еду... А откуда ты знаешь? – изумилась Люба

-Не знаю... у меня какая-то странная штука в мозгу происходит, я будто мысли читать могу. Я понял, что ты на «пятнашке» поехала в Саргатку...

-Вообще-то, это была «девятка»... хотя не знаю... ты «скорую вызвал»?

-Нет. Я не хочу... на чужой койке... хочу дома...

-Брось ваньку валять! – рассердилась Люба. – Я вызываю врача.

-Не надо, пожалуйста, мне уже легче. Хорошо, что ты приехала... Я не думал, что ты сможешь вернуться....

Они прижались друг к другу, как старики, потом перебрались из ванной в комнату и просидели обнявшись почти до рассвета.

-Мы расстанемся? – спрашивали они по очереди, то Гриша, то Люба.

-Не знаю, - отвечали тоже одинаково.

Гриша просил рассказать все подробности, и тут же, перебивая, сообщал: он так и думал, у него в голове стоит отчетливая картина, словно Люба передала ему часть мозга с воспоминаниями.

Люба боялась оставить его одного даже на миг, пока ходит в кухню за водой: вдруг что-то случится?

-Зачем ты это делала? - пытал Гриша

-Я же объясняла... Я все равно бы сделала это, хоть и понимаю теперь, какая глупость... Но ты пойми, когда смотришь в потолок во время секса и думаешь: «Скорей бы закончилось» - успокаивает только мысль, что когда-нибудь попробуешь с другим. С которым все будет не так.

-И что, с другими было не так?

-Нет. Всё точно так же. Но если я очень злилась на тебя – меня успокаивала мысль, что я тебе отомстила.

-Неужели ты так сильно меня ненавидишь?

-Бывает... Иногда все нормально, а иногда... Например, прошу тебя убрать компьютерные провода – надоело о них по всей комнате запинаться. А ты говоришь «Завтра уберу!» Я-то знаю, что не уберешь, это только отмазки... а ты только сильнее злишься: «Сказал – уберу!!!» Ведь так и не убрал...

-И что? Только из-за проводов?

-Да нет, ну как ты не можешь понять... Все же из мелочей складывается... Когда я на работу тороплюсь, а ты меня хватаешь... Когда я прошу лечь спать, а ты сидишь за компьютером... Я его разбить о твою голову иногда хочу... И в такие моменты, когда ничего не можешь сделать, от бессилия слезы текут, спасает только одна мысль: я ему отомщу... по-своему...

Гриша утыкался в нее лицом и бормотал что-то, из чего Люба могла разобрать только «лошара, настоящий лошара»...

Настало утро, которое не принесло с собой никакого облегчения.

От кого: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Кому: макс maximum74@mail.ru>

Дата: 14 Окт 2008 10:20:02

Тема: Re: выдержки

Здравствуй, Максим. Я вчера решила на откровенный разговор с мужем. Тайны закончились, началось самое трудное, особенно для него.

Как ты просил, отправляю и тебе информацию со всеми подробностями. Раньше я, наверное, постеснялась бы, но теперь мне совершенно все равно. Если это поможет как можно скорее закончить эту пытку, готова написать еще. Рассказ о человеке, который предлагал мне поехать за границу,

приложен в файле.

Добавлю, что четыре дня назад он снова звонил, я не взяла трубку. Прислал смс: «Я в городе, перезвони, когда сможешь. Целую». А сегодня утром пришло письмо, приведу его полностью: «моя Любовь! Я не знаю, что произошло, пока меня не было. Ты не берешь трубку, меня это очень огорчает. Наверное, ты имеешь на это право, меня не было слишком долго. Но я попал в авткатастрофу и три недели лежал в больнице. Если ты обижаешься, скажи мне об этом лично, а то есть сомнение, что у тебя очередной любовник появился. Тогда, конечно, я отступаю и желаю тебе удачи и счастья. Больше всего желаю тебе найти мир и спокойствие!»

Понимаю, что могу наделать глупостей, подскажи, что ему ответить?

Максим, я высылаю файл с рассказом еще об одном человеке.. Не удивляйся, что все так формально – в файлах... просто пишу их для Гриши, ему очень трудно слушать, когда я рассказываю, легче читать. Я не знаю, что с ним делать. Кажется, он сходит с ума...

Максим ответил практически сразу: «Не соглашайся ни на какие встречи. Даже если будешь идти по улице, а он – умирать на твоих глазах, перешагни через труп и пройди мимо. Ответь ему очень коротко, что муж все знает, встреч нет, и не будет никогда. И второму сообщи то же самое, даже если с ним давно не общалась». Люба так и сделала. Странно, она не чувствовала ни малейшей жалости к кругляшу, даже еще не узнав от Максима, что означало каждое коленце их таких коротких и странных отношений...

До собеседования оставалось три часа. Хватит терпеть на себе оценивающие взгляды. Она больше не будет привлекательна. Она больше никогда не наденет короткую юбку (жаль, других нет – гонясь за своей зыбкой любовью, она укоротила все подолы, что были ниже стола)... Старенькие джинсы, полудетский макияж... что только делать с длинными золотистыми волосами, которые она еще не совсем отвыкла укладывать каждое утро перед зеркалом, добиваясь сходства не то с барби, не то с голливудскими звездами...

Люба явилась на собеседование с коротко стриженными черными волосами. Она приготовила новое резюме: опыт работы – ноль, обучение – колледж предпринимательства, требования по зарплате – от 7 тысяч рублей...

-Почему Вы хотите работать в нашей компании? – персональщица спрашивала равнодушным голосом, как равнодушно снимают с конвейера пакеты с молоком, чтобы уложить в коробку...

-Мне нравится работать в компании, которая обеспечивает весь город шампунями и стиральным порошком. Это, можно сказать, чистый бизнес... - Люба по-идиотски улыбнулась, чтобы персональщица не подумала, что Люба издевается.

Персональщица поставила галочку в своих пометках.

-Где Вы работали раньше?

-Я нигде не работала. После колледжа вышла замуж и родила сына. Сейчас у мужа ухудшилось материальное положение, я решила выйти на работу.

-Расскажите, как вы провели прошлые выходные.

«Проективный вопрос... сейчас будет отмечать количество глаголов в совершенной форме и в несовершенной... так... я иду на вакансию оператора. Оператор – это процесс, а не результат. Значит, нужны несовершенные глаголы».

-Ну... я стирала, убиралась дома, готовила еду. Ездила к маме...

Персональщица ставит очередную галку. «Знала бы она, чем я занималась на выходных! Полдня проревела, полдня прошарилась с Кирюшкой по городу, выкурила две пачки сигарет, втихушку, чтобы он не заметил... Бедный мой заброшенный мальчик, ему срочно нужна теплая куртка, а мы с Гришкой занимаемся выяснением отношений, которые и без того истрепаны до нитки»...

-Мы перезвоним вам в течение недели...

Как быстро несется маршрутка, звеня на ухабах, как колокольчик... Сейчас бы со всего размаху врезаться куда-нибудь, только так, чтобы сразу насмерть...

Она не узнала себя в зеркале, придя домой. Чучело, настоящее чучело. Так и надо. Чем хуже, тем лучше... Жалко, что маршрутка не разбилась.

Дом совсем чужой, придет с работы Гриша, и весь вчерашний ужас начнется заново...

«Старатель написал мне через неделю после того, как я открыла страницу. Такой мальчик-

колокольчик, «ты со мной дружить, наверное, не захочешь, когда я свое фото пришлю»... Когда прислал, долго спрашивал, нравится он мне или нет.

Быстро перешли на общение в аське. Написал про аську: «кажется, мне недавно эту штуку установили». У нас оказалось много общих тем: продажи, маркетинг, Москва и ее региональная политика...

День на третий нашего знакомства мы договорились встретиться в обед. Он заехал на машине с московскими номерами 97 или 99... В кафе он первым делом спросил, как я докатилась до жизни такой.

После обеда мы долго сидели в его машине, даже не прикоснулись друг к другу. Звучала какая-то песенка по радио, типа «сладкая моя загадка». Я обозвала его сладкой загадкой, потрепала за руку и вышла.

В аське он снова спрашивал, понравился он мне или нет. Спросил, достаточно ли я хорошо с ним познакомилась. Я сказала, что нет. А что мне нужно, чтобы понять, хочу ли я с ним встретиться? Ответила, что буду точно знать, симпатичен он мне или нет, только когда поговорю с ним на языке тела. «Так в чем же дело?»... спросил, куда я хочу пойти, но гостиницу в итоге выбрал сам.

Пока ехали куда-то к вокзалу, рассказывали про свои школьные и институтские годы. Он спросил: «Ты, наверное, распутной была в школе?». Я ответила, что была синим чулком, а он, оказывается, так и подумал.

Зашли в номер, он по-хозяйски осмотрелся, включил кондиционер и телевизор. У меня было ощущение, что он вообще пришел посмотреть телевизор. Я была не против сесть рядом, поваляться в прохладе и позырнуть телик в рабочее время.

Он явно ждал, когда я начну. Меня охлаждала такая пассивность, но игра есть игра, не разворачиваться же и не уходить... Понимаю, странная логика, но я ведь знала, куда и зачем мы ехали... я стоя обняла его, сидящего на кровати, мы в первый раз поцеловались. Я, кажется, спросила: «Купаться будем?»

Пока он принимал душ, я заглянула за зеркало. Насмотрелась в свое время «Санта-барбары», где была камера прямо за зеркалом... Здесь вроде камеры не было. Зеркало начало падать, я с огромным трудом удержала, чтобы оно не разбилось. Прислонилась к стеночке еле-еле...

Зачем мне надо было это всё, я понятия не имею и объяснить не могу. Какой-то жалкий эксперимент, неудачная попытка что-то поменять в своей жизни...

Перед расставанием он спросил, когда в следующий раз. Не знаю, сказала я. На следующей неделе мы обменивались мирными письмами о том, как прошли выходные. Много разговаривали про всякую чушь, и его разговор часто начинался «как ты сегодня? сильно занята?», что подразумевало, могу ли я поехать с ним. То я отвечала: начальство на месте и сечет все мои шаги, то я уезжала по точкам (он писал: «с мужиками, поди, встречалась?»).

Примерно через неделю мы оказались вместе во второй раз. Я уже говорила тебе, он научил меня некоторым простым приемам, работающим не только на процесс, но и, так сказать, на качество процесса... Не знаю, почему, но ему важно было добиваться этого качества «одновременно»...

В последний раз мы были там примерно еще через неделю. С ним я чувствовала невероятную бодрость, а все остальное время спала на ходу, будто природа стягивала все мои силы только на эти встречи. Я была очень вялой, приходила домой и заваливалась спать, весь день на работе меня кумарило...

Вот и все, наверное. После третьей встречи я узнала, что его жена ждет ребенка, и сказала, что не буду с ним больше встречаться, чисто из женской солидарности.

Потом еще недолго переписывались, он со мной обращался уже с полным безразличием, с пренебрежением даже, доставал глупыми вопросами: «как вы с мужем? Одновременно? с кем вчера целовалась? ну с кем? ну с кем...»

Дружба потихоньку затихла, хотя два раза он проявлял очень большой интерес. Первый - когда я рассказала, что мы готовим корпоративный летний выезд для одной конторы, - наутро после праздника он дотошно выпытывал, с кем я там уединялась или хотя бы целовалась, просил фотки и расспрашивал про сотрудников компании-заказчика. Второй раз он оживился, когда я рассказала о нашем новогоднем корпоративе. Он снова спросил, с кем я целовалась, кто меня провожал и все такое. Меня это тогда жутко взбесило...»

Вечером Гриша, увидев Любину стрижку, грубо обнял ее, потрепал за волосы: «Ну, зачем ты?»... «Я больше не хочу быть собой», - ответила она без кокетства. Оно и так было понятно по ее впавшим глазам с красными жилками.

-Если мы все-таки останемся вместе... я не уверен, что останемся, я еще этого не решил... но есть все-таки останемся, ты больше так не делай. Будь какая ты есть, не надо из-за этих уродов себя уродовать...

Кирюшка, увидев ее, едва не разревелся: чужая, незнакомая женщина говорит маминым голосом... и даже не улыбается, будто не рада ему.

Он вообще не мог понять, что происходит, отчего в его семье вся атмосфера стала как в доме после смерти бабушки: закрыли наглухо окна и занавесили зеркала, и ходят тихо, не глядя друг другу в лицо...

Его еще никогда так часто с таким серьезным лицом отец не просил: «Кирилл, уйди в кухню». Люба старалась уложить сына пораньше, успокоить перед сном, но он плакал тихо в подушку, когда мама выходила, - отчего-то было странно, страшно и хотелось выть, как бабушкин Тобик на привязи...

Гриша закрывал дверь в комнату и начинал трепать мозги Любе.

-Ко мне сегодня Максим приходил, мы покурили с ним в парке... Говорит, что нужно сейчас тебе помочь, поддержать. На самом деле он, наверное, меня поддержать приходил. Сказал как-то нечаянно, что его жена ему очень долго не признавалась, пока ему не прислали диск с видеозаписью. Там были она и его лучший друг... Так что, говорит, тебе повезло...

Ворочая отверткой и молотком, Гриша прикручивал компьютерные провода к плинтусам, и пересказывал Любе разговор с Максимом.

Что Кругляш, с очень большой вероятностью, использовал специальные стимулирующие средства, которые подмешивал в пищу. На это указывает и головная боль, и это странное состояние – то нравится, то не понимаешь, за что этот человек может нравиться... Максим спрашивал, не смачивал ли Кругляш пальцы или губы в какой-нибудь жидкости перед тем, как забираться внутрь любовницы: через слизистую раствор с кокаином проникает быстрее и обостряет удовольствие. Возможно, то же самое делал и Старатель.

Предупредил, чтобы ни в коем случае, никогда Люба не ела ничего в присутствии незнакомых людей. Даже еду, которую принесла с собой.

Предупредил также, что сейчас их – ее и Гришу – будут постоянно провоцировать, то ему, то ей подсовывая «влюблённых».

-Так и сказал: смотри, Григорий, тебе сейчас девки начнут на шею вешаться стаями. Помни, что всё это – подставные, такие же провинившиеся, как твоя жена. Возможно, говорит, и твою жену вовлекли бы в нечто подобное – если бы она согласилась «сотрудничать».

Люба усмехнулась. Никогда бы она не пошла на поводке, не поддалась на шантаж. Уж проще все рассказать и разойтись, чем жить как сейчас – в постоянном страхе...

Вечером Максим прислал еще одно письмо.

От кого: макс maximum74@mail.ru>

Кому: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Дата: 14 Окт 2008 21:54:41

Тема: Re: Re: выдержки

Люба, твой Григорий молодчина! Настоящий мужчина, хоть ему сейчас и нелегко. Если осталось что-то недосказанным – нужно сказать сейчас. И попробуйте отправить свои откровения на тот адрес, откуда вам сыплются письма. По крайней мере, это может сработать.

Сейчас на твоей странице что-то происходит. Нижние уровни подчищаются, с них удалена практически вся незначительная информация. Верхние уровни, куда у меня нет доступа, активно пополняются (вчера там было 13 Мбайт, сегодня уже – 350 Мб). Очевидно, загружены тяжелые видеофайлы.

Что до твоего Старателя – его номер аськи 184448125? Если да, это один из самых старых посетителей сайта, у него очень высокий уровень доступа, и он умеет очень грамотно, психологически точно вытягивать из своих «собеседниц» самую интимную информацию.

И еще один важный момент. Очень рекомендую сдать анализы на все виды инфекций, не исключая СПИД. Что-то не нравится мне эта история с Турцией. Даже если сейчас ничего не выявится, не поленились сдать через два-три месяца.

Наутро Люба отправилась сдавать анализы, переживая только за одно: если она инфицирована

11 Надо как-то дальше...

Нужно найти работу, хоть какую-то. Если расставаться с Гришей, понадобится много денег на аренду квартиры и на адвоката, - Люба собиралась бороться за Кирюшку во что бы это ни стало. Конечно, при условии, что она здорова...

А если больна? Тогда и Корнеев болен. Тогда она подставила этого человека, пусть не самого честного, но все-таки не заслужившего такого «подарка»...

Она попала на собеседование на один из радиоканалов. После пяти минут ожидания в очень оригинальном офисе, оформленном – сразу видно, - хорошим дизайнером, Люба была приглашена к молодой начальнице отдела персонала по имени Галина. Галина была ухоженной, красивой, с блестящими волосами и, наверное, такими же перспективами...

-Что человек с двумя высшими образованиями собирается делать на должности менеджера по рекламе? – спросила она скорее с профессиональным интересом, чем с сочувствием.

-Работать, - спокойно ответила Люба. Странный вопрос... - Не то время, чтобы трясти дипломами.

-Кем вы видите себя через пять лет?

Люба совершенно четко представила себе скелет с черными короткими волосами... Сглотнула комок, глазами сглотнула зачатки слез.

-Президентом России, - ответила Галине.

-Как собеседование? – привычно спросил Гриша. – Взяли?

Люба чуть не рассмеялась. Взяли, причем сразу на генерального директора.

Она уже до конца составила недлинный список всех своих плотских грехов, куда включила даже невинные шалости в студенческие времена – на большее не хватало времени между учебой на журфаке и со второго курса – еще и на экономе, параллельно, чтобы второе образование было бесплатным... Обо всех студенческих эпизодах муж знал: и о выезде на берег на Ивана Купалу, где все, кто не совокуплялся в палатках, носились голышом купаться в ночной реке, и о играшках на день святого Валентина, когда вернулась домой с синими от засосов губами, и о женской душевой с огромной дырой в мужскую, о которой все знали, но все делали вид, будто ее не существует и даже больше - принимали позы позавлекательнее...

От кого: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Кому: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Дата: 15 Окт 2008 22:32:08

Тема: Re: Re: x

Привет, козел козелович и вся твоя творческая команда. Очень уж не хотела писать тебе еще хоть раз, да видно ты сомневаешься в моей откровенности с мужем.

Вот тебе полный список всех моих развратных действий в отношении малолетних старичков-импотентиков, заверенный в прочтении моим мужем, к которому абсолютно нечего добавить, разве немного вранья кого-нибудь из неудачливых ухажеров. Впрочем, ты умеешь отделять правду от вранья и сам понимаешь, что не каждый, кто со мной переписывался, потом со мной перепихивался.

Ну вот... теперь ты стирай штанишки...

И напоследок я скажу. Я не желаю тебе сдохнуть от жуткого запора, я не желаю тебе, чтоб у тебя больше не встал ни на одну женщину, не желаю, чтоб твою задницу порвали бейсбольной битой... Я не желаю зла твоим детям. Я только желаю, чтоб с твоей дочерью, - а если у тебя нет, то с дочерью твоего самого близкого человека, - случилось то же, что случилось со мной. Чтоб у нее так же дыбом стояли волосы от того, что кучка подонков технично использовали ее, вкрадываясь в ее тайны и выворачивая их наружу. Чтобы твоя дочь испытала тот же ужас позора и бессилия, что и я. И чтобы она так же, как и я, поблагодарила своего фак-менеджера за тот урок, который был приподнесен.

Ответа не было. Не было и через день. В выходные Люба с Гришей отправили Кирюшку к бабушке, и напились пива, тем более, что результаты Любиных анализов оставили им надежду дожить до глубокой старости в полном здравии. Как надо мало для праздника!..

-Я должен тебе тоже кое-что рассказать, - выдохнул Гриша. – Чтобы всё было совсем по-честному. Помнишь, ты постоянно подкалывала меня, что у меня на работе есть подружка?

-Гриша, только не говори, что ты трахался с этой пацанкой! – Люба готова была рассмеяться, но никак не рассердиться. Лена, коротко стриженная, низенькая, без косметики, вечно в джинсах и

кроссовках, - с ней, наверное, можно было интересно поболтать, но соблазнять... нет, это невероятно.

-Ты все время была совершенно отчужденная. Ты не интересовалась моими делами и Кирюшкой. Ты жила совсем другой жизнью, я это чувствовал, вот только, дурак, никак верить не хотел...

Ага, «не хотел»... Каждый раз, собираясь на работу, доскребался: «Для кого это ты так оделась?» И эти вечные контрольные звонки: «Когда придешь?» Люба злилась, что даже не может выкроить вечер для встречи с друзьями, бывшими коллегами – всё под микроскопом у мужа. Если б не понимание его лени и возможностей, Люба подумала бы, что всё шоу с семёнами подстроил Гриша, чтобы вывести ее на чистую воду.

-А с Леной мы много общались, часто оставались наедине. Ну вот... однажды после корпоратива мы спрятались ото всех в закутке, целовались долго... Потом она сказала: «Знаешь, наверное, нам это не нужно». И всё. Потом мы не виделись долго – она избегала встречаться со мной, а я – с ней. Вот такой я лох, даже изменить тебе не мог...

Всё было бы гораздо проще, если бы все-таки изменил. Ему было бы легче простить... А Любе? Так сразу и не поймешь, однако - не смогла бы. Не простила бы. Баню со шлюхами – может быть, да. Но невзрачную пацанку – наверное, нет. Потому что пацанка - уже не физиология, это уже – прочно в голове...

-Прости... прости, что сразу не сказал... - Гриша по-своему истолковал Любину мрачность

В понедельник позвонили из конторы, сообщили, что ответ положительный. Мокроусов зовет на работу в офис, изъеденный мышами.

-Мне жаль, я уже дала согласие в другую компанию, - извинилась Люба, про себя хохоча. Ни за что не будет работать на мужика, который пялится на коленки и дрючит за неправильный синий.

Еще, к великой Любиной радости, позвонила Галина с радио. Пригласила на повторное собеседование с директором.

Люба полтора часа крутилась перед зеркалом. Надо выглядеть строго, но не занудно. Быть приятной внешности, но не красавицей. Ни в коем случае не «перебивать» яркую Галину, чтобы, не дай Бог, не заподозрила ее в конкуренции. Светлый костюм, легкая небрежность в шарфике... Туалетная вода, уже больше месяца совсем не востребованная...

И снова в дизайнерский офис с самыми невероятными фантазиями на стенах. В стену впечатан ботинок, шнурки свисают вниз... На одной двери - табличка «Бухалтерия». «Тут обычно коллективные праздники проходят», - улыбаясь, пояснила Галина и толкнула дверь – в большую комнату с круглым столом, где ее ждали.

Директоров оказалось два. Один - в возрасте, седой, второй - средних лет, в толстовке с надписью «Че Бурашка». Галина предложила всем чаю, и Люба с удовольствием хлебнула горячего, отогреваясь после промозглого ветренного октября.

Они долго говорили о том, как бы Люба построила свою работу, какими качествами должен обладать идеальный руководитель, в какой команде ей было бы работать комфортнее.

«В любой!» - готова была закричать Люба. Она была бы согласна работать хоть в серпентарии, но этим людям, имеющим место и зарплату, было сложно такое понять...

Ей очень понравились эти спокойные, доброжелательные люди, чьи взгляды на бизнес совпадали с ее взглядами.

-Давайте, я Вас довезу до остановки, - предложила Галина по окончании собеседования, узнав, что им с Любой в одну сторону. Было уже семь часов вечера и темнело. Люба с удовольствием согласилась.

-Я сама тут два месяца работаю, - призналась Галина. – Мы сейчас заканчиваем описание бизнес-процессов и задумали внедрить сбалансированную систему показателей...

-Balanced Scorecard! Это то, чем мне было бы очень интересно заниматься, - призналась Люба. – Даже не верится, что в нашем городе есть компания, руководство которой настолько продвинуто в менеджменте! И где - не на производстве, а в медиа! Где Вы были, когда я искала работу год назад?! – пошутила она.

-Я Вас уверяю, мы не одни такие. Просто у нас очень «продвинутые» учредители, и требуют от менеджеров того же...

Вдохновенная и, сказать честно, обнадеженная собеседованием, дома Люба только что не прыгала от радости. Ей в голову приходили десятки сумасшедших проектов, которыми можно было

не просто привлечь рекламодателей – а перевернуть весь город, заставить его говорить только о себе! Только суеверие мешало сеть и набросать их, чтоб не забыть... Кирюшка в этот день хохотал и веселился до слез, потому что мама весь вечер провела с ним и его игрушками, время от времени щекотала его и боролась с ним на полу, и вообще была веселая, как никогда.

Но когда Кирилл уснул, и Гриша привычным жестом проверил почтовый ящик, веселье как рукой сняло.

От кого: семен семенов semen7070@mail.ru

Кому: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Дата: 20 Окт 2008 17:43:42

Тема: Re: Re: Re: x

Ну и погуляла ты, девочка! Конечно же, список далеко не полон, и ты сама прекрасно знаешь об этом. Но кое-что я узнал новое.

Про моих детей ты не беспокойся. Они правильно воспитаны и уж, конечно, не станут развратничать, как ты.

Ты отдыхай пока. Скоро ты мне понадобишься.

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>

Дата: 20 Окт 2008 17:45:32

Тема: Re: письмо

Здравствуй, Оленочек!

Как у тебя дела? Как твоя шлюшка поживает? Все так же? Наверное, немножко успокоилась для вида. Придержать свою щелку решила ненадолго. Но ты не переживай, очень скоро все пойдет по новой. Недаром она так ласково со своими друзьями попрощалась, не со всеми, правда, попрощалась. И правильно. Не бывает дружков бывших. Никогда не знаешь, кто еще пригодится.

С тобой-то неинтересно. Пять минут и все. А вот с другими можно и по 3-4 часа, да и размерчики у них не то, что твой малыш.

А тебя она держит крепко. Молодец. Думаешь, зачем? Да только за тем, что сложно в наше время такого лоха найти, да и удобно ей это пока. А дружки ждут. И будь уверен, дождутся. Да и на новых она уже посматривает. Ну не бывает шлюх бывших.

Ты все-таки подумай над моим предложением.

Снова все оборвалось и полетело вниз, и смешной она казалась сама себе, расфуфыренной матрешкой, решившей, что весь мир снова готов покориться ее талантам. Глупое собеседование, глупая надежда на возрождение той, прежней жизни, в которой есть бизнес-процессы, сбалансированная система показателей и стратегический менеджмент, в которой есть интересные собеседники и яркие победы...

Она ушла в ванную, и долго плакала сама над собой и своими едва только зародившимися надеждами... Никто не оставит их в покое, и не понятна цель всех атак, а раз не понятна цель – значит, нет и стратегии наступления...

Гриша постучал в ванную, она отперла и прорыдала ему в грудь: «Гриша, что им надо от меня? Я уже все сделала, что могла. Почему они продолжают?»

Гриша гладил ее по рыдающей голове, приговаривая: «Если бы я сам знал... Я не знаю... и Максим не знает...»

Когда она заснула, ей снились очень хорошие сны. О тихом озере, где прошли несколько летних месяцев ее далекого детства... Такие хорошие сны, после которых совершенно невозможно было проснуться...

12 Работник

Прошло не больше трех дней, когда в Любином ящике появилось письмо от нового отправителя.

От кого: Андрей Владимирович <rabotnik72@mail.ru>

Кому: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>

Дата: 23 Окт 2008 09:24:17

Тема: предложение

Здравствуйте, Любовь!

Я знаю, что в настоящий момент Вы ищете работу. Думаю, мое предложение заинтересует Вас.

Вам нужно будет делать то же самое, что Вы уже делали. Только со стабильным и высоким доходом. Формально (в том числе и для Вашего мужа) Вы будете числиться менеджером в компании, которая зарегистрирована в Москве.

Я знаю, Вы любите бывать в командировках. Их у Вас будет достаточно, в том числе заграничные.

Обычно мы проводим предварительные собеседования и стажировки на эту работу. Но Вас мы приглашаем приступить к работе без предварительных этапов. Ваши рекомендации говорят сами за себя.

Подумайте. Если Вы не ответите мне до понедельника, будем считать, что Вы согласны, и я вышлю Вам подробные инструкции того, что нужно делать дальше.

Мы гарантируем Вам полную конфиденциальность и полную легальность работы перед Вашим мужем.

-О чем это они? – не мог поверить Гриша, читая письмо.

-Что, не видишь? Тут же черным по белому написано: эскорт!! – разозлилась Люба. Прикидывается дурачком! – Это как раз то, о чем предупреждал Максим!

Люба жутко разозлилась, и больше всего - оттого, что ее профессия – пиарщик - автоматически уравнивается с эскортом! Неужели обилие ухоженных симпатичных девушек, которых привлекают креативные профессии, в сознании масс ассоциируется с борделем? Может, неспроста все ее руководители-мужчины относились к ней слегка небрежно, как к карманной блондинке, и очень удивлялись, когда блондинка начинала озвучивать говорить умные и «неправильные» мысли?

Люба, недолго думая, бросила по электронке ответ: «Пошел...» и добавила адрес в «черный список».

Надо срочно искать работу, любую, лишь бы не давать поводов к таким письмам... Очередной заход на сайт работы неожиданно порадовал новой вакансией: специалист по пиар в известную продуктовую сеть супермаркетов. Край города, но надо срочно, лучше – сегодня же, добиться встречи...

Добираясь до очередного офиса, Люба обратила внимание на неожиданный флеш-моб: человек тридцать совершенно разных возрастов от детишек до стариков с окаменевшими лицами тихо и технично очищали свою обувь от невероятной глинистой грязи, налипшей каждому на подошву слоем ладони в три. Оттирали о пожухлую траву, полоскали в мелких лужах, ковыряли придорожными палочками... Странное зрелище заставило Любу приглядеться внимательно. Где они могли так увозиться? Рядом стрекотал пустой ПАЗик, а в здании напротив находилось простенькое кафе. Приехали на свадьбу из деревни? Нет ни невесты, ни цветов...

Похоже, процессия была с кладбища, вот откуда глина, ненарядность и сосредоточенная отрешенность.

Странная ситуация: к большой беде добавилась мелкая и на время вытеснила большую, забрав на себя все усилия и мысли...

Собеседование – это игра, играют двое, кандидат и работодатель. Поочередно кидают кубик и задают друг другу вопросы. Тактика игры не в том, что отвечать, а в том, как отвечать. Если кандидат не замечает вопросов с двойным дном, тогда выигрывает персональщик: он видит кандидата как на ладони со всей невербаликой, ценностями и мотивами.

Если кандидат подготовлен «на равных», как в данном случае, - думала Люба, - то игра состоит в том, чтобы ловко притворяться овцой и заставлять волка жрать втюхиваемую ему под видом баранины прошлогоднюю траву...

А еще те, кто проводит собеседования, в своем подходе похожи на мужчин, которые шарятся на сайте знакомств. Они только оценивают, нисколько не заботясь о том, какое сами производят впечатление. Обратной связи не просят. Считают, что по умолчанию их ждут с распростертыми объятьями.

Люба думала о том, что эта молодая начальница Анна, наверняка выпускница какого-нибудь заштатного коммерческого институтика, с прилично зарабатывающим мужем, без особых проблем в жизни сейчас решает судьбу ее, Любы, с двумя высшими образованиями, огромным опытом работы и уже таким теперь непростым жизненным опытом...

-Вы любите готовить? – спросила она. Длинные светлые волосы. У Любы тоже такие были. И работа была, и примерно так же придирчиво, начитавшись умных книжек, она подбирала себе команду...

-Нет. Только холодец и блинчики умею... - Люба уже знала, каким будет следующий вопрос.

-У Вас вкусные блинчики? – спрашивает Анна. Люба кивает. – Почему Вы так считаете?

Косвенный вопрос. О внешнем или внутреннем типе референции... Собеседование на пиарщика. Следовательно, требуется внешняя референция примерно на 70%... Но важна и собственная позиция. Так и ответим...

-Потому, что все их очень хвалят. И мне больше всего мои блины нравятся. Я даже в хороших кафе блинчики не заказываю, мои лучше.

Анна довольна ответом. Галочка.

-Кем вы видите себя через несколько лет?

Снова вопрос-ловушка. Двойная. Нельзя показаться поленом, нельзя претендовать на место начальника...

-Я бы хотела стать лучшим специалистом в своей области, и по возможности освоить какие-то смежные специальности. Вообще моя миссия в идеале – человек номер два. Правая рука сильного руководителя.

«Только не тянешь ты пока на сильного», - подумала Люба. Ее злило это общение, совершенно очевидно, что ее не возьмут – слишком откровенная конкуренция.

-Еще два месяца назад я хотела стать коммерческим директором клуба, где я работала. Я сейчас готова работать официантом.

-Вы серьезно? – спросила Анна. – Что же изменилось? Уровень притязаний?

-Жизнь изменилась, - ответила Люба, и каждый понял это по-своему.

Ветер сносил Любу с обочины на дорогу, по которой Бог знает как и когда ходит одна-единственная маршрутка. Пока ждала, закурила.

Видео, фото... Все они собирали доказательства своей связи с женщинами. Со старателем, положим, очень просто. Скрытая видеочамера в гостинице, и достаточно. Камеры не за зеркалом, это понятно. Где-то на потолке, за вентиляцией или за освещением... Здорово они посмеялись, наблюдая, как Люба заглядывает за зеркала... Она выходила из гостиницы первой, пока старатель рассчитывался. Наверняка тогда же, при расчете, ему прямо там и выдавали видеозапись встречи. Скотина, если бы не обещание, данное Максиму, встретила бы и задушила его, не до смерти, конечно... А лучше бы отправить его жене то же самое видео, пусть порадует... Но нельзя, Максима подставлять нельзя, у него дети...

Старатель очень хорошо успел узнать ее; этим описанием, очевидно, воспользовался Кругляш. Сам нашел, сам познакомился, сам правильно нажал нужные кнопки, а кокаин помог... Но за всем этим стоял кто-то намного раньше, кто-то заинтересовался и завел ее страницу на сайте два года назад, и кто-то (он же или другой?) активно начал пополнять эту страницу в марте этого года. Кто-то из клуба? Или с прежней работы? Может быть, программисты – им вечно нечего делать. Может быть, тот прыщавый мальчик, с которым давным-давно, так давно, что она бы уже и не вспомнила, не начни копошиться и под лупой разглядывать свое прошлое, она впервые попробовала современный жанр отношений – смс-роман. Сообщения его были безобидными: «Хотел бы оказаться сейчас с тобой рядом», «ты просто супер!» и «спокойной ночи»... Как узнать точно? «Ищи, кого ты обидела», - советовал Максим. Кто ж теперь вспомнит...

Этот новый отправитель, Работник... говорит, что она прошла без собеседования. Может, конечно, всем так врет, но скорее ссылается на мнение тех, кто был с ней... Два мнения – не слишком ли мало?

Стоп, но если есть видео, то они все видели своими глазами! Видео, которое могло быть от кругляша, - это, конечно, мелкая частная гостиница в частном секторе... неужели и там камеры? Ведь это наверняка недешево... Однако и доход приносит... Еще может быть видео с берега, где они целовались. Люба так четко представила, что почти почувствовала кожей: кто-то, оставаясь незамеченным, подъехал по просьбе кругляша на обрыв заранее и, притаившись за какой-нибудь развалюхой-сараем из частного сектора, неподалеку спокойно вел запись...

Стоп. Еще один эпизод. Берег и мальчик-студент. Забыла рассказать о нем Грише, надо сделать сегодня же. Первой. И снова почти кожей почувствовала кого-то, притаившегося в ивняке, с телефоном, способным записывать видео. Лучшую технику студент, пожалуй, не осилит... Господи, стыд-то какой...

Но самое важное, самое-самое... что-то еще осталось в списке пропущенных...

Проезжавшая мимо «Тойота» притормозила, остановив Любины размышления; молодой парень кивнул:

-Садись, поехали!

-Нет, спасибо, я подожду автобус.

-Долго будешь ждать. Садись, покатаемся. Не бойся меня, я не кусаюсь.

-Зато я кусаюсь, - проворчала Люба.

-Не верю. Такая красивая. Губы какие красивые, прямо сок. Поехали, довезу, куда надо, за поцелуй.

-Дорого мой поцелуй стоит. Тебе в такую даль бензина не хватит. Очень дорого, - злобно сощурилась Люба. Куда деваться с этой пустоши...

Раньше она бы испугалась, сердце заколотилось бы бешено... Только сейчас она знает, от чего действительно начинает заходиться мотор и немеет вся левая сторона. Чего действительно стоит бояться...

Этот наглый тип вызывает не страх, а равнодушное ледяное презрение, как мелкий гнус с той стороны москитной сетки...

Вдалеке показалась маршрутка.

-Замерзла совсем. Поехали, что ты, боишься меня, что ли?

-Вон моя машина топает, - кивнула Люба. – Спасибо за компанию.

-Ну давай хоть тебе визитку оставлю, - он протянул карточку. – А курить бросай, вредно это.

-Вредно – жить. А курить – это ерунда. – Люба махнула маршрутке, засунула визитку в карман. – Счастливо.

«Надо будет Максиму передать координаты. Наверняка ОТТУДА поклонник. Десять минут назад сообщила Грише, что выбираюсь из этого места – они подслушали и уже машину подогнали»...

Маршрутку трясло, водитель не тормозил на поворотах, и Люба все ждала, когда же... когда же они догонят какой-нибудь КАМаЗ, который сделает ее спокойной и далекой...

Лерка долго переносила встречу и наконец позвонила сама: «Давай завтра в «Чашке»!

-Ой, ты подстриглась? Тебе идет, - заметила она, после того, как Люба сдала свой пуховичок в гардероб. – А я нашла новую работу! – радостно сообщила и уселась за столик.

-Здорово! Поделись секретом, как в условиях кризиса найти теплое место.

-Я иду работать в фармацевтическую компанию. У них, наоборот, сейчас подъем: народ чихает, депрессирует, самое то!

-Здорово! А меня звали в хорошее место... мне там очень понравилось. На радио. Только мне что-то долго не звонят. Обещали перезвонить несколько дней назад...

-Так позвони сама! Я, бывает, забегаюсь, забуду позвонить кандидату, он сам звонит, и я ему очень благодарна! Это показывает заинтересованность кандидата в работе! Позвони, позвони!

-Точно, позвоню сама... Как твои отношения с мужем?

-Ты знаешь, сложные. У нас резко похолодало. Я поняла, что не могу ему доверять, а ведь это очень важно.

-Он не продолжает свои отношения с этой иногородней?

-Нет. Говорит, что нет. Я уже ни в чем до конца не уверена. А ты как?

Люба глубоко вздохнула в ответ. Посмотрела на подругу долгим взглядом, и опустила глаза, скрывая слезы.

«Кто-то плохо шутит с нами», - сказала она тихо. - «Кто-то хочет, чтобы мы развелись». И очень кратко, общими словами рассказала Лере свои беды...

И видела по ее глазам, что Лера не верит. Еще решит, что Жаркова с ума сошла.

-Кому это надо, кроме твоего мужа? – удивлялась Лера. – И ради чего? Ты вроде не супермодель, хоть и симпатичная. Зачем такие затраты?

-Вот и я думаю: зачем? Когда я это узнаю, у меня будет ключ. А так я просто кролик в клетке удава.

-Любашка, да все это тебе кажется. Кто-то плохо пошутил. Перестаньте отвечать на письма, удалите ящики, в конце концов. И все закончится!

Здравая мысль. «Так и сделаю», - решила Люба, - «если еще хоть одно письмо придет».

В понедельник Анна из сети супермаркетов сама перезвонила Любе и сообщила, что вакансия снимается. Ее отдел сокращают с шести до двух человек. «Так что еще немного – и я тоже буду готова работать официантом», - прибавила она.

В тот же день пришел и ответ от Работника.

От кого: Андрей Владимирович <rabotnik72@mail.ru>
Кому: Любовь Ж. <zharkolove@mail.ru>
Дата: 27 Окт 2008 09:14:58
Тема: Re: Re: предложение
Здравствуйтесь, Любовь!

Я прекрасно понимаю Ваше сегодняшнее состояние. Вы расстроены тем, что вынуждены на время прекратить общение почти со всеми своими близкими. Но я бы не советовал Вам отказываться, тем более опускаться до оскорблений. Низкий уровень воспитанности может повлечь и низкий уровень тех, с кем Вам предстоит общаться в дальнейшем по той работе, которую я Вам предлагаю.

Если Вы все-таки как следует подумаете и наконец увидите все выгоды, которые Вам несет новая работа, мы сможем обеспечить Вам возможность беспрепятственно видеться с любимым из тех людей, которых Вы пожелаете. Конечно, в нерабочее время.

Я даю Вам на размышление еще три дня.

Как это письмо смогло проскочить сквозь фильтр «черного списка», Люба не могла понять. Может быть, у отправителя какие-то особые права?..

Отвечать не стала. Подумала, что, возможно, первое письмо было просто проверкой реакции, и не стоило так сразу, в тот же час, поддаваясь сиюминутной эмоции, отвечать на него...

Грише пришло новое письмо от семена.

От кого: семен семенов <semen7070@mail.ru>
Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>
Дата: 20 Окт 2008 17:45:32
Тема: Re: Re: Re: письмо
Здравствуй, Оленочек!

Что твоя шлюшка, ничего новенького не рассказывает? Решила, что сдала парочку своих дружков, и теперь и волки сыты, и овцы целы?

Она может провести тебя, только не меня. Я-то знаю, сколько их было и кто они такие. И даже больше знаю: кто отец ее ребенка. А ты думал, это ты?

Хочешь, подскажу адресок, где делают ДНК-анализ? Недешевое, конечно, удовольствие, но оно того стоит. А хочешь, и скидочку подарю.

Люба читала эту мерзость, стоя за Гришиной спиной. Она готова была разорвать ногтями этих козлов за такое неприкрытое вранье, но чувствовала, как ее саму рвут на куски острые клювы тех, кого она уже не видит...

Она почти задыхалась от ненависти. Гриша был подавлен не меньше.

-Зачем они так? Зачем они Кирюшку приплели?

-Ты же видишь, они уже дошли до откровенного вранья, - хватаясь за голову, бесилась Люба. – Они бьют на самые вечнобольные мужские точки. На твои размеры, на твоих детей... Неужели ты думаешь, что Кирюшка может быть не твой сын? Может, ты когда-то кому-то говорил о своих сомнениях? Вспоминай, кому!

-Никому я не говорил... Зачем они так? Как бы ни было, он – мой сын...

-Если ты хочешь, давай сделаем ДНК экспертизу, - решила Люба. - Только не там, где этот козел скажет. Наверняка они могут и результаты анализов подделать, ничему не удивлюсь...

-Ничего я не хочу, - ответил Гриша. – Во-первых, это дорого, у нас нет таких денег. Во-вторых, Кирюшка мой сын, и остальное для меня не важно. И в-третьих, я почему-то тебе верю...

«Почему-то верю»... очень обнадеживающе...

Люба решила насовсем закрыть все ящики. Но Гриша почему-то запротестовал, якобы он ждал на свой ящик писем от каких-то важных ему людей. Люба почти истерику устроила, пытаясь понять: он дразнит ее или надеется узнать от козлевичей что-нибудь новенькое? Он не доверяет ей?!

Свои ящики она закрыла, изменила номер аськи. Написала Максиму новый адрес. «Когда это всё закончится?» - спросила в письме.

Максим похвалил за такой шаг. Добавил, что с ее страницы на сайте подчистили все материалы с нижнего уровня и поставили на сбор информации. И еще: «Когда это закончится – не знаю. Еще ни одной паре не довелось это узнать»...

Спам на Гришин ящик продолжал приходить, намекая на его и Любины комплексы; добавились ссылки на анонимный ДНК-анализ, и реклама услуг «распечатка смс с любого мобильного».

-Ты точно всё мне рассказала? – допытывал Гриша.

-Всё, что могла вспомнить, - уклончиво отвечала Люба.

-Может быть, еще кто-то есть? Левка? Сашок? Корнеев? – Гриша перечислял всех боссов в обратном историческом порядке.

Распечатки смс, конечно, еще ничего не доказывают – она сама могла насочинять их с три мегабайта. В случае чего можно и отвертеться... Но если Грише конкретно укажут на того, кто отсылал ей эти смс, может потянуться некая ниточка...

Совершенно ясно, что видео нет. Гостиница для их редких встреч была совсем недорогой, на дом свиданий не тянула, и скорее всего, не была оснащена по последнему слову техники. Ну а если бы и была – кто станет устанавливать личности сотен постояльцев, классифицировать их, отыскивать на сайте и размещать? Тем более можно быть спокойной за Москву – там сотни тысяч командировочных...

Даже если предположить, что это мог сделать он сам, как и кругляш, и старатель, - бред, конечно, но допустим! Тогда это всплывет в ближайшие три-пять дней. Козел козлевич не потерпит издевательства над собой и непременно пришлет видео. Но вероятность крайне мала, поскольку Корнеев сам женат, и жену не просто боится – боится панически! Эти записи могли сработать и против него, а он был крайне осторожен.

Он тогда дрогнул... Любе вспомнилось малозаметное событие, так задевшее ее. Наутро после их первой ночи, одеваясь, она проверяла, работает ли цифровой фотоаппарат, чтобы захватить его с собой на финал конкурса. Корнеев вышел из душа в одних трусах, увидел фотоаппарат и мгновенно спрятался за угол. «Зачем ты это достала?» - спросил он, смеясь, но в голосе слышалась тревога. Люба ответила, что проверяет батарею, сложила аппарат в чехол, чтобы не смущать Корнеева. Но в тот момент подумала, чего он мог испугаться? Что она начнет его фотографировать в трусах? Как он мог такое о ней подумать? Видимо, его однажды очень серьезно подставили, решила Люба и старалась больше не смущать своего босса.

Если Гриша узнает про Корнеева, это будет полный конец. Корнеева он не простит никогда. Он даже как-то сказал: «Корнееву я могу тебя доверить как самому себе». Гриша готов был пожать тому руку за то, что тот много раз выпроваживал Любу с работы вовремя...

Когда дома смотрели корпоративные фотографии, и Люба подсмеивалась над Корнеевым, эта ирония передавалась и Грише, - он некрасивый, смешной, но очень умный, да, именно такой имидж, главное – ничем не выдать других оттенков отношения к нему...

Корнеева Гриша не простит, но и развод не упростит жарковских отношений. Не сможет он спокойно жить без Любы. Даже на время ее командировок до утра не мог уснуть, потому что нет под боком чего-то самого важного...

13 Сара

Утром позвонили из оптовой конторы, где Люба беседовалась на оператора. Ответ положительный, когда она сможет приступить к работе? Завтра! - обрадовалась Люба и узнала, что завтра - суббота. Надо начать работать хоть где-то кем-то, пока не найдется более подходящий вариант.

За день не пришло ни одного письма, зато вечером Гриша полушуткой сообщил:

-Ну вот, всё, как говорил Максим. Меня уже, кажется с девушками знакомят.

Оказывается, уже второй вечер подряд по дороге домой с работы он оказывается рядом с одной и той же девушкой.

-Смазливенькая такая, грудь - во! Накрашена, как кукла. В шапочке такой пушистенькой, – описывал он ее по-мужски бесхитростно. – В первый раз я внимания не обратил, она меня попросила деньги за проезд передать, потом кокетничала и спрашивала, куда я еду, где работаю, пыталась познакомиться. Я вышел, она дальше поехала. Сегодня чувствую – меня кто-то в автобусе толкает,

оглянулся – снова она. Разулыбалась, узнала, давай снова болтать со мной. Я уже подозреваю, что это от них девушка. Но, скорее всего, случайность, - откуда бы она знала, что я именно в этом автобусе поеду?

Люба усмехнулась. Женские хитрости кажутся мужчинами случайностями...

-Она ждала тебя на остановке, - уверенно ответила Люба. – Я бы так и сделала, если бы была такой же дурой, как она, и согласилась «отработать» в обмен на молчание.

-А ты бы согласилась?

-А из моего ответа не понятно, что нет?

Люба разозлилась по-настоящему. Сейчас Гриша в таком стрессе, что в любую минуту может допустить какую-то ошибку, и все вернется назад...

-Если еще раз она тебе встретится, - а я в этом просто уверена, - пожалуйста, вмажь ей в глаз как следует.

Гриша рассмеялся. Ревнует!!! Ревнует, - значит, любит? Может, прав был Максим, и она действительно любит? Максим сказал тогда: «Если бы не любила – сразу бы ушла. Зачем бы надо было мучиться? Она хочет с тобой остаться»...

Грише было невыносимо тяжело читать все Любины откровения. Будто она скальпировала его, и невыносимо щемило сердце. Наверное, в других обстоятельствах он бы расстался с ней. Но сначала убедиться, что опасность миновала, а уже потом решать, как жить дальше – вместе или порознь... Если бы Гриша был хоть сколько-нибудь уверен, что без нее будет лучше, чем с ней, - даже такой чужой!..

Первый день работы всегда какой-то нелепый. Ты уже не безработный, но еще не специалист.

Любин начальник, Игорь, высокий, тощий, угловатый, оглядел ее с головы до ног (что там разглядывать – джинсы и толстый свитер, никакой женственности!), провел по всему этажу, представляя, как положено:

-Весь второй этаж – отдел продаж. Здесь у нас городские продажи... Это Любовь Жаркова, наш новый оператор... Здесь областные торговые представители... Люба Жаркова, новый оператор... Это сетевая розница, или гроссеры. Тут работают самые матерые торговые агенты. Ну а здесь наш отдел телефонных заказов. Это твое рабочее место. Это мы называем «шапка» - наушники с микрофоном, ты их надеваешь и принимаешь телефонные звонки, а руками в компьютере ищешь клиента и заказ. И еще обрабатываешь заявки, которые приходят по электронке. Лариса говорила, у тебя очень высокая скорость печати? Вот и отлично...

Лариса – это персональщица, которая проводила собеседование и так ловко заглазывала Любино вранье про домохозяйку, которую кризис погнал работать.

В каждом отделе, где еще оставались агенты, мужчины оглядывали ее так же, как Игорь – с головы до ног. Внимательно вглядевшись в ее лицо, протягивали руку и представлялись. Любе казалось, что они вспоминают лица с сайта, на котором шарились, например, только вчера, и пытаются вспомнить: это та, которая на берегу... или та, у которой пирсинг на той губе, которую просто так не видно... или которая умеет делать «резет»...

Игорь показал ей, как пользоваться клиентской базой, как набивать заказ. «У нас раз в две недели проводится тренинг продаж, я скажу тебе, когда он будет, обязательно участвуешь. Плюс раз в месяц делаем тренинг телефонных продаж. Узнаешь, как развести клиента по телефону».

Она надела «шапку» и уже через два часа смело шпарила заказы, время от времени убегая к Ларисе подписать какие-то бумажки. К вечеру она уже чувствовала себя абсолютно в своей тарелке. Еще ни на одном предприятии она так быстро не адаптировалась. Если бы и зарплата была хоть в половину той, которую она заслуживала...

Вскоре незнакомка снова появилась на горизонте. Гриша шел с работы вдоль скамеек, когда его окликнули. Девушка сидела и ждала его. Присел и закурил, соображая, как поступить дальше. Она воспользовалась паузой, сказала, что ее зовут Настя, и Гриша ей очень нравится. Молола какую-то чушь...

-Послушайте, Настя или как вас там... Я прекрасно знаю, кто вы, и даже знаю, кто вас ко мне послал. Теперь идите домой, к своему мужу, если он у вас еще остался, и никогда не попадайтесь мне на глаза. Вам понятно?

Настя округлила глаза, и из них потекли черные слезы. Бормотала что-то про своего мужа, про то, что она не хотела...

Грише стало жалко ее. На ее месте могла быть его маленькая Люба, глупая, запутавшаяся девочка...

-Как ты мог ее пожалеть? – возмущалась «маленькая», выслушав эту трогательную историю. – Она же просто клоун, марионетка! Ты бы еще семёна пожалел!! Это же всё одна шайка!!

Ни один мужчина не может устоять перед слезами молоденькой женщины. Если он не маньяк и не политик. А там, где жалость – там недалеко до любви, надо только умело манипулировать состояниями. Очевидно, эта Настя умела, наверняка прошла какие-то тренинги по соблазнению мужчин, которые недавно узнали об измене жены.

-Давай, я буду тебя встречать после работы, - предложила Люба. – Если она попадется, я с ней сама поговорю.

Гриша представил себе эту картину... В далеком прошлом, когда они еще не были женаты, Люба стащила с его колен одну девушку. Буквально стащила, за хвост на голове: дернула так, что девушка шарахалась потом от Гриши как от чумного. Со второй девушкой, которая была с ним однажды замечена (как настучали Любе их общие знакомые, он отвел ее, пьяную, до остановки), Люба обошлась еще жестче. «Это та самая Гуля? – спросила она Гришу, глядя Гуле в глаза, - которой я пообещала матку вырвать?» Гули с горизонта след простыл...

Очень своеобразно Люба ревновала, очень по-мужски. Да она много что делала по-мужски, Гриша только не всегда это замечал. Может, неспроста им подкидывают спам со ссылками на лесбийские сайты?

Люба пела пальцами по клавиатуре, ловко, без всяких тренингов, уговаривая клиентов попробовать новинки, объясняя, почему не было прошлой поставки и почему они попали в стоп-лист... Половину покупателей она уже узнавала по номеру телефона, который высвечивался в углу монитора при каждом звонке.

-Почему недовезли детского мыла? – возмущались в наушнике. Люба не знала, почему, но предложила сделать заказ еще раз. – Вы уже месяц не можете его сколько нужно привезти.

-А у вас просроченная задолженность тридцать тысяч. Послезавтра мы вас поставим на стоп-лист, если не рассчитаетесь, - предупредила Люба.

-Тогда двенадцать коробок, - усмехнулись на том конце провода.

-Что у нас с детским мылом? – спросила Люба, закончив разговор по телефону и привстав с места, чтобы Игорь ее услышал.

Игорь не ответил. С другим оператором, Серегой, он активно обсуждал какие-то личные дела. До Любы донеслось название гостиницы, той самой, которую Корнеев называл «нашим местом». Люба напрягла слух и потихоньку подобралась ближе.

-Да ну, ты брось, - тоном знатока наставлял Игорь. – Туда водят только... знаешь, кого? Бабу на оптовке снял – и туда приглашаешь.

-А куда еще можно? – уточнял Серега.

-Ну... хотя бы в «Октябрь», только люкс бери.

-Это дорого!

-А ты хотел! Нет денег – сиди дома, - наставническим тоном говорил Игорь. Тут он заметил Любу. – Правду говорю?

-Кого вы там обсуждаете? – ухмыльнулась Люба. – Что у нас с детским мылом?

-С мылом... у-у, брат Любаша, с мылом у нас понты...

В почтовом ящике высветилось письмо от незнакомого адресата, и у Любы странно заколотилось сердце. Чем-то ассоциативно похож был адрес на семёна с работником...

От кого: Сара <f_sara76@mail.ru>

Кому: Любовь Жаркова <operator1@dms-omsk.ru>

Дата: 05 Ноя 2008 14:27:13

Тема: твой муж

Ты меня не знаешь. Но я знаю тебя очень хорошо. Когда я выяснила, как ты поступила со своим мужем, я захотела получше его узнать. Он не достоин такой шлюхи, как ты. Но он прочно держится за

твой подол, потому что еще не знает всех твоих приключений. Но я-то знаю, что такая сучка, как ты, будет продолжать водить его за нос. Сама погуляла, а его не отпускаешь ни на шаг.

Отдай мне его. Пусть немного развлечется, развеется. Со мной ему будет хорошо, поверь. Могу научить его чему-нибудь новенькому, так что потом сама будешь благодарна.

Или ты боишься, что я уведу его у тебя? Не бойся. У меня есть свой муж. Да, я такая же, как и ты. Так что мы с тобой коллеги. А коллеги должны делиться.

Люба удалила это письмо сразу после прочтения. Но была совершенно сбита с толку. Откуда уже успели взять ее рабочий адрес, она работает чуть больше недели? Значит, не напрасны были ее опасения, кто-то из ее новой конторы уже пронюхал, что она за фрукт, и поспешил выложить информацию на сайт...

Суки, суки, они все суки! Что толкает людей на такие поступки? Почему никто из животных не убивает себе подобных, а люди делают это с таким плотским наслаждением?! Впрочем, есть еще голуби...

-Как дела у тебя? – спросил Гриша, позвонив ей на мобильный.

-Как... хреново, -ответила Люба загробным голосом.

-Что – опять? Тебе что-то прислали?

-Прислали, - поделилась Люба. – Дома расскажу.

-Кто? Семен или работник? На какой ящик?

-Гриша, давай не будем обсуждать это по телефону. Мне кажется, они отправляют, а потом слушают наши разговоры – как мы на это реагируем.

-Ура!!! – не своим голосом заорал Гриша, ломая комедию. – Нам снова письмо пришло! Про нас не забыли!!

Пересказывать письмо не было смысла: это же послание ждало ее в новом ящике в яндексе. Они уже и яндекс знают... откуда?! Люба просмотрела все письма. Кому отправляла, от кого получала... Только самые близкие люди. Неужели и среди них есть стукач?! Это же можно с ума сойти, если подозревать самых близких...

Каждый день нес новые сюрпризы.

То сарафанное радио от Гришиных знакомых принесло ссылку на сайт знакомств, по которой открылась страница, заполненная кем-то от Любиного имени и с ее фотографиями из уже наизусть известной подборки.

Цель была понятна – собрать все ее бывшие контакты. Только глупая была мысль – завязать переписку с лже-Любой от имени свежесозданного на сайте героя: «Поедешь со мной в Таиланд, как обещала?». ЛжеЛюба кокетничала, как пятиклассница, ссылалась на забывчивость и просила выслать побольше подробностей о себе...

То «менеджеры» предложили предоставить информацию «о некоторых коллегах, ведь у вас скоро корпоратив?!»

-Гадство, кого бы сдать, - пошутила Люба, сама понимая, что даже врага не подставит под этот огонь...

То козлевици осмелились на личный контакт, и это было самым неожиданным.

-А ко мне сегодня приезжали, - сообщил Гриша.

-Как приезжали?! – Любе казалось, что они так и будут скрываться...

-Ну вот так. Вышел с работы – стоит машина, возле нее трое. Привет, говорят, олененочек, пошли поговорим...

-И что? И ты пошел? – не верила Люба.

-Ну... мы сели в машину, потрындели немного.

-Что им надо было? Ты выяснил, чего они хотят?

-Ничего не выяснил. Те же самые фразы, как в письмах пишут: твоя шлюшка, не нагулялась еще... не буду повторять, противно.

-Так они зачем приезжали? Да еще и втроем..

-Не знаю. Диск мне сунули, сказали - подарок.

-Какой диск? Где он?

-Нигде, я его поломал. Меня просто взбесило, там была твоя фотография, ну... где ты сидишь, а

отверстие диска было как раз там, где у тебя... В общем, я разозлился и сломал диск у них на глазах.

-А они что?

-Они дураком обозвали. Сказали, что еще привезут. Спросили, зачем ящик закрыл, они мне кучу всего полезного переслали.

-Как они выглядят?

-Один такой низенький, с козлиной бородкой. Он за рулем был и только маты про тебя вставлял. Вторым, который в основном со мной разговаривал, он такой... среднего роста, плечи широкие... обычное самое лицо, с небольшой щетиной. Третьего я в зеркало только мельком видел, тоже самая обычная внешность.

-А машина? Что за машина? Ты номера запомнил?

-Я не обратил внимания. Уже темно было, и когда они меня окликнули, я аж вздрогнул – никак не ожидал, что сами приедут.

-В следующий раз обрати. Не могут же они без номеров ездить... Ты не догадался разговор на диктофон записать?

-Нет, конечно. Я вообще плохо соображал...

-Запиши в следующий раз, не забудь...

Но он забывал об этом всегда, поскольку при виде знакомой машины сумасшедший выплеск адреналина с трудом оставлял пространство для решения одной-единственной задачи: каким окольным путем обойти «менеджеров» на сей раз...

Тишина, полный вакуум, глухо, как в платяном шкафу в день, когда решил напугать маму и спрятаться... Никаких известий. Кто сказал, что отсутствие результата – тоже результат? Если это и так, то сейчас это отрицательный результат. Надо просто еще раз попробовать выбросить ее из головы, ее, постоянно убегающую на крепких напружиненных ногах от него, ватной плюшевой игрушки с заводным ключиком в середине. Завод заканчивается, пружина выпрямляется – и игрушка остается неподвижно пылиться на полке...

Где адрес сайта, всё знающего о женщинах? Того, что прислал друг, добавивший дегтя в его замес из ревности и страха вечного одиночества, пока Лара веселилась на природе со своей компанией?

Требуется некоторая сумма, чтобы получить доступ к закрытой информации... яндекс-деньги, пять минут – и поиски продолжаются. Ввел номер ее телефона, и тут же нашел страницу – ее фотография, видимо, сделанная с мобильного телефона, потому что в очень убогом качестве, но все-таки узнаваемая для того, кто провел с ней хоть несколько часов...

Боже правый, девка, за кого ты меня держала! Еще и след от его поцелуев не остыл на обветренных февралём губах, как уже появился кто-то, депутатишко, с полностью закрытой информацией, и только из ее письма какой-то подружке, которая заложила Лару со всеми потрохами, было ясно, что это – политическая лысая шишка, одна из тех, в среде которых принято иметь смазливых молоденьких актрис в качестве любовниц, снять им квартиру и навещать по мере необходимости. Актриски – лучшие любовницы, это не плоские андрогенные модели-вешалки с вечной болезненной астенией, механически – за наркотики и карьеру – раздвигающие длиннющие тощие ноги. Актриски тебе за твои денежки еще и в любовь сыграют, глазки преданные нарисуют... Это были рассуждения одного из тех, кто добавлял информацию на страничку Лары, некто Дядя, скорее всего, тот самый лысый политик, не приложивший к своим изысканиям ничего, кроме хвастливых рассуждений о природе женщины, – ни фотографий, ни записей...

О нем – об Игнате – на Лариной странице всего полстрочки, вскользь, как ответ подружке: «не могу с ним... он к собаке лучше относится...» Но обиднее всего слова самой подружки, – о грузе, который тянет на дно, о селедке, которую не любишь, но ешь в гостях, чтобы не обидеть хозяйку... и Лара ничего, ничего ей не возражала – значит, была согласна...

Он долго смотрел в погасший экран, на свое лицо, – оно полностью расслаблено... Каждая мышца, как после сумасшедшей усталости, приняла естественную форму, и это было незнакомое ему лицо, – а за ним, там, в экране, прятался ответ на вопрос, который его мучил почти полгода. Иногда лучше не знать совсем, чем знать такое... селедка... да, никакой он не бескрылый – он просто мертвая соленая селедка, слишком простая рыба, чтобы любить ее... слишком неподвижная... Лара даже не захотела узнать, увидеть, что он смог сделать ради нее, ради того, чтобы не быть больше селедкой...

Он отошел от компьютера и выбрался на балкон. Внизу шевелится трава, по асфальтовому отмостку ползет огромных размеров жук. Медленно, но ползет. Сам...

Лара встрепенулась и высунулась за ним. Глаза тревожные, будто тоже читать умеет. Не бойся, Лара. Я не улечу. Я просто бескрылая селедка...

Он вернулся в комнату и лег на диван. Чтобы больше не просыпаться. Никогда.

Надо вырвать ее из сердца, как сорное растение, своими корнями опутавшее недопустимо много пространства... Он мысленно сунул руку за пазуху, сквозь кожу и ребра, как учил дед, когда они вместе крутили позвоночник: дед – руками снаружи, он – мысленно, изнутри, – и схватил себя за золотистый нарост на сердце, и вытянул его: размером с куриное яйцо золотой шарик с множеством жилок-отростков, он блестел и переливался всеми цветами пламени, и нужно было что-то сделать с ним – бросить на землю и топтать ногами, чтобы тот стал цвета земли и перестал пульсировать... В груди невыносимо жгло, и нужно было придумать, чем-то смазать то место, откуда только что удалили всё о Ней, – нужен то ли крем, охлаждающий, лёгкий, как сметана на обгоревшую на солнце спину, то ли дождь, который зальёт и остудит этот жар. Не выдумывается ни крема, ни дождя, – ничего, только невыносимая жгучая боль...

10 Зачем-то наступило

Зачем-то наступило утро, и оно было самым отвратительным в жизни. Сначала вспомнилось

все, что прочитал вчера, и все, что вчера сам себе о ней сказал – кошмар, словно наутро заходишь в комнату, где накануне пили и дебоширили, и видишь: все это было на самом деле, никто и не подумал убратся ночью, пока все спали; и ни одна фея не махнула волшебной палочкой, - все по-прежнему грязно и мерзко, и еще более мерзко оттого, что сам теперь трезвый и надо вычищать эти авгиевы конюшни...

Это было сначала.

А потом все стало еще хуже.

Решив все-таки подняться и сделать хоть что-нибудь, чтобы жить дальше, раз уж природа не дала ему умереть за ночь самому... он сел на кровати и понял... понял, что ничего хуже случиться вообще не могло...

Две длинных колбасы, которые недавно превратились в его ноги, снова ватные, и он не может двинуть ни одной.

Он шлепнулся назад, на подушку, и завыл от ярости. Потом протянул руку и схватил телефон, набрал номер, потом сбросил и отшвырнул в угол.

Телефон разлетелся на части: корпус, крышка, батареи...

Дрянь, поганка, дешевая шляха... Зачем она была? Зачем он вообще решил, что все может быть по-другому?

Он катался по кровати, перекидывая тяжелые и бесполезные ноги, рыча и кусая подушку.

В кухне зазвенел телефон – брат-близнец валяющейся на полу разбитой трубки.

Звонит долго, не переставая, минут пять.

Когда умолк, ярость прошла. Осталась пустота. И вскоре наступил голод.

Игнат выбрался из кровати и дополз до балкона, где стояла коляска. Через десять минут он разъезжал в ней по дому, как ни в чем не бывало, словно приснился ему этот год у деда и костыли, а потом – палочка...

Мать, запыхавшись, влетела в кухню, - она примчалась с другого конца города, сначала получив пустой телефонный звонок, потом - не дождавшись Наткиного ответа на домашнем. Она увидела его в кресле, осела и схватила себя за голову.

-Ну всё, - подтвердил он так спокойно, будто речь шла о выпитом кефире, - закончилось.

Они поехали отдыхать туда, где солнечно триста дней в году, где море теплое, и для всех, даже для таких, как он, все устроено очень удобно.

Сложнее всего оказалось сесть в самолет – сложенная коляска отдельно, Игнат на собственных руках по твердому трапу – отдельно.

Зато все остальное было просто необыкновенно. В Анталии к самолету подали трап-рукав, и дальше – просторные лифты, тротуары без бордюров, специальный автомобиль, доставивший его с мамой в отель, - и кругом почтение, уважение и внимание...

Море – огромное, теплое, жутко соленое, когда попадает в глаза и зверски дерущее носоглотку, когда нахлебаться воды – но такое надежное, оно само держит и несет ноги, как мантию за королем в старых сказках... и ласково качает на волнах, и шорохом подводной гальки шепчет что-то загадочное...

Прав был дед, триста раз прав! Ничто не заменит живое море, - это не по телевизору! И Исследователю, если он только не ленится, открываются все чудеса этого мира...

Оказалось, перебраться жить в Турцию довольно легко, надо только купить себе квартиру или дом. И цены на недвижимость вполне сопоставимые с его родным городом. Недолго думая по возвращении на родину, он оформил вид на жительство, собрал нужную сумму, оформил сделку и получил ТАПУ всего за два с половиной месяца. Через несколько лет можно будет получить гражданство...

В середине августа он впервые въехал в свой новый дом, точнее виллу, которой дал название Исследователь, - рядом с адресом там принято писать имя виллы, и у него красовалась непонятная надпись «Issledovatel» - он специально не стал переводить название с родного языка. Весь третий этаж занимал просторный балкон-терраса, с которой было видно море. На втором этаже были три спальни: для него, для мамы, когда она будет к нему приезжать, и для друзей, которых уже через три недели он встречал одних за другими.

Он каждый день ездил на базар за продуктами, сам с удовольствием готовил, купался в море, в бассейне и, конечно, жил в Интернете.

Он больше не будет ждать милости от Бога. Он сам будет выбирать себе женщин, причем они будут с ним не за деньги. Из множества фотографий он отобрал три, связался с Учредителями – как называли себя держатели сайта.

-Все вполне возможно, - подтвердили они. – Вы вносите предоплату, мы готовим вам Ваш вариант. Окончательный расчет после доставки вашего желания к вам домой.

-Сколько понадобится времени? – уточнил Игнат.

-По первому вашему варианту – больше года, там все пока вполне благополучно в семье. По второму варианту – думаю, месяцев пять. Клиентка готова, необходимо начинать обработку. Ну, а третий вариант – месяц, не больше.

Через месяц в его доме появился страшноватый турок с белокурой девушкой. Она заглядывала ему в глаза и в рот, хотя по-русски тот говорил очень плохо.

-Привет, друг, - поздоровался турок. – Это моя девушка. Настя.

-Здравствуйте, - мельком поздоровалась Настя, не сводя глаз с турка.

-Чаю хотите? – предложил Игнат.

-Хотиим. Настя, это твой земляк. Зовут Игнат.

Они уселись в прохладной гостиной, пили яблочный чай. Чай Игнат готовил по всем инструкциям.

Совсем скоро солнце упало за горизонт и резко стемнело.

Они болтали в гостиной о море, о том, как много общего у турков с русскими – та же горячность, неряшливость, то же гостеприимство. Потом турок встал и сообщил:

-Настя. Я выхожу на чуть-чуть. Ты жди здесь.

Когда он ушел, Игнат достал бутылку крепкоалкогольной раки, предложил Насте:

-Будешь? Турки, наверное, сами не пьют и тебя не угощают?

-Нет, я не пью. Мне Танеш запрещает, - ответила Настя.

-Но сейчас его нет. И он не отказал бы своему лучшему другу, если бы я попросил его.

-Только совсем чуть-чуть, - кивнула Настя.

Через час она лежала на нем, тихо всхлипывая.

-Он меня убьет... Он скажет, что я русская бл... Зачем я это сделала?

-Тшш... - он гладил ее волосы, немного жесткие от непривычного им яркого солнца и соленой воды. – Два мужчины всегда между собой разберутся... Ты ведь хотела этого, правда?

-Ну и что, что хотела? Я ведь женщина, не могу со всеми, кто мне понравился...

-Настенька, судьбы людей складываются по-разному... Ты же не знала, знакомясь с турком по интернету и отправляясь к нему в гости, что встретишь здесь меня...

«Ну, во-первых, не с турком, - хмыкал про себя Игнат. – А с азербайджанцем, бывшем подданным СНГ... А во-вторых, нечего было лететь к незнакомому мужику... А в-третьих, если мужик платит за твою путевку, надо полагать, что он к тебе влезет под юбку... А в-четвертых... все-таки ты русская бл...»

-Мне уезжать через четыре дня, - снова всхлинула Настя. – Путевка заканчивается...

-Может, останешься? Я тебе помогу документы оформить. Погости у меня немного

-Я бы осталась, но у меня там дочка. Она, правда, все время с бабушкой, но я по ней очень скучаю.

-Ты в следующий раз с ней приезжай, - шепнул Игнат.

Наутро он скажет ей, что решил с Танешем как мужчина с женщиной – откупился десятком верблюдов, вот какой он продажный, твой Танеш...

Через четыре дня ее ограбят в аэропорту, поэтому не выпустят без паспорта и билета на родину – она позвонит ему в отчаянии, а он красиво поможет ей, спасет из такой тяжелой ситуации...

Часть 4. Любовь Жаркова

Монолог на улице перед кафе:

-Привет! Как сам? А... а я на свадьбе сейчас... Так, пацан еще с института... Нормально!

-Тут одна такая, Танюша, черненькая, с титьками... На Ленина живет... Я ее, значит...

-Я что звоню! Ты можешь свалить куда-нибудь сегодня?.. Ну конечно, а ты как думал?..

-Говорит, ха-ха, не пьет, только воду! ...Ну а ты как думал? Всё как надо, водку в минералку! Да че бы она заметила!..

-Ну как – можешь свалить? Ну Лёха, я ж тебя выручал!! Лёха!... Скот ломовой....

-Алло! Юрас, привет!...

Гриша был мрачнее обычного. Он встречал Любу с работы, и делал это в последнее время постоянно. Темнело рано, и регулярное, хоть и недолгое его общение с незнакомцами из джипа, номера которого были заляпаны грязью даже в погожий день, заставляло его заботиться о Любиной безопасности.

-О чем так грузишься? – спросила Люба. – Опять приезжали?

-Хуже, - отозвался Гриша. – Сегодня был в «Эльдорадо» по делам. Встретил там одного из этих, из джипа... случайно.

-Они тебя там ждали, что ли?

-Нет. Он меня, наверное, не заметил, но дело не в этом... Он был в форме МВД, майорских погонах...

-Ты напишешь про это Максиму?

-Наверное, напишу, только не специально, а между делом... Но он что-то давно не отвечает...

Максим действительно некоторое время не писал, хотя Гриша периодически посылал ему сообщения. И наконец пришел ответ.

От кого: макс maximum74@mail.ru>

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>

Дата: 10 Ноя 2008 22:13:51

Тема: Re: письмо

Гришай, здорово! Не писал, валялся в больнице по сердцу. Как видишь, мне тоже не обошлась даром вся эта история с моей Викторией. Ты, кстати, проверился бы у кардиолога, не нравится мне твое синее лицо.

Я не могу понять, почему вас не оставили в покое. Вы сломали всю схему, по которой они действуют, и я теперь не знаю сам, что будет дальше. Главное – не провоцируйте их. И никому не сообщайте, что знаете про сайт и про вывоз за границу

Помни: ни в коем случае не поднимать руку и не лезть на рожон.

Береги свою Любашу! Ей сейчас ох как хреново...

На следующий день от него пришло совсем другое письмо.

От кого: макс maximum74@mail.ru>

Кому: Любовь Ж. <lubazhark@yandex.ru>

Дата: 11 Ноя 2008 19:24:19

Тема: Re: Re: выдержки

Люба, вспомни, кому ты говорила про сайт. Может, кому-то из твоих «собеседников» или подружкам? Вспомни, кому и что именно, это важно!

Гриша, прочитав это, тоже начал допрос с пристрастием.

-Ну, Лерке мельком сказала, но она не поверила... И еще с Бегемотом...

-Что? Что ты ему сказала?

-Ну... попросила назвать точный адрес сайта... он спросил, какого сайта, я ответила – того самого, не притворяйся, что не знаешь... он давай дурака включать, типа ты с ума сошла, я ответила: я действительно чокнутая и сама себе что-то выдумала...

-Ну зачем? Зачем ты это сделала? Ведь Максим с самого начала предупреждал: не надо!!! Тебе человек помог, на свой страх и риск, а ты его подставила!! Ты знаешь, что ты не первая, кому он так помогает? И что он уже зарекался помогать, потому что в прошлый раз после того, как он себя выдал, его ребенок руку сломал!

-Как сломал?!

-Ну так... гулял во дворе и сломал!

-А при чем тут сайт и ребенок?

-Потому что ему писали уже, типа успокойся и не лезь не в свое дело!

-И что? При чем тут рука?

-А при том, что мимо бежал какой-то дядя, толкнул ребенка, тот упал и руку сломал!

-Ты же сам говорил, что ОНИ не связываются с криминалом! Что у НИХ все методы только психологические!

-Ну, как видишь, - не все...

-Гриша, прости меня, я такая дура была... я тогда так перепугалась, сама не понимала, что делаю... Я не могу в этом признаться Максиму, он меня совсем за скотину будет считать....

-Ладно, не реви... я как-нибудь на себя возьму...

Через день Максим ответил снова, прислав каждому по письму.

От кого: макс maximum74@mail.ru
 Кому: Любовь Ж. <lubazhark@yandex.ru>
 Дата: 12 Ноя 2008 21:28:46
 Тема: Re: Re: выдержки

Люба, ты ни в чем не виновата. Проболталась совсем другая моя «клиентка», хотя твои слова тоже подлили масла в огонь.

Подумай еще раз очень, очень хорошо. Должен быть еще кто-то, кто первым начал писать о тебе самые важные подробности. Не жалея этого человека, он этого совершенно не достоин! И если осталось что-то еще – не тяни, расскажи Грише сейчас. Это очень важно. Иначе вас ждет долгая и мучительная пытка, как у нас с Викой. Гришка сказал, что выболтал тебе нашу историю. Оно, может, и к лучшему – теперь ты понимаешь, к чему может привести твоя попытка скрыть хоть капельку правды. Подумай!

От кого: макс maximum74@mail.ru
 Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>
 Дата: 12 Ноя 2008 21:34:12
 Тема: Re: письмо

Гришай, здорово! Не тирань Любашу. Мне надо было предполагать, что она проболтается, бабы – народ ненадежный. В общем, я собираю своих детей в охапку и сваливаю в глухую деревню. Не знаю, вернусь ли в ближайшие пять лет, пока старший не закончит школу. Выкручивайся как-нибудь сам, главное – береги жену, видно, как ты ее любишь, не отдавай никому. Она, скорее всего, поумнеет и станет к тебе намного лучше относиться. Держись!

Занятно, что писал он каждому по отдельности, а читали свои письма они обычно вместе. Только в этот раз Люба скрыла от Гриши письмо Максима. Не то, чтобы совсем скрыла – просто промолчала, отложив до завтра.

(С) Анна Ведерникова, 2010 г. www.wedernikowa-proza.narod.ru

Завтра наступило и с упоением расстреляло последние надежды.

После обеда Игорь вызвал Любу в отдельный кабинет. Ничего хорошего это не предвещало, а уж когда в кабинете обнаружился безопасник, предчувствия стали совсем тяжелыми. Или она отгрузила клиента из стоп-листа... это, конечно, плохо, но за это не увольняют... Или это как-то связано с семёнами, и тогда... нехорошо заныло в желудке, скрутило, как выжимаемое белье...

-Люба, ты, наверное, помнишь, что при приеме на работу мы просили указать о себе некоторые сведения, те, которые мы считали для себя важными, - начал издали безопасник, чтобы сердце у нее успело зашкалить за все мыслимые нормы колебаний. Наверное, ты понимаешь, что если мы просим что-то указать, то предполагаем, что кандидат указывает правду, а иначе считается, что он нас обманывает?

«Не тяните жилы, - про себя разозлилась Люба. – Что еще мне подкинут фак-менеджеры?»

-Почему ты скрыла, что у тебя есть опыт работы? – приступил к делу безопасник.

-Потому что он не имеет никакого значения для работы оператором, - испуганно ответила Люба.

-...Что у тебя образование есть... - безопасник давил длинными паузами.

-Я решила начать карьеру с нового листа. Я не смогу найти сейчас работу по своей специальности.

Безопасник смотрел на Игоря, будто молча передавая ему какую-то информацию.

-Это всегда очень подозрительно, когда человек что-то скрывает, - снова затянул он. – Но рано или поздно все обнаруживается.

-Я не вижу никакого криминала в том, что человек с двумя высшими образованиями и работой в должности замдиректора вдруг переходит на работу оператором. Я два месяца не могу найти никакой работы по специальности! Если вы думаете, что я устроилась временно, пока не найду что-то другое, и скоро уволюсь, то это не так. Я хочу расти в вашей компании, мои знания и опыт могут быть очень полезны, - Люба выговаривала все, что только приходило в голову, надеясь, что хоть что-то поможет им понять ее позицию.

-Всё ясно, - сообщил безопасник. - Подожди за дверью.

Люба вышла за дверь и, со смесью страха и гнева в голове, готова была в любую минуту

Через несколько минут безопасник вышел из кабинета, и, глядя сквозь нее, кивнул: зайди туда, а сам удалился.

Люба уселась напротив Игоря, кусая губы, и молчала, вопросительно глядя на начальника.

-Ты должна понять, - начал он. – У службы безопасности свои понятия о мотивах людей. Им везде мерещатся шпионы. На самом деле у них есть инструкция, и если человек что-то скрывает при трудоустройстве, его увольняют, как только обнаруживается правда.

-Я же хорошо работаю, - выдавила Люба, понимая, что уже подступает истерика. – Ничего незаконного не делаю!

-Это не важно. Бывает, люди устраиваются от компаний конкурентов, какое-то время работают хорошо, потом сливают информацию. Чтобы запутать безопасников при приеме на работу, скрывают свой опыт работы у конкурентов.

-Я никогда не работала у ваших конкурентов, - сквозь слезы, всхлипывая, проговорила Люба.

-Только не надо истерики и слез. Я сказал: есть инструкция. Я не могу повлиять на решение безопасников, они даже генеральному не подчиняются – сразу учредителям. Так что пиши заявление, пока по-хорошему.

-По-по-по какому хорошему?

-Тебя могут уволить по статье. В твоей анкете есть строчка «все предоставленные данные соответствуют действительности. Против проверки этих данных не возражаю». И подпись твоя стоит, так? Так что закон здесь не на твоей стороне.

Люба закрыла лицо руками и взхлеб разревелась. У нее текло из глаз и из носа, и даже не было с собой платка. Когда жидкости стало уже совсем много, она зажала нос кулаком и выбежала в туалет.

Через десять минут, когда она, продолжая судорожно всхлипывать, вернулась в кабинет, Игоря там уже не оказалось.

Она сидела на рабочем месте, тупо глядя перед собой в экран. Медленно осознавала, что судьба снова дала ей смачный чавкающий пинок по лицу.

Снова жестокое и беспощадное царство мужиков диктовало свои правила, снова ее рвали в клочья лишь за то, что она была слабой и не замышляла ничего опасного. В кого она превратилась из сильной, уверенной женщины – в стопроцентную жертву? С чего началась эта жестокая игра, кто первым бросил в нее камень?

Из ступора ее выдернуло воспоминание о вчерашнем письме Максима. Что-то она собиралась сегодня... Ах, да!

Она набрала его номер и попросилась прийти к нему. Он долго не соглашался, потом предложил встретиться в кафе. Люба настаивала:

-Максим, пожалуйста, мне нужно кое-что тебе показать, нужен компьютер. Пожалуйста. Я очень тебя прошу. Иначе я удавлюсь, честное слово.

Услышав ее редкие всхлипы, которые после сильной истерики нельзя сдержать никакой волей, он назвал ей адрес.

Люба сняла «шапку», выключила компьютер, подошла к Игорю: «Можно, я завтра приду и напишу заявление? Я не могу тут сидеть... Можно, я сейчас уйду?»

Игорь разрешил. Весь офис, уже, очевидно, обменявшийся новостью по внутренней аське, провожал ее сочувственным взглядом.

Она надела свой пуховичок и потопала на остановку. Душа ее тряслась и подвывала. Вымороженное сердце расталкивало жидкий азот по венам, и от этого холода, Любе казалось, она в любую минуту рухнет, окоченев, и разобьется на осколки.

Почему, почему эта маршрутка не может ни во что врезаться... Люба перевела взгляд на молодую мамашу с малышом, сопящим напротив нее, и загнала эту мысль куда-то очень далеко. Десять минут – и она в каком-то полуподвале, в низеньком помещении по соседству с интернет-кафе.

-Ты похудела, - заметил Максим. – Тоже вся синяя, сердце не проверяла? Раздевайся на вешалке. Чаю хочешь?

-Максим, ты можешь мне показать этот сайт? – раздевшись и прихлебывая невыносимо крепкий

чай из чумазой кружки, начала она.

-Нет, - жестко ответил он.

-Очень надо. Ты можешь закрыть название рукой, еще как-то... Но мне очень, очень надо...

-Зачем? – Максиму совершенно не нравился этот разговор. Почему он, как полный дурак, всегда уступает женщинам?!

-Мне надо понять, не подставляю ли я одного человека... Он мой друг, но кое-кто расспрашивал про него, и из того, что я ответила, могут быть сделаны неправильные выводы...

-Люба, - медленно начал Максим. – Я пытался тебе помочь и развеять на сайте то вранье, которое про тебя пишут. Поэтому я очень внимательно читал каждое слово.

-И что? – Любу уже колотило мелкой дрожью.

-И скажу тебе, - тот человек, которого ты пытаешься защищать, - он совершенно этого не достоин.

-Какой человек? – пискнула Люба. Кажется, сейчас ее сердце выскочит из горла...

-Тот самый... который тебя с рук кормил...

-С рук? – Люба совершенно потерялась. – С каких еще рук...

-Я знал, зачем ты придешь. Хотя я этого категорически не одобряю!! И я скопировал тебе несколько страниц с его рассуждениями.

-С чьими рассуждениями? – тупила Люба.

-С рассуждениями этого человека. О том, как нужно тобой управлять. О том, что ты выдумала легенду о своем японском происхождении и тебе нравится, когда в нее верят. О том, что ты можешь переходить улицу в самом неподходящем и опасном месте, при этом оставаться решительной и отчаянной...

-Покажи! – закричала Люба, и Максим усадил ее за компьютер, открыв несколько сохраненных страниц...

«Война – ее стихия, на войне, – рыночной, естественно, войне, – в крайних и невозможных условиях она может победить. Сияет, приближаясь шаг за шагом к поставленной цели, чеканит на вопрос «как продвигается дело?» - свое победное «Все отлично! К вечеру будет результат!». Вот чем можно ее мотивировать – сложностью задачи. Она никогда не жалуется и не ищет причин для неудачи»...

Люба читала отрывки из его рассуждений, из своих писем ему, из его писем... оттуда были вырезаны все фамилии, без правки текста, отчего иногда искажался смысл, и Люба не сразу понимала, что это то самое письмо, где он упоминал о Лерке:

«...Я меняю тактику поиска работы. Сегодня выбираю кадровые агентства с профилем на продажи и на топов, и ищу работу через них. Шерстить интернет не дает результатов. Честно, начал переживать: не получается с поиском. Думаю, с профессиональными агентствами оно веселее будет.

Одна осталась не пристроена Ей все же активнее нужно заняться своей карьерой. Поговори с ней. Какие планы? Тяжело ведь оставаться одной. Но и бежать в никуда не стоит. Ее никто не гонит. Поддерживай отношения с ней. Хотя я не знаю, есть ли понятие «женская дружба». (Тема для разговора. Мы с тобой не разу не касались ее). Просто я не встречался с женщинами, у которых были друзья-женщины. Или женская дружба отличается от мужской...»

«...У меня в не так много друзей: и ты. Все. И мне грустно видеть, что с нет у вас дружбы (хотя много времени проводили вместе и без нас мужиков) Товарищество - да. Но искренности или желания. Не знаю. Женщины - это вообще мир другой галактики. Человеческий разум не может постичь и понять действия женщины. С удовольствием продолжу любую интересующую тебя тему и попытаемся найти ответ на существующие вопросы...»

Люба замерла перед экраном, Максим видел, что она уже не читает – она где-то недостижимо далеко. Из глаз ее без остановки лились слезы, но она этого не замечала.

Сколько самолюбования – размещать на ее странице собственные письма ей! Свои «гениальные» мысли, - должен же их увидеть весь мир! Так-то он занимался поиском работы – заполнял ее страницу? Чью еще? Может, Леркину?

-Люба, - тихонько вернул ее назад. – Надо Грише всё рассказать.

Она кивнула, но не перевела взгляд.

-Люба, этот человек тебя просто использовал. Григорий тебя любит. По-настоящему, понимаешь? Таких мужиков уже не осталось, это динозавры. Вымирающие, - добавил он.

Она снова так же кивнула.

-Я расскажу тебе, как поступила Виктория. Это моя жена. Она погибла.

Вика была в командировке. В гостинице случайно познакомилась с мужчиной, они вместе поужинали - там же, в гостинице. Вечер закончился в ее номере. Не помнит почти ничего, кроме того, что ей было очень, очень хорошо с этим человеком. И она рыдала, расставаясь с ним. Они поддерживали переписку, пару раз он приезжал в город к ней.

Она писала ему обо всем – признавалась в любви, жаловалась на мужа...

Потом у нее появился еще один. Потом еще.

Когда начали сыпаться письма, я не знал, что и почему. Никто не мог мне помочь, как я тебе. Я сам, постепенно, по ниточке, вытягивал на свет всю правду. Мне предлагали видео в обмен на услугу. Нужно было открыть удаленный доступ к одной очень, очень засекреченной сетке. Я мог это сделать, но не стал. Вместо этого подошел к безопаснику и рассказал что мог. На следующий день Андрей сломал руку. Больше я к силовикам не обращался.

За что-то пришлось просто заплатить.

Это длилось два года.

Вика уже мне про всех рассказала, но про одного рассказать никак не могла. Когда я получил диск с записью их встречи, я понял, почему. Это был мой лучший друг. Всё открылось, она молча взяла кое-какие свои вещи и ушла. Я, дурак, ее отпустил... Она ушла не куда-нибудь - к нему. Вечер они провели вместе, потом пошли в твой клуб. Там он ей сообщил, что не готов принять ее к себе, он прожженный холостяк... Он не принял, ко мне возвратиться она не могла. Она купила где-то героин и тут же вколола четыре дозы. Ты знаешь, что было дальше...

15 Голубь

На лице Максима не было ни слезинки. Просто такие же глаза, полные пустоты, как тогда, когда он пришел в клуб.

Он взял Любу за плечи, крепко сжал и сказал со злостью:

-Даже думать не смей ни о чем таком, поняла?! Чтобы из-за какого-то дерьма рушилась твоя семья. У меня вон Андрюшка до сих пор ее ждет, понимаешь? Старший знает, а этот – нет, он ждет ее, письма пишет!! И я, как дурак, отвечаю ему с ее ящика!!

-Зачем он так? – тихо спросила Люба, словно не слышала всех его слов.

-Затем, что хотелось похвастаться. На работе нельзя, друзьям нельзя – вдруг жене настучат. А там – пожалуйста! Люба, выбрось из головы!

-Но ведь это предательство, самое настоящее предательство.

-А что твой Гриша чувствует?! Ты его не предала? Он тоже понять не может – «зачем она так?» Всё, успокаивайся, пойдем, я доведу тебя до дома. Тебя в таком состоянии отпускать опасно.

Люба не двигалась. Максим встал, начал одеваться и протянул ей пуховик.

-Подожди, Максим. Мне надо кое-что сделать... Я напишу Грише, он всегда просит, чтобы я писала. Отправлю по почте, а уже потом поеду домой. Я зайду в соседнее интернет-кафе, там напишу.

-Ох, не стоит, - покачал головой Максим. – Там весь трафик просматривается. Может, у меня напишешь?

-Не могу у тебя. Отвлекаешь, - Люба надела куртку и взяла сумочку.

-Когда допишешь, снова заходи сюда. Поняла? Без меня не уходи. Слушай, оставь здесь сумку, там она только мешаться будет.

Люба кивнула и выбралась в интернет-кафе. Было уже темно, около семи вечера. В клубе тусовались подростки, пахло пивным перегаром.

Люба села за компьютер и выключилась из всего мира.

Она не замечала, как несколько раз Максим заглядывал в зал, и, убедившись, что она еще сидит, исчезал.

Когда письмо было готово, она нажала «отправить», посидела еще минуту, надела пуховик,

вытащила из кармана деньги и, расплатившись, вышла на улицу. Она побрела через дома и шла довольно долго, не обращая внимания, где находится. Все ее мысли были внутри нее.

Самый главный ее человек – тот, кто зажег в ней огонек, благодаря кому она чувствовала себя живой, настоящей, способной любить, способной увлечь другого, желанной и уверенной в себе, – этот человек с самого начала ставил над ней свой необъяснимый эксперимент...

Это она была тем голубем, которого полгода назад видела растерзанным на траве. Это ее положили на лопатки и клевали ее белое мясо, чтобы насытиться. Наверное, они не знали, что убивают ее, а может, и знали, но было наплевать, а может, и вовсе думали, что выполняют благородную миссию, уничтожая женщину, которая не умела беречь то, что имела.

Она голубь, уже мертвый голубь, потому что после такого невыносима жизнь, и права была Вика, и та девушка, что выбросилась из окна. Люба всегда считала суицид проявлением слабости, но теперь совершенно понимала – иногда лучше проявить слабость и успокоиться, чем быть сильной и существовать дальше с тем невыносимым грузом, с той разорванной грудной клеткой...

Им хорошо, у одной были под рукой деньги и наркотик, у другой – седьмой этаж... У Любы нет ничего. Только поток машин наверху, где мост...

Мост, река... льда нет, но вода очень холодная. Темно, ее никто не бросится спасать. Это хорошо. В сапогах ее сразу утянет на дно. Только дойти до места, где глубоко, наверное, не хватит духу...

Она поднялась наверх по крутой чугунной лестнице. Будет холодно и больно, но чем хуже, тем лучше. Лестница казалась бесконечной. Ступеньки уходили в небо...

Тьма и холод, они давно поселились внутри нее... Все, что не убивает нас, делает нас сильнее... Наверное, у каждого человека свой предел силы. Рано или поздно появляется что-то или кто-то, кто убивает...

Свист встречного ветра снизу, ожог – словно кипятком, и внезапно тьма и холод накрыли снаружи, и совсем скоро они уравниваются; вот только очень холодно, обжигающе холодно, и с легкими, полными ледяной воды, как больно умирать...

«Я сама придумала участвовать в этом конкурсе, и когда мы вышли в финал, я уговорила его вместе поехать в Москву за получением награды. Я сама проследила за тем, чтобы нас поселили совсем рядом, и в моей голове без остановки звучала песня «если хочешь остаться – останься просто так, сможем мы умчаться вдаль на белых лошадях...» Наверное, до конца не верила в успех своего коварного плана, но больше всего на свете хотела этого.

Весь день накануне финала мы гуляли по Москве, он показывал мне удивительнейшие места, самые неожиданные виды... я всячески льнула к нему: брала его за руку, переходя дорогу, улыбалась необыкновенно ласково, вечером попросила разрешения взять его под руку – вроде как устала...

После просмотра конкурсной программы мы поужинали в ресторане, погуляли по вечерней Москве, перед самой гостиницей зашли в супермаркет за пивом. Когда он притормозил у аптечного киоска, мое сердце радостно дрогнуло и, боясь спугнуть удачу, я прошла вперед, из-за угла подглядывая, как он долго ждет киоскера, расплачивается, убирает коробочку в карман пиджака...

В гостинице я переоделась и приняла душ, а потом пришла в его номер. Мы пили пиво, обсуждали программы других конкурсантов, он, как обычно, был потрясающе красноречив. Я села ближе обычного, он протянул мне ломтик сыра. Потом пересел на диван, где была я, продолжая оживленный, с жестами разговор. Взялись за руки, он гладил меня от запястья до локтя, сразу двумя руками, при этом, как ни в чем ни бывало, мы обсуждали конкурс дальше. Я тоже стала гладить его руки. Наконец он неожиданно обнял меня, и мы стали целоваться. Целоваться удобнее лежа. Когда он начал меня раздевать, я подумала: особой страсти так ниоткуда и не взялось, но это было то, чего я так давно хотела... вот оно и случилось, первая измена, так просто все, оказывается...

Мы долго еще лежали, – я на нем, – и разговаривали. Он сказал, что я ему помогла, у него будто камень с души свалился... Он пел мне колыбельные песни, просил остаться до утра.

Наутро после завтрака мы снова начали целоваться и вернулись в его кровать. Там прошло еще часа три, в смене поз и ролей, с отдыхом...

Весь вечер на награждении он смотрел на меня равнодушно. Нам встретилась наша коллега из Томска, Оксана, очень приятная и симпатичная девушка. Мы давно знакомы, и после награждения (ты знаешь, что нам досталась награда за лучший молодежный проект – впрочем, второстепенная)

он предложил втроем пойти в какой-то недорогой ресторан. Он развлекал нас своими байками, а у меня настроение было - ниже нуля. Во-первых, грудь и живот не больно, но явно расцарапаны его щетиной. Это может не успеть зажить, и тогда ты начнешь задавать вопросы. Я еще днем купила бальзам от ран, которым весь день мазала царапины. Бальзам вонял тухлым сыром...

Во-вторых, наш роман только начался, а он, вместо того, чтобы провести этот вечер со мной, сидит и любезничает с другой девушкой. Мало того, намекает ей поехать к нам в гостиницу! В общем, я стала почти демонстративно засыпать прямо за столом, он тормозил меня и рассказывал дальше. Наконец я, видимо, напилась, и чуть не грохнулась мордой в тарелку. Мы рассчитались и вышли на Арбат. Пошли к станции метро, он все время подкалывал меня, Оксана вежливо смеялась. Я не выдержала его издевательских шуточек и рванула в другую сторону. Оксана была на каблучках, давно стерла ноги, но побежала за мной. Бежала долго, крича "Любаша, Любаша! Метро не в той стороне!"

Мы дошли до подземного перехода, я чуть впереди, они сзади... в переходе какие-то панки пели песню Шевчука "душа моя рядом стояла и пела, а люди, не веря, смотрели на тело". Я очень люблю эту песню и, остановившись напротив поющей компании, закрыла глаза и стала беззвучно подпевать и плакать с закрытыми глазами. Он и Оксана позади меня ждали, когда это все закончится... Потом они взяли меня за руки и повели в выходу. Рядом была станция метро. Оксана шутила "Как ты угадала, что метро в этой стороне?!"

В метро мы расстались с Оксаной, в вагоне ехали молча, я грузилась не по-детски, бормоча что-то типа "25-го меня уволят" (это был день нашего возвращения домой)...

Абсолютно молча дошли до гостиницы, я приняла душ и вышла на балкон. Вскоре он тоже вышел на мой балкон, в одном полотенце вокруг бедер. Спросил, что со мной, попросил зайти в комнату. Там гладил меня по штанам и говорил, чего они такие бархатные. Потом мы целовались и перебрались в кровать. Там было снова многочасовое шоу, мы соединились, отдыхали, мылись, снова соединились... Наутро мы снова были близки.

Ходили уже с трудом: от этой взрослой физзарядки болели мышцы на ногах. Весь день провели на мастер-классе, вечером ехали в аэропорт и весело пили пиво. Когда мы вошли в самолет, там по радио звучала "я тебя никогда не забуду"... он тихонько подпевал, когда мы пробирались к своим местам... Когда мы уселись на кресла, он потянулся ко мне целоваться. Мы целовались жарко, хотелось безумно, но краем глаза я увидела в проходе шапочного знакомого, поцелуи закончились...

На работе мы смотреть друг на друга не могли. Он зыркал на меня как на врага. Я была готова повеситься... Через неделю он снова улетел в Москву, и только оттуда прислал мне такую смс... "привет Любаша. Приезд сюда возродил во мне прекраснейшие ночи Боже какая ты прекрасная"... Я чуть не упала со стула от счастья.

В следующий раз мы встретились только через месяц. В понедельник он пригласил меня вместе пообедать, в среду мы ужинали и целовались в ранних сумерках, и на мое "я забыла твой запах" он спросил "неужели мы так большие и не встретимся? ведь следующей поездки может не быть". В пятницу днем мы были в маленькой гостинице.

Что помню из той встречи - что нигде не смогли найти презерватив, который был на нем, и что перед самым выходом, когда уже одевались, напала самая жаркая страсть. Еще - что он спрашивал: что я в нем нашла? а я отвечала: пусть сам догадается, что есть у него и нет у других мужчин... Не знаю, что он подумал, но я имела в виду его харизму, брутальную агрессию и интеллект...

Вечером в туалете из меня что-то выпало. Я с ужасом посмотрела.. да, это был он, резиновый мешок. Мне было и страшно, и смешно. Ты бы мог обнаружить его внутри меня!

Потом мы очень долго не встречались. Не переписывались... На новый год прислали друг другу кучу откровенных смсок, ты видел одну, что-то про желанную... Потом снова холод.

Я уволилась и перешла в другое место, думая, что это поможет. Может, он быстрее соскучится, если я перестану мелькать перед его носом несколько раз в день...

Я ошиблась. Он позвал меня только через четыре месяца...

Потом снова ледниковый период, я устала от этих заморозков и много раз решала этого человека бросить.

Как-то посидели в летнем кафе, он сообщил, что увольняется и уедет в Москву. Я поняла, что нужно прощаться. Начались знакомства на сайте, Старатель: мне очень нравилась эта маленькая

месть.

Когда мы со Старателем решили, что больше не будем встречаться, я узнала, что этот человек давно в Москве, и уехал, даже не предупредив меня.

Было очень обидно. Он даже не посылал смс, на мои отвечал через раз. Вот тогда и появился Кругляш.

В конце августа ОН неожиданно вернулся и пригласил встретиться в кофейне. Я еще была под влиянием влюбленности к кругляшу и шла на эту встречу с неохотой, испытывая к нему что-то близкое к равнодушному презрению. Мы долго разговаривали, потягивая чай. Когда мы вышли из кофейни, я рассталась с ним легко. Как с неизбежным. Как с тем, что стоит благодарить лишь за все то, что было.

Когда он уехал, - уже окончательно, - мы списывались по электронке. Я старалась его поддержать, делилась мыслями по поводу своих поисков работы, - и старательно избегала темы нашего партерного прошлого...

Тема была безнадежно исчерпана, и я стала как швейная машина без ниток, - вроде стучу о чем-то, но все вхолостую...

Эта пустая жизнь вкупе с усиливающимся прессингом козлевичей, вакуум в работе, - пойми меня, родной, если сможешь...»

Гриша дочитал файл до конца и не сразу понял, отчего так болит голова: челюсти были сжаты, словно пытались одна другую раздавить. Он знал, ведь он знал об этом, только не хотел верить! Все Любины резкие перемены эмоций, задержки на работе – еще тогда было все понятно! И еще раз перечитал само письмо, в которое был вложен файл:

Кому: Г. Жарков <zharky@mail.ru>
От кого: Любовь Ж. <lubazhark@yandex.ru>
Дата: 13 Ноя 2008 21:54:31
Тема: письмо

Гришенька. Никогда не думала, что придется тебе писать об этом. Если и думала – только в том плане, что после того, как ты все узнаешь, нам сразу придется расстаться. Но, как ни ужасно в этом признаваться, оказалось, что расстаться с тобой нелегко.

Я не знаю, простишь ли ты. Я не знаю, что мне делать дальше.

Поцелуй за меня Кирюшку

Меня сегодня с работы уволили

Причем тут Кирюшка? Она что, не собирается домой?

Он снова набрал Любин телефон, на который последние два часа отвечал Максим и просил временно не беспокоить Любу: они скоро освободятся, и он довезет ее до дома... Телефон не отвечал.

Он позвонил самому Максиму. Тот говорил с трудом, потому что совершенно запыхался.

-Где она? – закричал Гриша.

-Успокойся. Сейчас я ее найду. Она вышла из кафе и пошла не ко мне, как мы договорились, а куда-то еще.

-Где ты? Я еду, - ответил Гриша.

Они искали ее долго, прочесывая окрестности, заглядывая в кафе, потом Максим вернулся в офис и сел на телефон, а Гриша продолжил поиски.

Он бежал в ночном центре города, вымершем, пустом, среди угрюмых задних дворов восемнадцатого века. Если бы лежал снег, было бы проще: есть следы – нет следов. А так - поди угадай: может, она сидит на корточках вон за тем толстым тополем...

Ему попадались обрывки загулявших компаний, пожилая пара бомжей, выяснявших отношения в гулкой арке, редкие мужчины и женщины, выгуливающие собак, и он спрашивал собачников, не видели ли они молодой женщины в бежевом пуховичке...

Он без конца курил, одну за другой, и бежал быстро, так, что уже практически не мог дышать. Зазвонил мобильный.

-Кажется, я нашел, - скрипящим голосом сообщил Максим.

Настя скворчала на кухне оладушками из кабачков, своим фирменным блюдом. Он проснулся от возбуждающего запаха горячих оладьев и чеснока, и так же, как у Насти на сковородке, у него заскворчало в желудке. Он позвал ее. «Бегу-бегу!» – закричала она снизу.

Через несколько минут она стояла перед ним в тонком гипюровом халатике и с тарелкой горячих кабачков.

Он захрустел оладьями, прихлебывая горячий кофе. Почему турки мелют такой паршивый кофе, думал он.

-Ну-ка, иди сюда, - позвал он, отставив наполовину опустошенную тарелку. Настя подошла, и он запустил руку ей под халат, жадно помял, потом притянул ее, поцеловал в губы и нажал на голову, сдвинув ее к своему животу. – Так, теперь сюда иди... Хорошо, умница моя...

Пока она удовлетворяла его утренний инстинкт, даваясь и захлебываясь от его резких толчков, он с наслаждением закатил глаза и тихонько плотоядно рычал. Потом резко толкнулся к ней так глубоко, что из ее глотки пошла каша, которую она тут же проглотила назад, - дернулся еще раз и замер, слушая, как по телу приятно разливается удовольствие...

Она убежала умываться, зная, как он не любит целоваться сразу после этого, а он лежал в неге, словно его продолжали качать морские волны.

Настя помогла ему умыться, отвезла на берег, и пока он плавал в море, полежала на гальке, золотя свою и без того уже загоревшую кожу.

-Игнатик, - потянула она, когда он выбрался из воды и прилег рядом, - а когда мне можно будет съездить домой?

-Тебе здесь не нравится? – удивился он.

-Нравится, очень. – Она принялась очищать его спину от налипшего крупного песка, по которому он катился до нее. – Тут все совсем по-другому, очень хорошо. Но я хочу навестить дочку, узнать, какие документы оформить, чтобы ее сюда привезти...

-Я позвоню сегодня по поводу твоих документов, - пообещал он. – Наверное, их уже скоро восстановят. Тогда и решим, что делать дальше, давай?

Вечером в гостиную была вечеринка. Днем приехал друг Толик с девушкой, - они купили путевки в очень дешевый отель, а остановились у Игната.

Сначала парни просто пили, а девушки, слегка выпив, танцевали. Потом начались восточные танцы, Настя нацепила пояс, который купила чуть ли не в первый свой день в Турции, и пошла трясти бедрами перед Игнатом. Девушка Толи (то ли Маша, то ли Лена) поначалу тоже скакала, потом окончательно напилась и ушла в спальню, а Игнат, Настя и Толик сидели на террасе третьего этажа.

-Надо же, комаров нет, - удивлялся Толик, отхлебывая водки. – Классно тут, я б тут тоже поселился, только работу не смогу найти. Хорошо тебе, Бескрылый, у тебя в любом месте работа, хоть на северном полюсе, был бы Интернет!

-Это точно, хорошо. Ты не представляешь, Толян, как хорошо! – посмеялся Игнат. – Ладно, пора по койкам. Настя, я в душ.

Выйдя из душа, Игнат удивился, не увидев Настю в спальне. Не поленился заехать по подъемнику на третий этаж и увидел, как та сияет голыми бедрами на скамейке, а Толик наявливает ее сверху.

-Вы как пионеры, даже штаны не стали снимать, - громко сказал Игнат. Толик резко обернулся и дернулся к спущенным до колен шортам, а Настя от неожиданности тихо-тихо, тонко-тонко завизжала. – Что, сучка, давно снизу не была? – ухмыльнулся Игнат. – Пошла вон!

Рано утром Настя застучала в калитку. Она всю ночь просидела за узорчатой решеткой забора, окружавшего Игнатову виллу, пока Игнат, Толик и девушка Толика крепко спали. Мимо Насти шли четверо турков, по-видимому, к утренней молитве. Они уставились на едва одетую Настю и стали громко что-то обсуждать на своем языке. Она гремела решеткой и звала на помощь, потом полезла по затейливым узорам прутка через забор, и туркам открылась ее совершенно обнаженная задница с белым треугольником от купальника.

Ее сняли с забора, что-то спросили, чего она не понимала, а потом двое схватили ее руки и ноги,

один крепко зажал голову и рот, и попеременно стали насиловать ее, сверкая в предутренних сумерках ярко-белыми зубами и тихо о чем-то переговариваясь.

Когда они ушли, она свернулась калачиком на земле, закусила колено изо всех сил и осталась так лежать да самого рассвета.

Игнат выкатился во двор, когда солнце уже было очень высоко и пригревало от души. Он не сразу посмотрел в ту сторону забора, где комом рваных тряпок зажалась Настя. А увидев ее, спросил железным голосом:

-Ты все еще здесь?

Она не ответила.

-Если поумнела, заходи.

Она не сразу встала и медленно подошла к калитке. Игнат подъехал и открыл магнитный замок.

-Хорошо выглядишь, - усмехнулся он.

Она заревела и убежала в дом, в душевую.

Беспокоясь о том, чтобы она не вскрыла вены, Игнат заранее убрал оттуда все острые предметы и заклинил замок, чтобы невозможно было закрыться.

Беспроегрышный урок, хотя и жестокий, и недешевый. Но он не позволит с собой играть. Больше никогда и никому.

12 Дождей становилось

Дождей становилось все меньше: зима заканчивалась, и электрообогреватель уже включали даже не каждый день. Настя щебетала без остановки о том, что посадит в саду весной апельсиновое дерево и банановую пальму, и просила найти в Интернете, как за ними ухаживать.

Игнат очень скучал по матери, даже больше, чем в свой «алтайский период», но звать ее сейчас не хотел: пусть лучше приедет летом, когда можно купаться в море.

Дождавшись, когда Настя уйдет на большой базар, который приезжал по средам, он позвонил Учредителям.

-Второй вариант готовьте мне, - попросил он.

-Что, с этим будешь расставаться? – уточнили они.

-Именно...

-Мы предупреждали, что быстро надоест...

-Я помню.

-Второй вариант – хороший выбор. Будет о чем поговорить, поспорить. Девушка с норовом, но она того стоит. С ней надо иначе. Она силы не терпит.

-Я читал, - хмыкнул Игнат. – Готовьте.

-Предоплатку когда увидим? – уточнили Учредители.

-Завтра. Сегодня отправлю распоряжение в банк.

-Вот и хорошо. Последний вопрос, с текущим партнером как расстанемся?

-Мне все равно.

-Хорошо. Подумаем, счет пришлем.

Он каждый день в часы, когда был уверен, что Настя не зайдет в комнату, - хотя выдрессировал ее так, что она не заходила, когда он работал за компьютером, - заглядывал на сайт, на ту страничку, которая стала особенно сильно интересовать его в последнее время. Долгое время с этой страничкой ничего нового не происходило, лишь изредка, раз или два, добавлялась общая информация. Она любит суши, она купила новое платье, очень сексуальное, она собралась в отпуск... Он даже начал подозревать, что Учредители ничего не предпринимают, и позвонил им, и получил ответ, что торопиться нельзя, это спугнёт...

Но прошло еще немного времени, и страница начала активно пополняться свежей информацией, а затем появились такие фотографии, от которых у него заколотилось сердце... Очень, очень интересный объект... Он не ревновал ее к тем, кто в текущем времени вертелся около нее, зная, что половину из выкладываемого на сайт они выдумали сами, а остальная половина – это просто инструмент, рабочие моменты.

Лето разгоралось, как разгоралось его желание. Так Каспер, заказав в автосалоне BMW M3, три месяца провел в радостном предвкушении: он говорил только о будущем автомобиле, и слушая другие разговоры, включался только если речь шла о машинах. Игнат же не мог ни с кем обсуждать свою новую «покупку», поэтому время от времени звонил Учредителям, напоминая о сроках.

Сроки, меж тем, срывались. Объект не торопился окунаться в море страсти с нужными людьми, печалился о чем-то своем и вел себя не совсем по стандартной схеме. «Это хорошо», - думал Игнат. – «Стандартной я сыт по горло».

Уже прошло лето, погостила мама, и Настя надоела до смерти, Игната останавливало от расставания с ней только нежелание оставаться на какой-то промежуток времени одному.

Он позвонил Учредителям, собираясь разгромно ругаться, услышав очередное «не торопи, сорвётся». Но услышал кое-что весьма обнадеживающее:

-Есть чем тебя порадовать. Она потеряла работу, а значит, что сейчас самое подходящее время.

-Сколько еще понадобится времени?

-Полагаю, вопрос нескольких недель. Так что стели красные дорожки...

-Звоните мне каждую неделю и держите в курсе, - распорядился Игнат.

Он нервничал, торопил и торопился. Скоро закончится сезон, и приглашать ее к себе будет нелепо. Придется ехать в Россию – а это снова трап, бордюры, лестницы и хмурые лица «сидел бы лучше дома». В крайнем случае можно встретиться в Европе или в Египте, но это лишние звенья.

Надо торопить.

-Мы вышли на финальный этап, - сообщали ему. – Объект в панике, все в порядке.

Через неделю новости оказались тревожнее.

-Она зачем-то все рассказала мужу. Это совершенно непонятно, такое происходит крайне редко и только в случаях, когда становится что-то известно о Системе.

-И что дальше?

-На этот случай у нас есть подстраховочная схема. Да и есть у нас подозрение, что рассказала-то не все...

-Я хочу получить результат до конца октября!

-Схема усложнилась, нам потребуется еще некоторая сумма...

Это напоминало вымогательство. Количество заказов у Игната резко упало, и все чаще его финансовое состояние вызывало если не опасения, то желание немного сэкономить. Однако имея привычку все задуманное доводить до конца, Игнат не отказался от своего «проекта» и перевел еще деньги на счет Учредителей.

-Ваш заказ разрабатывается по нескольким направлениям одновременно, - заверяли его еще через неделю. – Подключены все каналы: работа, муж; ищем того, кто им помогает. Рано или поздно все получится.

-Боюсь, что поздно, - грозным голосом разговаривал Игнат. – Я свои обязанности выполняю, деньги плачу вовремя! Извольте и вы свои выполнять.

-Как? В мешок и через границу? Это уже криминал и ты получишь рабыню, но не женщину. Тебе же нужно добровольно?! Пойми, это человеческий материал, он бывает капризен, непредсказуем... Но наши схемы стопроцентно работают, чуть раньше или чуть позже – но результат гарантирован!

-Я не вижу вашего результата!

-Я тебе не могу раскрывать технологию... Но поверь, каждое утро мы начинаем с планерки по твоему объекту. Три человека ведут проект, очень опытные люди. У них тоже хорошая мотивация, поверь. Очень надёжная, - голос на том конце провода нехорошо ухмыльнулся. Не хотел бы Игнат оказаться таким образом «замотивированным»...

Наступил ноябрь, и надежды получить желанную женщину таяли с каждым днем. Хоть Учредители заверяли в обратном...

Когда в его доме раздался звонок, была глубокая ночь. Тот, кто звонил, не учитывал, что утро наступило еще не на всей планете...

-Объект сорвался, - сообщили ему.

-Как сорвался? – спросонья Игнат не мог сообразить, что происходит.

-Так. Буквально. Вниз с моста...

-И что теперь?

-Ничего. Предоплату мы не возвращаем...

Разговор в супермаркете

-Люсь! Ты на «Молочную кухню» уже делала заявку?

-Утром еще, а что?

-Ты «Пастолакт» заказала?

-Заказала!

-Зачем?

-Ну его нормально берут! Женщина какая-то каждый день покупает по две баночки.

-Он у нас уже неделю постоянно в просрочку выходит! У него срок годности 36 часов!

-Наверное, она перестала ходить... давно что-то ее не видно было... муж ходит, сын ходит, ее не вижу...

16 Кирилл

Вокруг непроглядная темнота, как в платяном шкафу ночью. Ни единого звука, ни шевеления ветерка, ни тепло и ни холодно...

Сначала она пыталась всмотреться и вслушаться, ощутить хоть что-то. Ждала долго: может, час, а может, сутки – не с чем было сравнивать время, его здесь не было.

Сделала несколько шагов вперед, - ничего не изменилось. Показалось, сейчас пройдет еще немного, свернет за угол, и там появится хоть какой-то проблеск, - оказалось напрасно. Долго брела, пытаюсь нащупать впереди хоть что-то, но не удавалось даже ощутить движение – встречный воздух не скользил по коже, ничего не менялось.

Страх не было – было абсолютное спокойствие. С первого момента оно нравилось, - давно не было так спокойно и тихо, ничто не тревожило. Но вскоре это надоело.

Прошло действительно много времени – мысли путались в попытке хоть как-то его сосчитать, - они вообще путались, не давая что-либо вспомнить или самой себе объяснить.

Попробовала уснуть – по ощущениям, прошло несколько дней, но спать не получалось.

Брела и брела, вглядываясь в темноту и ища хоть какое-то объяснение, пытаюсь сформулировать некий вопрос и заблуждаясь в ниточках связей.

Остановилась, не потому что устала, - внезапно поняла, что в такой ватной тишине не слышит ни своего сердца, ни своего же дыхания.

Принялась ощупывать саму себя – но вокруг было пусто, как если бы были руки и они скользили мимо тела.

Так не бывает...

Где она? Кто, или точнее, что - она?

Она закричала, но голоса не услышала.

Долго стояла она в полном недоумении. Чем она смотрит? Глаза есть? И смотрит ли она?

Прошло еще то ли два дня, то ли месяц...

Напряженное ожидание каждую секунду: вот-вот что-то изменится...

Что-то важное было у нее... что-то, о чем она постоянно помнила и теперь забыла... Какие-то ниточки, которыми раньше связывала себя и с движениями, и с мыслями...

Разъярившись от собственной бессильности, начала метаться по темноте, и вспомнила: сын. Что с ним, где он? Попыталась встряхнуться, как встряхивается после купания собака, и только явственнее осознала свое положение: никто и нигде.

-Когда эта пытка закончится? – сформулировала она.

-Никогда, - ответил ей тихий голос.

-Кто здесь? – она вцепилась в эту возможность впервые за долгое время поговорить хоть с кем-то, кто, возможно, даст ей ключик...

-Никто...

-Где я? Когда я отсюда выберусь?

-Никогда. Ты сама этого хотела.

-Чего я хотела?

-Покоя и тишины. Наслаждайся.

-Я хотела, чтобы все закончилось!!

-Вот все и закончилось. Наслаждайся.

Она отчаянно заревела, понимая, что это не шутка.

-Я хочу к сыну!!! Что с ним? – закричала она так, как кричат во сне – с силой давя горло изнутри, беззвучно и больно.

-Какая тебе разница? Для тебя все равно все закончилось.

Она попыталась что-то возразить, но ничего не приходило в голову. Тогда она начала вспоминать сына: рост, волосы, носик, глаза...

-Мама, - очень издали услышала она голос, и сразу вспомнила: Кирилл!!

-Где он? Он меня зовет! – кричала она и быстрее заметалась в пустоте. Голос не приближался и не отдалялся, он был для этого слишком далеко, с той стороны шкафа.

-Я не хочу здесь!!! Я хочу к нему! – запросилась она.

Как она раньше не заметила, что вдали едва уловимо светится, подрагивая, огонек, такой

маленький, что догадаться о нем можно лишь по едва расступившейся мгле вокруг. Она побежала к тоненькому пламени: едва тлевшая свеча не освещала ничего, кроме самой себя. Так в темноте, постепенно привыкая, глаза понемногу начинают различать обстановку.

-Мама... мама... - тихо повторял далекий голос.

-Где я? Почему я здесь? – еще раз спросила она.

-Ты сама этого хотела, - сказал кто-то с той стороны свечи.

-Не хотела. Я хотела жить, любить и быть любимой. Но вместо этого я получила... Почему так вышло? Я не заслужила такого финала!

-Это была твоя программа. Ты сама себе ее создала.

-Программа разрушения?

-Программа наказания. Из всего множества выборов, которые были даны тебе, ты использовала именно те, которые привели тебя сюда.

-Это не я... другие мужчины управляли мной...

-Ты сама выбирала этих мужчин.

-Я не хотела этого... я хотела...

Свеча освещала стол, накрытый платком с бахромой... на столе стояла чашка с недопитым чаем, были разбросаны гадальные карты и какие-то бусинки, бумаги, фотографии. Женские руки в тяжелых браслетах лежали на столе, но фигуру и лицо скрывала темнота.

-Мама... - шелестел знакомый голос, но ответить ему было невозможно.

-Я хочу назад.

-Ты окажешься здесь снова, и очень быстро.

-Почему?

-Программа...

-А я могу поменять, - предложила Люба. Скорее, скорее, там же Кирилл ждет...

-Можешь. Только это не так просто.

-Тогда зачем вы здесь? Скажите, что мне нужно сделать!

-Хлопни три раза в ладоши и обернись вокруг.

Люба попыталась, но хлопнуть было нечем.

-Вы смеетесь надо мной? - надежда совершенно пропала. Только бы Гадалка – или кто она там, - не ушла, не исчезла, - больше не вынести полного одиночества в пустой темноте.

Гадалка рассмеялась. Откуда ТУТ у людей чувство юмора? Хотя какие ТУТ люди...

-Ничто не происходит по хлопку, щелчку или волшебному слову. Ты должна сама захотеть и сама принять себя в новой программе.

-А какие бывают программы?

Гадалка снова хохотнула.

-Тебе предоставить каталог жизненных программ?

-Вдруг я опять не ту выберу... - засмушалась Люба.

-Вот тебе и первый вариант – страх ошибки. И в результате – куча ошибок одна на другой.

-Ну, а например, УСПЕХ?

-Что – успех?

-Программа такая. Я везде, во всем, буду добиваться успеха...

-Это не программа. Это язык, на котором она пишется...

-Как все сложно... Не знаю... А что такое программа?

-Наконец-то ты спросила, - ухмыльнулась гадалка и поправила шаль на плечах. – Программа – это твои жизненные ценности, приоритеты, стремления... Эти слова понятны?

-Да... есть немного... - пробурчала Люба. Каждое слово в отдельности понятно, а все вместе – полный туман. – Но ведь у меня они были, эти ценности: любовь, работа, семья... Почему в итоге ничего не осталось?

-Эти ценности были чисто декларативными. Ты на самом деле не ценила ничего из этого. Работу ты меняла каждые год-два. Единственного мужчину, который относился к тебе лучше, чем к себе, - ты не заметила, а ребенок... ребенок тебе попросту мешал.

-Неправда!!! Ты все перевернула! Я люблю его, я без Кирюшки жить не могу.

-Вот потому ты и не живешь... - тихо ответила Гадалка и начала собирать со стола карты.

-Он зовет меня, - сквозь слезы выдавила Люба. – Я же слышу. Сколько времени прошло?

-Не важно. Он будет звать тебя еще долго. Не обращай внимания. Как раньше не обращала.

-Я хочу к нему! Я хочу к Грише! Я просто хотела... я просто была душой...

Гадалка собрала карты, плюнула на палец и поднесла его к фитильку.

-Подожди!! Подожди, - Люба умоляла, она поняла: Гадалка второй раз не появится. – Дай мне подумать, всего минуту!

-У тебя было много времени на это, - печально сказала та и, помолчав, добавила: - Вспомни про сон, который рассказала твоя мама...

Мама обожала рассказывать свои сны, подолгу, издали, с подробностями... О каком сне сейчас речь?

-Странно... мне казалось, тебя это задело, - добавила Гадалка. Тянет жилы, как препод на экзамене...

Люба вспомнила. «Мне сегодня сон приснился, будто я еще молодая, - рассказывала мама по телефону. – Такой сон хороший. Будто ты еще маленькая, и я еще не седая, а полная сил, ни одной морщинки... Хороший такой сон, просыпаться не хотелось»

Любе тогда подумалось, как мало надо человеку: просто молодость. Настанет и у нее, наверное, время, когда будет казаться: для счастья достаточно только молодости, ощущения жизни и сил... Теперь уже не настанет.

-Нужно ценить то, что уже имеешь, - подытожила Гадалка и снова поднесла руку к фитилю.

Люба метнулась, загораживая ее от свечи, и, не отбросив даже тени, увидела вблизи освещенное лицо за секунду до того, как Гадалка все же погасила огонь. Это было ее, Любино лицо.

Темнота снова заволочила пространство, теперь, после света, Любе казалось, что она ослепла.

-Мама... мама... - тихо повторял голос. Он не звал, - он называл.

В полном отчаянии она провела еще какое-то время, пока не спросила себя: «Это что же, всё?»

-Оглянись назад, - прошептал голос.

Люба обернулась и уткнулась носом в дверь. Нашупала ручку, нажала и толкнула...

За дверью был свет, огненно-золотистый, слепящий, с сильно размытыми пятнами, словно что-то происходило за толстым матовым стеклом.

-Она в себя приходит, - шепнул кто-то тихо.

Она попыталась разлепить глаза. В них шли волнистые полосы, похожие на телевизор в ее детстве: когда не ловилась программа, шли такие же, только черно-белые, а эти были темно-синие, темно-зеленые и черные.

Кто-то, кто держал ее за руку маленькой, горячей ладонью, отпустил и обнял ее сверху. Кажется, она лежала.

Другая ладонь погладила ее по лбу. Очень холодная ладонь...

Тепло. Очень плохо, разрывается голова, в горле застрял кусок ржавого железа, но тепло. Теперь тепло...

Гриша вывел Кирюшку из палаты реанимации. В большом белом халате с закатанными рукавами Кирюшка казался Маленьким Муком. Он давно просился к ней в палату, а Гриша ни в какую не хотел брать: капельницы, трубки, аппарат – зрелище не для ребенка. Но оказалось на пользу: она его почувствовала и пришла в сознание, правда, тут же снова заснула, но это было первое, главное проявление после того, как ее вытащили на спасательный катер из ледяной воды неделю назад.

-Где ты ей куртку покупал? – спросил спасатель тогда. – Хорошая куртка. Лучше, чем спасательный жилет... Так бы не нашли.

Любу спас пуховик, который почти не пропускал воздуха, и она, уже с остановившимся сердцем и легкими, полными воды, оставалась на поверхности, как поплавок, пока не подоспели спасатели.

Это была тяжелая ночь. Несколько дней – как одна сплошная ночь.

-Ни на что не надейтесь, - сказал врач сухо. Циники, им ничего не стоит пользоваться такими словами. Остановка сердца, и почти чудом – от резкого охлаждения замедлились все биопроцессы в головном мозге, - восстановление сердечной деятельности после электрошока. Впрочем, пока не ясно, что будет дальше. «Ни на что не надейтесь»...

Ясно одно – без него, без Гриши, она сейчас не выживет, и как там решится потом – неважно, главное – чтобы сейчас ее сердце забилося ритмично, сто двадцать ударов в минуту, уже без кардиостимулятора...

Максим уехал практически сразу же, на третий день после этой ужасной ночи. Он не сообщил, куда, и не писал больше. Гриша был в полном вакууме. Он что-то делал, быстро бежал с работы за Кирюшкой в сад, потом с ним летел во весь опор в больницу, потом они возвращались, варили пельмени и проваливались спать. Наутро снова садик, работа, днем – в больницу, снова работа и снова сад. Весь этот круг на полном автомате, и мысли в голове на полном автомате: не думать, не думать вообще ни о чем, не было прошлого, нет планов на будущее, просто все будет хорошо, пусть не сразу, но все-таки хорошо.

Когда и как успела вклиниться в его жизнь эта женщина – совершенно непонятно. Она появлялась то там, то здесь, пока Гриша не осознал, что происходит что-то особенное. До этого ему казалось, что все женщины вокруг стали на одно лицо, но внезапно Кирюшка спросил: папа, а кто эта тётя, которая все время за тобой ходит? Папа в ответ схватил его за руку и бросился вон из магазина.

Она почему-то была рядом, когда он покупал продукты в супермаркете, подсказывая ему купить Кирюшке кисломолочное, она же оказывалась с ним в маршрутке по дороге в больницу днем. Сидела напротив, смотрела и поддерживающе улыбалась.

Сегодня Гриша только вышел с работы, как она подбежала к нему, бросилась на шею и вдруг прилипла губами к его губам. Гриша несколько секунд соображал, кто это и почему, потом с силой оттолкнул ее и даже, кажется, дал с размаху по лицу. Она заплакала и отошла к лавочке неподалеку. Гриша понесся дальше, плохо понимая, для чего этот маскарад. Он был взбешен. После такого радикального Любиного поступка уже, казалось, нужно отстать навсегда, и действительно – несколько дней был вакуум в электронной почте. Но, видимо, всё продолжается... Что же это такое? Получается, им не Люба нужна, а он сам? Но зачем? В отличие от Максима, он не имеет доступа к закрытым базам данных, их старое предложение предоставить график инкассации места, где Гриша работает, тоже было очень смешным – этот график знает любой дворник, за бутылку расскажет и покажет, зачем такие затраты? Чтобы ввести в зависимость и попросить что-то большее? Но что? Максим был далеко, да и он навряд ли помог бы в этом разобраться...

-Папа, когда вы с мамой разведетесь, я с кем буду жить? – спросил Кирюшка совершенно обыденно, как просил налить ему чаю. Маршрутка, в которой они ехали, проснулась и стала с интересом прислушиваться.

-С чего ты взял, что мы разведемся? – спросил Гриша с осторожностью. Может быть, Люба тихонько вела эту подготовку, пока отводила Кирюшку в сад каждое утро?

Кирюшка не ответил. Гриша спросил еще раз, но сын замкнулся окончательно.

-Тебе это мама сказала?

-Нет, - ответил Кирилл и больше ни слова...

Гриша попытался объяснить ему, что никто разводиться не собирается. Что мамочка сейчас болеет, ей обязательно нужно выздороветь, а такие разговоры только мешают ей. Но Кирюшка уже потерял интерес к этой теме и спросил вдруг: «А что мы маме на Новый Год подарим?»

Когда они пришли, Люба не спала. Она внимательно рассматривала их и улыбалась. Кирюшка бросился к ней, обнял, и на ее глазах выступили слезы.

-Сына... - прошептала она.

-А мы тебе подарок сделали, - сообщил Гриша. – Кирюшка, покажи.

Кирюшка достал из кармана свернутый в восемь раз листочек, на котором был нарисовано непонятно что.

-Это медведь, он спит, а это - сугроб сверху, - пояснил Кирюшка.

-Как твои дела? – тихонько спросила его Люба.

-Хорошо, - не задумываясь ответил Кирюшка. – Мы сегодня с Антипенко подрались, у меня вот тут синяк, - он стал закатывать рукав.

-Что не поделили? – спросила Люба, все больше улыбаясь.

-Я у нее карандаш забрал, а она меня отлупила! Ну я ей потом как взрезал!

-Не надо драться с девочками, - напомнил Гриша. – Из девочек потом вырастают красивые женщины, такие, как мамочка. Ведь ты же не станешь драться с мамочкой? Смотри, правда, наша мама самая красивая?

Кирюшка внимательно посмотрел на Любу. Мама была похожа на гусеницу, завернутую в одеяльный кокон белую гусеницу, всю обмотанную проводами... на лице почти не видно губ и глаз...

Но в последнее время она сама на себя не была похожа – когда волосы поменяла... и перестала смеяться... А сейчас она улыбалась...

-Нет, - ответил Кирюшка. – Она не красивая. Она самая-самая-самая красивая и улыбатальная...

Когда он пришел один, без Кирюшки, и им так много нужно было друг другу сказать, врач строго предупредил: «Никаких разговоров! Нельзя волноваться, очень опасно!»

Поэтому Гриша просто сел рядом на стуле, приобнял Любу, и полчаса они просто смотрели друг другу в глаза. Она то выпускала слезы, то улыбалась, то смотрела серьезно, то вопросительно, то осуждающе, то отводила взгляд и втыкала его в стену...

Этот диалог она прервала лишь однажды:

-Мама знает?

Гриша не сообщал ее матери о том, что случилось. Когда она звонила – обычно два-три раза в неделю, - он говорил, что Люба еще на работе. В выходные – ушла с Кирюшкой в магазин. Беспokoить тещу и выдергивать ее из поселка было бессмысленно...

-Всё будет хорошо, - шептал Гриша, поправляя Любины волосы. – Вчера наконец-то выпал снег... его, правда, мало, он только на газонах, но все равно уже немножко похоже на зиму...

Закончилась осень, самая тяжелая осень во всей вселенной, самая глупая, ненавистная, злая осень...

17 Программа

Вертикаль горизонта. Слева – песок, справа – небо. К тонкой полоске посередине, словно жевательной резинкой к стене, приклеены лежаки, а к ним полотенцами приклеены голые люди: кто спиной, кто животом, кто задом...

За ними кто-то играл в «дартс» длинноногими пальмами, и их пышное зеленое оперение еще синхронно покачивается...

Жаркий сжатый воздух струится слева направо, и дальние силуэты на пестрой полоске мелко подрагивают...

Поворот.

Слева – небо, песок – справа. Посередине – невыносимо блестящая полоса с застрявшими поперек нее фигурами, головами и надувными матрацами.

-Сгоришь. Пошли под зонтик. Я пиво принес, – любимый человек снимает горячие плоские камешки с Любиной спины.

-Подожди... я еще не прогрелась как следует, - улыбнулась она. Ей хотелось вобрать в себя все тепло гальки, на которой она разлеглась, выйдя из воды.

Все вокруг, хоть и казалось сказочным, впервые за много лет было самым настоящим.

Первый в ее жизни настоящий отпуск, не в душном городе и не одной ногой в работе. Первое настоящее море – не Обское, не в кино, не из глубокого детства, от которого почти не осталось в памяти ничего, кроме компота человеческих тел на пляже.

Рядом настоящий мужчина и зрелое, настоящее чувство к нему.

По-настоящему счастливый Кирюшка, - он не очень полюбил море, но из бассейна выходил только на время еды и сна, ныряя в воду и с разбегу, и боком, и головой, и с переворотами, как настоящий дельфин.

Благодаря бассейну, а еще - разнице во времени и раннему заходу солнца по сравнению с сибирским летом, - в неполных девять вечера Кирюшка мгновенно засыпал, оставляя Любе с Гришей пространство друг для друга.

Они отправлялись бродить по большой территории отеля или по поселку рядом, а иногда сидели на одном из балконов в холле отеля. Гриша пристально рассматривал Любу и сообщал:

-Ты очень красивая, - в легком открытом платье, с волосами, распушенными ветром, морем и спокойствием, с разглаженной от морской влажности кожей, вдруг потускневшей за зиму и теперь ощутимо помолодевшей, - она и сама чувствовала себя красивой, но кокетливо пожала плечами:

-Я обыкновенная.

-Нет... Ты обрати внимание, как персонал отеля к тебе относится. Ты держишь себя с достоинством, и с тобой обращаются не как с наташами, а как с королевой.

-Да с чего ты взял!

-Ты еще не видела, как смотрят на тебя продавцы в сувенирных лавочках, я сегодня обратил внимание. Как только ты отворачиваешься – они любуются тобой, не отрывая глаз.

-Гриша! Перестань сочинять. Мне неприятно, - уже без кокетства отозвалась Люба.

-Я не сочиняю, я правду говорю. Пока я сегодня рассматривал кинжалы в лавочке – ну где ты еще пиалки разглядывала – один прямо глаз с тебя не сводил, что-то обсуждал с продавцом и все время на тебя кивал.

-Это который на диванчике сидел рядом с инвалидной коляской? Я тоже обратила внимание, он такой красавчик, - поддела Люба.

-Я те дам - красавчик! Он как меня увидел, сразу замолчал. Ты еще по телефону говорила, они слушали, будто по-русски понимают. Кстати, кто это тебе звонил?

-Это из редакции. Мой материал выйдет в сентябрьском номере. Уточняли, будет мое имя или псевдоним.

-Это про всю эту мерзость?

-Ага, про нее

-Может, не стоит?

-Гриша, ты не представляешь, как мне жалко тех дурочек, которые еще наступят на эти грабли

-Но ведь они все равно наступят?

-Наверное. Я просто увеличиваю их шансы дожить до сорока...

-Люба, это опасные игры. Ты же не хочешь пропасть, как Максим?

Люба помрачнела. От Максима уже полтора года не было никаких вестей, но если верить козлевичам...

Давно, когда Жарковы еще открывали и читали приходящие письма, им прислали новую легенду – о том, что Система (странная привычка людей называть любую относительно замкнутую систему просто Системой, будь то тоталитарное государство, хипповская тусовка или сборище анонимных манипуляторов), - что Система имеет цели весьма благородные, воссоздает рассыпающиеся семьи и помогает заблудшим супругам повернуться друг к другу лицом. «Вы снова вместе, и это – лучшее доказательство. Но есть люди, которые пытаются помешать нашей миссии. Вы должны сообщить нам, кто они. Впрочем, мы и так знаем, ведь это некто Максим, так ведь? Хотя это уже не важно. Можете больше его не прикрывать, этого человека уже нет в живых»...

Отдельные слабые слухи доходили до Гриши, что Максим не смог пережить еще одного инфаркта. Его дети сейчас с бабушкой, но уточнить, где они и как можно им помочь, не удалось.

-Гриша, мне безумно жаль Максима и его детишек. Именно поэтому я не могу об этом молчать. Но надеюсь, статейки в глянцевах журналах эти козлевичи не читают, а если читают, то лишь посмеются надо мной.

-Какие козлевичи? Никаких козлевичей нет. О чем ты? – дурашливо запротестовал Гриша, соображая, как сменить тему.

Они помолчали и потом одновременно произнесли, Люба: «Ой, смотри! Открыт люк на крышу!», а Гриша: «Интересно, что там наверху?»

Рассмеялись и снова хором сказали:

-Давай залезем туда!

Вид на ночное море, который открылся им с крыши отеля, завораживал красотой: множество огней вдоль береговой линии вытянулись, словно рождественские гирлянды, и там, где они внезапно обрывались, начиналась водная стихия. Море здесь было не тонкой полоской между пляжем и небом: отсюда видно, что море властвует над всем, что небрежно размазано по неровному побережью.

-На крыше кто-то оставил шезлонг, - пригласила Люба Гришу, они сели рядом и вскоре забыли и об отеле, и о море, и о своем разговоре.

-Интересно, тут тоже кругом камеры? – спросил ее Гриша через какое-то время, когда их дыхание пришло в норму.

-Конечно, особенно на крыше, - весело подмигнула Люба.

-Значит, будем ждать новостей. Улыбнись! - в тон ей подытожил Гриша и одернул на ней платье – вдруг и в самом деле их снимает скрытая камера.

(С) Анна Ведерникова, 2010